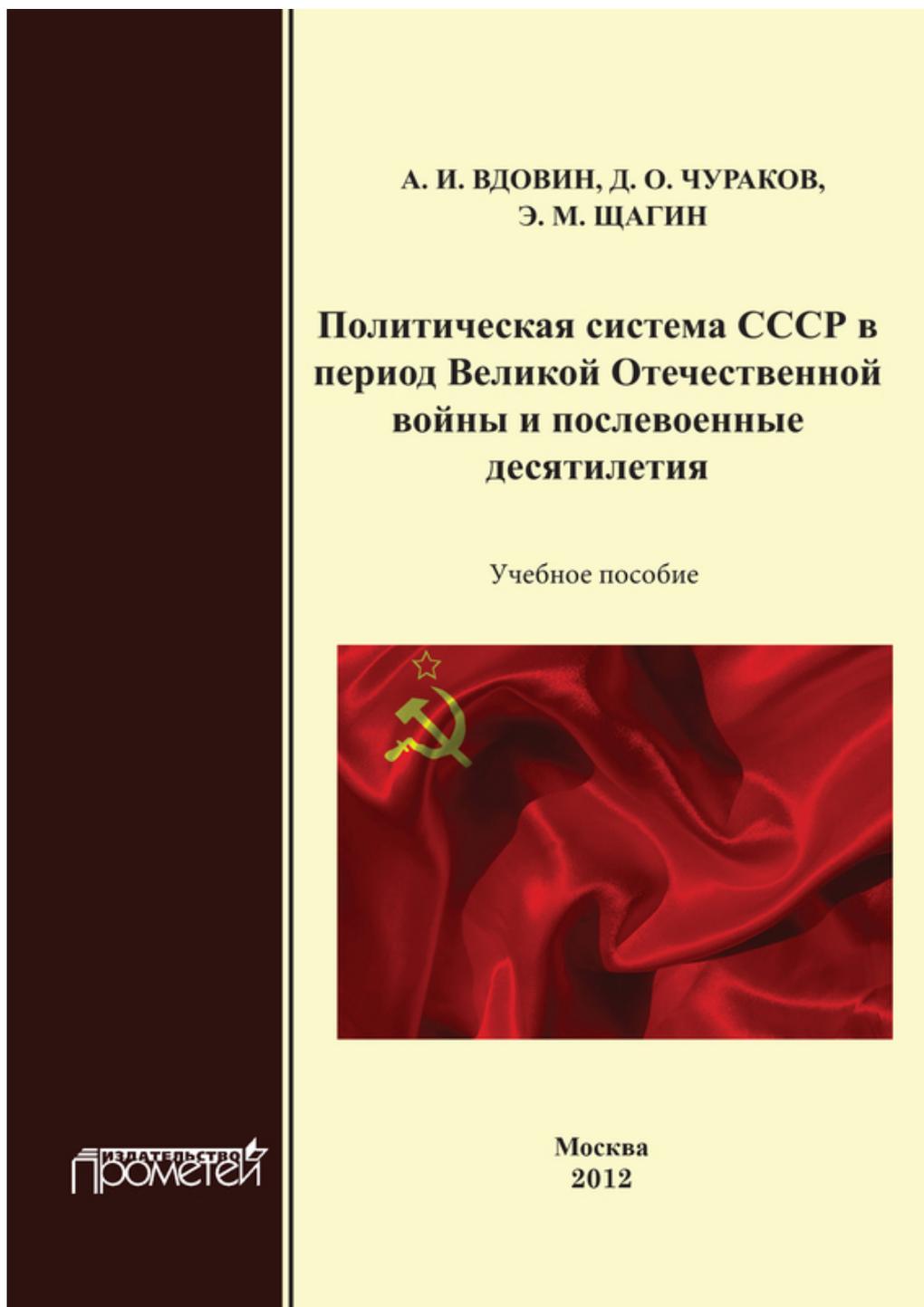

**Димитрий Олегович Чураков, Александр Иванович Вдовин,
Эрнст Михайлович Щагин
Политическая система СССР в период Великой
Отечественной войны и послевоенные десятилетия.
Учебное пособие**

Вдовин А.И., Чураков Д.О., Щагин Э.М. Политическая система СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия.

М.: Прометей, 2012. – 280 с.

Аннотация

В учебном пособии раскрываются основные механизмы развития советской политической системы в годы Великой Отечественной войны с фашистскими оккупантами и в последующие, заключительные десятилетия советской истории. На широком социально-экономическом фоне раскрываются сложные вопросы эволюции советской политической системы. Не обойдены молчанием и сложные, дискуссионные вопросы, связанные с борьбой за власть в высших эшелонах партийной и государственной бюрократии. Опираясь на новейшие тенденции в историографии, авторы обстоятельно прослеживают развитие коммунистической идеологии, в рассматриваемый период неоднократно менявшей свой облик, освещаются процессы ее омертвления, а также размах и последствия этого.

Пособие подготовили сотрудники кафедры новейшей отечественной истории МПГУ: Э.М. Щагин – заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор МПГУ и Рязанского госуниверситета им. С. А. Есенина, зав. кафедрой новейшей отечественной истории МПГУ, д. и. н. – гл. 1, § 2; Д. О. Чураков – зам. зав. кафедрой новейшей отечественной истории МПГУ, и.о. проф., д. и. н. – гл. 1, § 1, гл. 2, § 1–3; А. И. Вдовин – проф., д. и. н. – гл. 1, § 3.

Э. М. Шагин, Д. О. Чураков, А. И. Вдовин
Политическая система СССР в период Великой
Отечественной войны и послевоенные десятилетия: 1941–
1982 годы
Учебное пособие

Введение

Пособие «Политическая система СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия: 1941–1982 годы» является продолжением выпущенного издательством «Прометей» в 2011 году пособия «Становление советской политической системы: 1917–1941 годы». Данные издания осуществляются с целью создания материальной базы проводимых реформ высшей школы и обеспечения новыми учебными и учебно-методическими пособиями новых специальностей, преподаваемых на историческом факультете Московского педагогического государственного университета. Пособие подготовлено ведущими профессорами кафедры новейшей отечественной истории МПГУ под руководством заслуженного деятеля науки РФ, Почетного профессора МПГУ и Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина Э. М. Шагина.

Не пряча и не искажая сложные исторические процессы, протекавшие в этот период в нашей стране, в угоду былой и нынешней политической конъюнктуре, как это все еще может встречаться в учебной литературе по советской истории, авторский коллектив пособия стремится к тому, чтобы за разнообразием исторических фактов студент смог рассмотреть фигуру человека – рядового участника исторического процесса, с его стремлениями, поступками, идеями, надеждами и свершениями. Пособие рассчитано на как на самостоятельную, так и на коллективную работу бакалавров под руководством преподавателя на практических занятиях.

Данное пособие является дополнением и расширением учебника по предмету «Новейшая отечественная история. XX век», подготовленного кафедрой в предшествующие годы с учетом профиля данного направления бакалавриата – историческая политология. Поэтому пособие, в первую очередь, сконцентрировано на эволюции политической системы в СССР периода Великой Отечественной войны и послевоенных десятилетий (т. е. 1941–1982 годов). В пособие вошли два модуля. Первый из них отражает развитие страны в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Второй модуль отражает период поиска путей стабилизации советской политической системы и преодоления сталинского наследия, достигнутые в этом успехи и просчеты. Авторский коллектив полагает, что развитие политической системы в СССР – Российской Федерации с 1982 года по наши дни должно быть освещено в следующем пособии.

Пособие подготовлено сотрудниками кафедры Новейшей отечественной истории МПГУ:

Э. М. Шагиным (Введение; модуль 1 § 2; документальные приложения к модулю 1 и 2)

Д. О. Чураковым (Введение; модуль 1 § 1; модуль 2 § 1, 2, 3; документальные приложения к модулям 1 и 2)

А. И. Вдовин (модуль 1 § 3; документальные приложения к модулям 1 и 2)

Глава I. Советская страна в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления

§ 1. Политическое развитие СССР в годы Великой Отечественной войны: направления, результаты, дискуссии

Начало войны: трудная дорога к истине

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа. Несмотря на то, что страна готовилась к отражению агрессии, в первые недели войны удача сопутствовала вторгшимся на нашу территорию фашистским оккупантам. Военные условия поставили в повестку дня решение многих кардинальных задач, в том числе перестройку всей политической системы СССР. В современной науке достигнуто понимание, что планы превращения страны в единый военный лагерь имелись еще до ее начала. Но действительность внесла свои суровые коррективы в первоначальные намерения.

Заниматься реконструкцией государственной машины приходилось в чрезвычайных условиях. Под ударами превосходящих сил противника Красная Армия с боями отходила все глубже на Восток. Нарушались отлаженные в предвоенные десятилетия каналы и рычаги управления, в том числе армией. Требовалась серьезная коррекция идеологической работы, поскольку до войны господствовала уверенность, что бить врага предстоит на его территории, а победа будет достигнута малой кровью. По-новому нужно было выстраивать систему взаимоотношений между властью и обществом. Без прочной смычки и взаимного доверия между ними о победе можно было бы не мечтать. Предстояло объединить волю миллионов людей и направить ее на достижение общей цели. Каждый советский человек – от солдата до генералиссимуса – должен был выполнить свою часть общей задачи. Только так можно было переломить хребет врагу, навязавшему нам войну на выживание, тотальную войну, не виданную прежде по своим масштабам и бесчеловечности.

Сложные условия, в которых СССР оказался в первые месяцы войны, потребность серьезных изменений в стиле и методах руководства страной породили целый шлейф черной мифологии, цель которой доказать крах советской предвоенной модели развития. Сегодня эта мифология активно внедряется в массовое сознание. В концентрированном виде она была представлена, например, в одной из передач цикла «Суд времени», в ходе которой на электронное голосование предлагался вопрос: «Сталинская система [в годы войны] провалилась или выстояла»? Попробуем без эмоций, на основании фактов, разобраться в этом вопросе и посмотреть, что же происходило в те судьбоносные дни?

Согласно одному из самых старых мифов о войне, глава советского государства Сталин не верил в нападение Гитлера. В наши дни несоответствие этого мифа реальным фактам самоочевидно. На протяжении всей третьей пятилетки СССР активно готовился к обороне своих Западных границ. В своем выступлении на выпуске слушателей Академий Красной Армии 5 мая 1941 года Сталин публично обозначил неизбежность войны. Он сравнил Гитлера с Наполеоном – для русского человека параллель более чем понятная. С речью к молодым офицерам Красной Армии Сталин обратился непосредственно в те дни, когда он официально возглавил Советское Правительство. Понятно, что это назначение было вовсе не случайным.

В тот момент советское руководство, следуя донесениям разведки, ожидало нападение Гитлера 15 мая. Немецкий генерал К. Типпельскирх, в то время возглавлявший Разведывательное управление Генерального штаба Сухопутных сил Германии, в своей «Истории Второй мировой войны», отмечал: «Конечно, от русской разведки не укрылось, что центр тяжести военной мощи Германии все больше перемещается на Восток. Русское командование принимало свои контрмеры... 6 мая Сталин, который до сих пор был только Генеральным секретарем коммунистической партии, хотя и самым могущественным человеком в Советском Союзе, стал преемником Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров и, таким образом, официально возглавил правительство. Этот шаг означал, по крайней мере формально, усиление авторитета правительства и объединение сил».

Переломным моментом в подготовке к войне следует считать заявление ТАСС от 13 июня 1941 года, о котором так много пишется в современной историографии (в том числе прямых спекуляций). В нем открытым текстом звучал призыв к Германии подтвердить свои мирные намерения. Молчание Берлина на дипломатическом языке означало лишь одно – объявление войны. Не случайно именно в эти дни в приграничные округа уходят первые приказы о приведении войск в боевую готовность и выдвигании на оборонительные позиции. Повторный приказ принимается 18 июня. Текст его пока не обнаружен. Вместе с тем, сохранились и хорошо известны документы военных округов, принятые в его исполнение. Кроме того, на середину июня были назначены учения ряда округов и флотов – на несколько месяцев раньше, чем обычно. По воспоминаниям военных, было ясно, что под прикрытием учений в СССР началась скрытая мобилизация и переброска дополнительных сил к западным границам. Так что говорить о запоздалой реакции политического руководства явно не приходится.

Ни у кого не было иллюзий и насчет того, что война может начаться конкретно 22 июня. Об этом свидетельствует напряженная деятельность руководства СССР в последний мирный день – 21 июня 1941 года. Этот день наполнен сплошными совещаниями и консультациями по вопросам обороны. В частности, о подготовке руководства страны к войне свидетельствуют слова лидера столичных коммунистов А. С. Щербакова рассказавшего, как вечером 21 июня у Сталина детально обсуждалось состояние противовоздушной обороны Москвы. По воспоминаниям Н. Г. Кузнецова, чуть раньше, около 2 часов дня Сталин лично звонил И. В. Тюленеву (который в то время командовал Московским военным округом) и требовал повысить боевую готовность войск ПВО. Как известно, Москва расположена в глубине советской территории, и если бы не угроза массированного вторжения и возможного отступления, подобного рода вопросы вряд ли требовали бы повышенного внимания со стороны главы Правительства. Характер нависшей над страной угрозы сомнений не вызывал: по воспоминаниям председателя Исполкома Моссовета В. П. Пронина, в субботу 21 июня Сталин приказал задержать секретарей райкомов на рабочих местах и запретить им выезжать за город. «Возможно нападение немцев» – подчеркнул глава СССР.

Напряженная работа велась и в приграничных районах страны. После XX съезда широко гуляла байка, будто бы командующие Западных округов в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно проводили время. Ее пришлось опровергать лично Г. К. Жукову. Обратимся к 13-му изданию его воспоминаний. Именно это издание в наши дни называют наиболее объективным, свободным от цензуры. К тому же, что немаловажно, оно было дополнено по сохранившимся в архивах рукописям автора. «В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генштаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах, – сообщает Жуков, – Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. В это время у меня и наркома шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов, которые докладывали нам об усиливавшемся шуме по ту сторону границы».

О подготовке к отражению нашествия 22 июня говорят и другие, хорошо известные историкам меры:

- 12 июня дается указание Главного военного совета подтянуть войска вторых эшелонов ближе к государственной границе.
- 16 июня в ПриОВО в боевую готовность приведены 6 стрелковых дивизий.
- 18 июня в боевую готовность приводятся все остальные части и соединения ПриОВО.
- Точно такие меры же проводятся в Ленинградском военном округе.
- 19 июня 1941 года в войска уходит приказ о маскировке аэродромов, боевой техники, складов, парков, а также мест расположения войсковых частей.
- Начинается минирование ряда участков границы с Германией.
- В западных приграничных округах по команде из центра приводятся в боевую готовность и выводятся в районы своего рассредоточения отдельные мехкорпуса.
- Наконец, 19 июня отдается приказ военным советам приграничных округов сформировать управления **фронтов**, а главное – к 22–23 июня 1941 года вывести их на полевые командные пункты.

На основании анализа этих и других аналогичных по направленности мероприятий, имевших место в июне 1941 года, современные историки, такие как Р. С. Иринархов, А. В. Исаев, А. Ю. Мартиросян, заключают, что ко второй половине 21 июня Сталин считал начало войны неизбежным, по крайней мере весьма и весьма вероятным. Уже вечером того дня Сталиным, Наркомом Обороны С. К. Тимошенко и начальником Генштаба Г. К. Жуковым была подготовлена известная «Директивы № 1». Произошло это не позднее 22 часов 20 минут 21 июня, так как в это время оба военных покинули кабинет главы Правительства. В действительности политическое решение о приведении войск в боевую готовность было принято еще раньше, по крайней мере к 20 часам 50 минутам, когда Тимошенко повторно был вызван к Сталину. Его вызывали уже не совещаться, а отдавать приказы. В это время у Сталина находился капитан 1-го ранга, Военно-морской атташе при Посольстве СССР в Третьем Рейхе М. А. Воронцов. Воронцов – лицо легендарное и незаслуженно забытое. За несколько часов до войны он положил на стол главы советского правительства добытый нашей разведкой германский официальный запрос правительству Швеции, в котором 22 июня было указано как дата начала войны. На основании очевидных фактов и принимается решение о направлении в войска «Директивы № 1». Еще до полуночи, текст ее стал известен Наркому Военно-морского флота адмиралу Н. Г. Кузнецову.

Еще один, пожалуй, самый расхожий миф о начале войны, говорит о параличе воли, поразившем Сталина, после известия о начале фашистского вторжения. Его авторство принадлежит непосредственно Хрущеву. Поскольку в начале войны Никита Сергеевич занимал важный, но все же второстепенный пост руководителя одной из союзных республик, 22 июня в Москве его не было и о событиях там он мог судить лишь понаслышке. Чтобы придать своим словам видимость правдоподобия, ему пришлось сослаться на якобы имевший место рассказ Л. П. Берия. По утверждению Хрущева, Берия уверял, будто бы Сталин был шокирован делами на фронте и уехал на свою ближнюю дачу в Кунцево. Там диктатор некоторое время безвольно отсиживался. Увидев приехавших к нему Берия и других членов руководства, Сталин, похоже, испугался ареста. Но когда высокопоставленные визитеры стали его убеждать вернуться и возглавить страну, воспрянул духом и стал прежним Сталиным.

Нельзя исключить, что основой для рассказа Хрущева, так же как и для озвученного на XX съезде КПСС эпизода с планированием Сталиным военных операций по глобусу, стало киноискусство. Если в эпизоде с глобусом читается влияние чаплинского «Великого диктатора», то в описании визита членов Политбюро на дачу Сталина явно видна параллель с фильмом С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный». В жизни реального Ивана Грозного имел место эпизод, когда к нему в Александровскую слободу приезжают бояре, просить его вернуться на трон, который тот демонстративно оставил. Сегодня некоторые авторы как раз и пишут о том, что этот исторический эпизод, мог навести Сталина на мысль проверить лояльность своих «бояр» подобным же образом. Именно так, с налетом исторических аллегорий, трактуется поступок Сталина в книге А. Мерцалова и Л. Мерцаловой «Сталинизм и война». Нельзя исключить, что таким же образом мыслил и Хрущев, объявляя с трибуны съезда о затворничестве Сталина.

Хрущёвская версия событий (в дальнейшем ее поддержит и близкий Хрущёву А. И. Микоян) настолько прочно вошла в умы людей, что даже сталинисты приняли ее за чистую монету. Чтобы как-то оправдать своего кумира, они предложили сразу несколько исторических мифов. Так, писатель В. Жухрай в книге «Сталин: правда и ложь» сообщал о сразившей вождя ангине. Еще дальше идет В. П. Мещеряков. Он пишет о попытках отдельных советских лидеров изолировать Сталина. Именно этим он объясняет выступление Молотова 22 июня, отсутствие подписей Сталина на некоторых официальных документах, невозможность для некоторых высокопоставленных лиц получить аудиенцию у главы Правительства. То есть Мещеряков фактически пишет о ползучем государственном перевороте. Книга, в которой он развернул свою аргументацию, носит выразительное название: «Сталин и заговор военных 1941 года». Версия заговора в верхах уязвима для критики. Возможно, совершая свое нападение на СССР, Гитлер рассчитывал именно на такой сценарий. Во всех странах, в которые вступали его армии, находилась пятая колонна, представители элиты, готовые купить свое благополучие

путем предательства. Но, как известно, в Советском Союзе этого не произошло, что невозможно считать случайностью. Так зачем кому-то придумывать различные небывлицы на эту тему задним числом?

Первоначально, по версии Хрущева и Микояна, получалось, что Сталин потерял самообладание в начальные часы войны. Страшась возмездия и не зная, как оправдаться, он отказался выступить перед народом, перепоручив это Молотову. Хрущев и некоторые его сторонники вкладывают в уста Сталина паническую фразу, которая в подправленном цензурой виде звучит так: «То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли». Позже в своих воспоминаниях «Время. Люди. Власть» Хрущев «усилит» свою версию начала войны, придав ей больше динамизма и колорита. При этом он станет особо подчеркивать, что Сталин, вдобавок к проявлению малодушия, еще и добровольно устранился от управления страной. ««Я – говорит, – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал» – писал Хрущев о поведении Сталина.

В той системе власти, которую создал Сталин, роль вождя была центральной. В силу этого, как отмечает В. В. Черепанов, Хрущев обвинял Сталина, что своими действиями тот парализовал всю систему управления. Отсюда не далеко до вывода, который читаем в книге чеченского диссидента А. Авторханова: вождь повел себя как дезертир. Тем самым вина за первые поражения полностью перекадывалась на Сталина. Для Хрущева это было важно озвучить именно на XX съезде. Реакцию его делегатов на «разоблачение культа личности» предвидеть было сложно, и, в случае осложнений, Хрущеву могла понадобиться помощь Жукова и прочих военных, заинтересованных в том, чтобы некоторые неясные обстоятельства первых дней войны не вскрылись.

Именно в таком виде версия о «прострации Сталина» сделалась предметом разговоров на диссидентских кухнях в 1960–1970-е годы. Именно в таком виде ее вкладывали в умы населения СССР, когда политика гласности сделала возможным перевод западных книг по истории. В частности, когда прежние отечественные учебники потеряли авторитет, а новых еще не успели создать, популярность получил учебник француза Николя Верта. В нем говорилось именно о длительном, почти две недели отсутствии Сталина. Однако в период своего наибольшего распространения в 90-е годы XX века хрущевская версия столкнулась с неожиданным препятствием. В 1996 в «Историческом архиве» году был обнародован журнал посещения кремлевского кабинета Сталина. Казалось бы, миф распался, его можно сдать в музей истории человеческих заблуждений. Но последователи хрущевской версии наши зацепку. Если нельзя доказать двухнедельное «кунцевское сидение», то следует попытаться отстоять хотя бы сам факт панических настроений. Дело в том, что в журнале посещения имеется пробел: в ней записи заканчиваются 28 числом, а вновь начинаются – только 1-го июля 1941 года. И вот генерал Волкогонов пишет уже не о нескольких, а всего лишь о трех днях, в течение которых «первое лицо в государстве пребывало в прострации и не руководило страной».

Однако и в таком, заметно усеченном виде версия Хрущева долго не продержалась. Дело в том, что из этой схемы с очевидностью сразу же выпадает 29 июня. В этот день Сталин активно работал над «Директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков». Плод коллективного творчества, Директива была подписана в тот же день и сыграла важную роль в превращении страны в единый военный лагерь. Кроме того, как показывает реконструкция В. Черепанова, 29 июня Сталин дважды побывал в Наркомате обороны, где состоялось выяснение отношений между политическим и военным руководством страны. Глава Правительства был в ярости от результатов деятельности своего наркома и начальника Генштаба. В литературе пишется даже о том, что своей грубостью он довел генерала до Жукова слез – в подобных случаях крепкого и не склонного к сантиментам человека.

Анализируя воспоминания участников переговоров, состоявшихся в тот день в Наркомате обороны, В. Черепанов отмечал: «Авторы мемуаров упустили или умолчали один, но принципиально важный момент. Речь идет о проявлении первых разногласий между политическим и военным руководством страны и о пресечении Сталиным возможного раскола... Сталин, как мудрый политик, в этот тяжелый час предпринял попытку объединить

усилия политического и военного руководства, подчеркнув безусловный приоритет первого. Хотя сделал он это в чрезвычайно жесткой форме. Но ситуация сложилась такая, что уговаривать подчиненных не было времени». Для Тимошенко и Жукова главным итогом визита Сталина станет скорая потеря их высокого положения (правда «опалой» произошедшее с ними не назовешь, поскольку оба полководца останутся в самой гуще событий на фронте). А для самого Сталина, вероятно, таким итогом стала идея создания органа, который бы объединил руководство фронтом и тылом, а заодно – позволил лучше контролировать деятельность военных.

Вопрос о дееспособности Сталина в первые дни войны не имеет самостоятельного значения. Так подробно на нем пришлось остановиться лишь потому, что на его примере можно наглядно показать, как рождаются черные мифы о нашей стране. Разобрав действительный ход событий, мы можем констатировать, что советская система, хороша она была или нет, не развалилась, выстояла перед первыми ударами гитлеровцев. Если для нас живущих сегодня, вопрос о крепости системы и готовности советского руководства продолжать борьбу имеет преимущественно академический характер (отсюда и дискуссии), то для людей, переживших ужасы начала войны, это был вопрос о жизни и смерти. От того, что люди думали о своих лидерах, зависел их жизненный выбор, жизненная позиция. Советское руководство, показало, что оно не дрогнет, не опустит безвольно руки, не бросит свой народ, не побежит за границу, как это делали лидеры Польши, Франции, Чехословакии и других стран. С первых же часов войны советское руководство показало готовность сражаться. Сегодня, в сравнительно благополучные дни, не всем легко понять, какое колоссальное мобилизующее значение это имело. Патриотический подъем народа и твердая воля руководства СССР оказались спаяны воедино. Это стало важным залогом грядущих успехов на полях сражений. В людях горячо отозвался призыв к Отечественной войне, произнесенный Молотовым в его обращении к народу в полдень 22 июня:

«Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу... Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Героизм народа, крепость советской системы и активная позиция высшего руководства уже в первые дни войны сорвали планы блицкрига, а значит – приблизили победу. Это, конечно, не означает, что Победа была уже predetermined, что никаких просчетов и трудностей на пути к ней не было. Трудности, ошибки, трусость, дезертирство и предательство в отдельных низовых звеньях аппарата власти имелись. Просчеты, иногда очень серьезные, совершались и на уровне центра. Но только теперь, отказавшись и от парадного глянца, и от черной мифологии стало возможно объективно разбираться в их причинах и характере.

В частности, можно отметить следующие факты, хорошо известные сегодня. Так, советское военное руководство накануне войны переоценивало боевую мощь частей Красной Армии. Генерал К. А. Мерецков на январском 1941 года совещании руководящего состава армии, например, заявлял: «При разработке устава мы исходили из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии и что во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую дивизию. В обороне же одна наша дивизия отразит удар двух – трех дивизий противника». Не ясно, на чем были основаны такие шапкозакидательские выводы, но именно они докладывались политическому руководству. Именно они закладывались в планы прикрытия западных границ. Именно они находили место в полевых Уставах РККА. Первые же боестолкновения с хорошо вооруженным и обученным врагом показали их беспочвенность.

Или еще один момент. Сегодня много говорится о советских оборонительных сооружениях на старой и новой границе СССР: соответственно линии Сталина и линии Молотова. Существует даже соответствующий миф, согласно которому после смещения границы далеко на Запад, Сталин приказал разрушить старую оборонительную линию. В действительности такого приказа не было. По директиве Начальника Генштаба 1940 года, старые укрепления не только не разрушались, но даже первоначально не консервировались. Только в дальнейшем, по мере строительства новых УР, старые было приказано законсервировать, организовав их охрану. Вооружения и боеприпасы следовало хранить на специальных складах «в полной боевой готовности к выброске на рубеж». Другое дело, что в некоторых военных округах эта работа была налажена из рук вон плохо. Изъятые оружие не охранялось, сами сооружения ветшали и приходили в запустение. Так обстояло дело, например, в Минском укрепрайоне, находившимся в зоне ответственности командующего ЗОВО Д. Г. Павлова. Одновременно с этим специальные наблюдатели из центра неоднократно фиксировали провалы в осуществлении планов строительства Гродненского укрепрайона. Не лучше обстояли дела с Полоцким укрепрайоном. При их строительстве, кроме всего прочего, не соблюдались меры секретности. Враг, используя это обстоятельство, мог знать состояние наших оборонительных сооружений.

Не все до конца прояснено почему военные, все же, несмотря на чрезвычайные меры, которые предпринимались еще в мае и активизировались в середине июня 1941 года, встретили врага в разной степени готовности? Например, флот встретил врага в полной боевой готовности. Здесь приходится сталкиваться с еще одним укоренившимся заблуждением, будто командование РККФ привело флот в боевую готовность, вопреки воле центра. Неясно, является ли автором этого мифа сам адмирал Кузнецов, или соответствующие слова дописали за него его партийные редакторы. Во всяком случае Кузнецова фактически обвиняют в мятеже – именно так квалифицируются самовольные действия людей, имеющих в руках оружие. Все остальное содержание книг Кузнецова опровергает слова о самочинности действий адмирала в критические для нашей страны часы 21–22 июня. Известно, что еще 19 июня по приказу из Москвы флот был переведен в боевую готовность № 2. Позже из Москвы пришло подтверждение, что флот может отражать нападение противника, если оно последует. Готовность № 1 на флоте была объявлена 21 июня в 23 часа 15 минут – т. е. сразу же, как содержание «Директивы № 1» было доведено Жуковым до Кузнецова. К тому же во всеоружии встретили врага не только моряки, но и находившиеся в подчинении Берии пограничники. Оказались в должной степени боевой готовности войска Одесского военного округа. Не в полной мере, но оказались готовы встретить нашествие в КОВО и ПриОВО. Полностью опоздали с развертыванием войск только в ЗапОВО. Кроме того, до сих пор нет ясности по вопросу, почему некоторые приказы по ЗапОВО противоречили директивам центра, не повышали, а наоборот, понижали боевую готовность личного состава и техники. Среди них, например, такие:

- Изъятие и передача на склады боекомплектов из дотов, танков, самолетов (многие склады, при этом, располагались слишком близко к границам, в результате уже в первые два дня они были подожжены авиацией противника или их пришлось взрывать самим отступающим советским частям).
- Приказ изъять с погранзастав автоматическое оружие якобы для осмотра.
- Полученное в самый канун нападения, 21 июня указание на просушку топливных баков самолетов.
- Запрет на расседоточении авиации округа и т. д.

Список подобных, не поддающихся объяснению с точки зрения нормальной логики приказов и распоряжений можно продолжать, углубляясь во все более мелкие детали. Финал известен – столица Белоруссии, один из главных городов СССР Минск был захвачен уже 28 июня. Трагически сложилась и судьба генерала Павлова. Он сам, а так же некоторые другие высшие офицеры ЗапОВО были расстреляны. Обвинение на следствии строили по статье 58, «Измена Родине», но в конце концов приговор был вынесен по статьям «Халатность» и

«Неисполнение должностных обязанностей».

Не на высоте положения оказались так же некоторые партийные и советские руководители. В Хрестоматии по истории 1914–1945 годов, еще в середине 90-х годов прошлого века подготовленной коллективом кафедры Новейшей отечественной истории МПГУ, на этот счет для студентов-историков содержится интересная подборка документов. Так, в своем письме Председателю ГКО Сталину от 7 июля 1941 года член ВКП (б) с 1925 года С. Болотный сообщал о позорном поведении руководства Литовской ССР. «В день вероломного военного нападения фашистской Германии на нашу родину, т. е. 22 июня с.г., – отмечается в документе, – правительство и ЦК КП(б) Литвы позорно и воровски бежали из Каунаса в неизвестном направлении, оставив страну и народ на произвол судьбы, не подумав об эвакуации госучреждений, не уничтожив важнейших государственных документов... Каунас, город небольшой, настороженное население видело караван транспорта правительственных автомашин, идущих на предельной скорости по направлению вокзала, нагруженных женщинами, детьми и чемоданами. Все это внесло деморализацию среди населения».

Чемоданные настроения охватили и некоторых лидеров УССР. Вот в каких резких тонах писал Сталин руководителю украинских коммунистов Хрущеву 10 июля 1941 года: «Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 км от противника, независимо от состояния фронта. Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать, как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу». Сталин фактически, завуалировано обвинял Хрущева в паникерстве. Не на эти ли упреки запоздало отвечал Хрущев на XX съезде, создавая миф о сталинской прострации?

К сожалению, подобных негативных проявлений чиновничьей халатности и беспринципности хватало не только в первые дни войны, но и позже, когда враг начал продвигаться в глубь территории СССР. Разумеется, это не могло не вызывать справедливого недовольства рядовых граждан. Как сформулировал это сотрудник британского посольства Дж. Рассел, работавший в тот период в СССР, против коммунистов и евреев было направлено стихийное недовольство, годами накапливавшееся в народе. Так, в октябре 1941 г. массовые стихийные выступления происходили на родине первых Советов – в Ивановской области. Рабочие выражали недовольство методами мобилизации на строительство оборонных сооружений, состоянием государственной и кооперативной торговли. Слышались протесты: «Все главки сбежали из города, а мы остаемся одни». Когда же представители райкома попытались развеять распространяемые провокаторами слухи, люди кричали в ответ: «Не слушайте их – они ничего не знают, они обманывают нас вот уже 23 года!»

Аналогичные настроения, по данным начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева и прочим источникам, с которых в последние годы снят гриф секретности, проявились в Москве, в период паники 14–16 октября 1941 года. Не только прежние оппозиционеры или представители свергнутых классов спешили отмежеваться от советского прошлого. По свидетельству пережившего октябрьскую трагедию москвича Г. В. Решетина, широко проявилась реакция, чисто защитного свойства (по принципу «своя рубашка ближе к телу») и у рядовых горожан: «Вечером 16 октября в коридоре соседка тетя Дуняша затопила печь. Яркий огонь пожирает... книги, журналы. Помешивая кочергой, она без конца повторяет так, чтобы все слышали: – А мой Миша давно уж беспартийный, да и вообще он и на собрания-то не ходил».

Нельзя не отметить, что события, подобные московским, стали возможны исключительно в условиях, когда на несколько часов у слаонервных людей возникала иллюзия, будто советская система рухнула. В этих условиях максимум, на что смогли самоорганизоваться простые москвичи, это перекрыть дороги, ведущие на Восток, и громить машины со скарбом беженцев. Причем расправам и унижениям подвергались не только трусливые начальники, но и представители интеллигенции. А ведь у ворот Москвы стоял фашист, и нужно было думать, как защитить город! Столь же показательно, как был преодолен кризис. Как только стало известно,

что Сталин остался в Москве, все панические и погромные настроения прошли. Сталин являлся лишь символом советского режима. Так же, как и он, оставались на своем рабочем месте или на боевом посту множество других людей: красных директоров, милиционеров, солдат и офицеров, ополченцев, рабочих, служащих – словом всех тех, кто не поддавался панике и отстоял Москву. Произнося свой знаменитый тост «за русский народ» 24 мая 1945 года в Кремле на приеме в честь командующих войсками Красной Армии, Сталин вспоминал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».

Изменения советской политической системы в 1941–1945 годах: трудная дорога к Победе

Часто в качестве доказательства кризиса и поражения советской системы в годы войны приводят тот факт, что, после первых же выстрелов на советско-германской границе, началась ее трансформация. Методы управления, еще в конце 1930-х годов казавшиеся незыблемыми, отвергались. Вместо них происходил переход к новым, часто более демократическим. Однако следует отдавать себе отчет в двух обстоятельствах общетеоретического и практического плана. Во-первых, советская система в годы войны видоизменялась не только под давлением разобранных выше негативных факторов, в том числе протестных настроений в обществе. Сам резкий переход от мира к войне требовал серьезной настройки аппарата власти с учетом быстро менявшейся обстановки. Во-вторых, изменения шли и в течение всех предшествующих десятилетий, начиная с 1917 года. В обществе боролись демократические и антидемократические тенденции. И сегодня многие ученые, в том числе на Западе, не спешат однозначно утверждать, что эта борьба завершилась, тотчас, как окончилась гражданская война. Не стоит так же забывать судьбу царской России. Косность политических институтов, нежелание учитывать веянья времени в конечном итоге привели ее к гибели. Соответственно, гибкость советской системы является доказательством скорее ее устойчивости, нежели кризиса.

Перестройка государственного механизма на военный лад начинается уже в первые часы после нацистской агрессии. Некоторые мероприятия были продуманы заранее, другие – стали ответом на быстро меняющуюся ситуацию. Уже в первый день войны 22 июня Политбюро, а затем Президиумом Верховного совета СССР принимаются четыре важных документа, определивших характер мобилизационных мероприятий. Это указы: № 95 «О мобилизации военнообязанных»; № 96 «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения»; № 97 «О военном положении»; № 98 «Об утверждении Положения о военных трибуналах». В указе «О военном положении», со ссылкой на Конституцию, разъяснялось, что военное положение в отдельных местностях или во всей стране может вводиться для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. В местностях, объявленных на военном положении, вся полнота власти в части обороны передавалась военным. За неподчинение распоряжениям военных властей и за совершаемые преступления предусматривалась уголовная ответственность по законам военного времени. Нарушителями должны были заниматься специальные трибуналы, приговоры которых обжалованию не подлежали. Важное положение содержалось в заключительном пункте указа, пояснявшем, что юрисдикция данного указа «распространяется так же на местности, где в силу чрезвычайных обстоятельств отсутствуют местные органы государственной власти и государственного управления СССР». Речь шла об оккупированных врагом территориях.

На следующий день, 23 июня Политбюро приняло постановление «О Ставке Главного Командования вооруженных сил Союза ССР». Без проволочек оно было оформлено совместным закрытым постановлением СНК и ЦК ВКП (б). Ставка, таким образом, стала

первым созданным в годы войны чрезвычайным органом управления. В ее компетенцию входило руководство вооруженными силами. Председателем Ставки был назначен Нарком обороны Тимошенко. Так же в нее были включены Сталин, Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Жуков и Кузнецов. Советская историография не любила подчеркивать этот факт, но, как легко увидеть, большинство «рядовых» членов ставки были по своему положению, а главное по авторитету в стране несоизмеримо выше ее формального руководителя. Это не могло не создавать определенные трудности. Видимо, понимал положение вещей и сам Тимошенко, который подписывался под исходящими из Ставки документами не как ее Председатель, а расплывчатой формулой: «От ставки Главного Командования Народный Комиссар Оборона С. Тимошенко».

Позже состав и даже название этого важного органа военного управления претерпевало неоднократные изменения. Так, 10 июля, как официально разъяснялось, в связи с образованием Главных командований отдельных направлений (Северо-Западного, Западного и Юго-Западного) он был переименован в Ставку Верховного Командования. Обращает на себя внимание тот факт, что в этот же день вместо Тимошенко Председателем Ставки становится Сталин. Тогда же в нее был введен Б. М. Шапошников, как очень скоро выяснилось – с дальним прицелом: 30 июля он возглавит Генштаб, сменив менее опытного в штабной текучке Жукова. Чуть раньше, 19 июля 1941 года, своего высокого поста лишится Тимошенко. Вместо него НКО возглавит лично Сталин. Наконец, 8 августа Сталин будет назначен Верховным Главнокомандующим. Соответственно Ставка Верховного Командования будет преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования. Тем самым, организация управления армией приобретает свой законченный вид. Как подчеркивал в этой связи А. М. Василевский, в результате проведенных реорганизаций «значительно улучшилось руководство Вооруженными Силами, их строительством и обеспечением».

Важную роль в переводе политической системы и страны в целом на военные рельсы сыграла упомянутая выше «Директива о мобилизации» от 29 июня 1941 года. По справедливому замечанию ведущих современных историков, в ней была сформулирована «основная программа действий по превращению страны в единый боевой лагерь». Директива предельно лаконично, но емко формулировала суть происходящих событий. «Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов... В навязанной нам войне с фашистской Германией, – отмечалось в ней, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение». Документ отмечал, что, несмотря на всю серьезность нависшей над Родиной угрозы, «некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители еще не осознали значения этой угрозы и не понимают, что война резко изменила положение», что «Родина оказалась в величайшей опасности». Требовалось сбросить пелену иллюзий и благодушия и, засучив рукава, браться за сложное дело организации отпора агрессору.

В документе звучал призыв «драться до последней капли крови», «проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу». Тыл предстояло укреплять «подчинив интересам фронта свою деятельность». Для помощи раненым предлагалось приспособлять помещения школ, клубов и даже государственных органов. С дезертирами, паникерами, диверсантами звучал призыв расправляться беспощадно, придавать суду военного трибунала. Как особое оружие врага назывались провокационные слухи. Директива реально оценивала ситуацию, признавала возможность оставления врагу части советской территории. В документе звучал призыв в случае вынужденного отхода Красной Армии «не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего». Колхозников призывали угонять скот, вывозить зерно. Все, что невозможно было эвакуировать, должно было «безусловно уничтожаться». Директива требовала в захваченных районах создавать невыносимые условия «для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу». Для этого предполагалось разжечь во вражеском тылу партизанскую войну, как это было в годы Отечественной войны 1812 года. Директива заканчивалась словами,

направленными непосредственно коммунистам: «Задача большевиков, – говорилось в ней, – сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы».

Логическим следствием Директивы становится почти сразу после ее принятия создание упомянутого выше Государственного Комитета Обороны. Потребность в нем диктовалась исключительно условиями войны. В постановление от 30 июня, с которого он начинает свою историю, так и значилось, что ГКО создается «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину». В документе всего три коротких параграфа. В первом – перечислялся состав ГКО: Сталин (председатель), Молотов (заместитель), Ворошилов, Г. М. Маленков, Берия. Во втором параграфе звучало требование «сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках» нового органа. Наконец, в третьем параграфе все граждане, все партийные, советские, комсомольские и военные организации обязывались «беспрекословно выполнять решения и распоряжения» ГКО, которые, по сути, приобретали силу законов военного времени. В руках ГКО была сосредоточена «вся полнота власти в государстве». Никогда больше – ни до, ни после войны – не существовало органа с такими полномочиями, просуществовавшего свыше 4 лет и не предусмотренного Конституцией.

В исторической науке существуют разные точки зрения на то, кому принадлежит идея создания ГКО. Далеко не все историки согласны, что она исходила от самого Сталина. Некоторые авторы называют таких деятелей, как Молотов, Маленков, Берия. В частности, согласно мнению Юрия Жукова, создание ГКО являлось своеобразным дворцовым переворотом. Сталин же был включен в его состав лишь для придания ГКО видимости легитимности и большей работоспособности. Лишь тогда, когда Сталин осознал, что отстранять его от власти никто не намерен, он включился в работу в полную силу. Помимо свидетельств на этот счет Хрущева и Микояна, имеются еще, к примеру, записи В. С. Семенова, одно время являвшегося заместителем министра иностранных дел. В 1964 году он занес в дневник рассказ, якобы услышанный от К. Е. Ворошилова на одном из Кремлевских приемов:

«Сталин поверил немцам. На него так подействовало вероломство немцев: нарушить договор спустя несколько месяцев после подписания!.. Это подло. Сталин так расстроился, что слег в постель... Только постепенно Сталин овладел собой и поднялся с кровати. И вот в это время Вячеслав Михайлович стал говорить, что надо прогнать Сталина, что он не может руководить партией и страной. Мы ему стали объяснять, что Сталин доверчив и у него такой характер. Но Молотов слышать не хотел, он не понимал особенности Сталина».

Как видим, в основе версии о Молотове, как инициаторе создания ГКО лежит все та же схема, что и применительно к «прострации Сталина». Однако эта точка зрения базируется лишь на источниках мемуарного плана. Помимо них в ее основе нет ничего. Как уже было показано выше, никакого выпадения Сталина из руководства страной не произошло. А если Сталин ни на один день не оказывался в ситуации бездействия, то все построения в духе «теории заговора» теряют смысл. Об их беспочвенности говорят, помимо прочего, и дальнейшие события. Вряд ли Сталин, учитывая остроту борьбы за власть в советской верхушке, сохранил бы рядом с собой людей, посягнувших на его лидерство. Сам по себе факт, что все, кого современные авторы причисляют к «заговорщикам», продолжали занимать важные посты и пользовались доверием Сталина на протяжении всей войны, служит достаточным основанием, чтобы не относиться к «теории заговора» слишком серьезно.

В свою очередь, исследования новейшего периода свидетельствуют скорее об обратном, а именно о том, что инициатором создания ГКО был как раз сам Сталин. Он был недоволен бессилием некоторых гражданских и военных руководителей, хотел решительно переломить ситуацию. Нельзя исключить, что свою роль сыграло и наследие «дела Тухачевского», когда политическое руководство ощутило к генералитету недоверие. Решение обозначившейся проблемы лежало как раз в плоскости создания такого органа, который бы объединил все ветви власти в одних руках. Только Сталин из всех сохранившихся на тот момент руководителей

СССР имел опыт работы в подобном органе. Имеется в виду, конечно, ленинский Совет рабочей и крестьянской обороны (позже преобразованный в Совет Труда и Оборона).

Как известно, В. И. Ленин учреждал Совет обороны тоже с целью обуздать власть военных во главе с Троцким. Такая потребность возникла, когда Троцкий совместно со Свердловым после покушения на Ленина образовали Революционный военный совет Республики. По факту РВСР имел полномочия шире, чем ленинский СНК. Созданием Совета обороны Владимир Ильич восстанавливал status quo, так как РВСР так же должен был подчиняться вновь созданному органу. Параллель между Советом рабочей и крестьянской обороны и ГКО была очевидна всегда.

Идея Государственного комитета обороны родилась у Сталина, очевидно, 29 июня 1941 года. Это произошло либо, как уже предполагалось, после посещения НКО, либо в момент работы над Директивой о мобилизации страны для отпора агрессору. За то, что именно Сталин мог стоять у истоков ГКО, помимо всего прочего, свидетельствует содержание его выступления 3 июля 1941 года. Не только по смыслу, но и по стилистике оно вытекало из директивы 29 июня и постановления о создании ГКО. Во всех трех документах встречаются не только смысловые повторы, общие образы и обороты, но также текстовые совпадения, что невозможно назвать случайным и подтверждает их общее авторство.

Возвышаясь в качестве своего рода надстройки над всеми государственными органами, ГКО своего большого аппарата не имел. Он действовал через партийные и государственные органы, а так же общественные организации. В дальнейшем, когда выявится потребность оперативного решения ряда вопросов, будет учрежден особый институт уполномоченных ГКО. Они станут действовать на фронтах, в наркоматах, отдельных союзных республиках, краях и областях, на важнейших предприятиях и стройках. В особых случаях при ГКО создавались специальные комитеты и комиссии. Например, в разное время существовали Трофейная комиссия, Комитет по эвакуации, Совет по радиолокации, Транспортный комитет и др.

В прифронтовых районах функцию чрезвычайных органов власти осуществляли созданные ГКО в 1941–1942 годах городские комитеты обороны. Всего городские комитеты обороны были созданы более чем в 60 городах, в том числе в таких городах-героях, как Севастополь, Одесса, Тула и др. Так же, как и Государственный, городские комитеты обороны призваны были объединить воедино все рычаги власти: партию, армию, местную администрацию. Как правило, во главе их оказывались первые секретари обкомов или горкомов ВКП(б). Членами городских комитетов обороны становились представители местных советских и военных органов. В сферу деятельности чрезвычайных органов на местах входило руководство производством и ремонтом боевой техники и вооружения, строительством, созданием народного ополчения и других добровольческих формирований.

В местностях, объявленных на военном положении, вся полнота власти по части обороны, охраны общественного порядка и государственной безопасности переходила непосредственно к военным советам фронтов (округов), армий, а где не было военных советов – высшему командованию действовавших на данных территориях соединений. Указ от 22 июня 1941 г. наделял военные власти самыми широкими полномочиями. Они контролировали въезд и выезд из местности, объявленной на военном положении. По распоряжению военных из этой зоны могли в административном порядке выселяться любые нежелательны лица. Изданные военными властями постановления для населения данной местности являлись общеобязательными. За их неисполнение виновные подвергались в административном порядке лишению свободы до 6 месяцев или штрафу до 3 тыс. рублей. В случае необходимости военные могли мобилизовать транспортные средства, устанавливать военно-квартирную и трудовую повинность. Они же получали право регулировать режим работы предприятий, учреждений, торговли и коммунальных служб. Порядок проведения собраний и шествий так же переходил в ведение военных властей.

Военное положение могло вводиться не только в местностях, оказавшихся перед угрозой вражеской оккупации, но и в отдельных, особо важных с оборонной точки зрения отраслях народного хозяйства. В частности, учитывая опыт I Мировой войны, военное положение было объявлено на транспорте. Здесь оно означало введение воинской дисциплины в системе транспортных ведомств. По сути, транспортные служащие и рабочие приравнивались к

военнослужащим и наравне с ними несли дисциплинарную, а в ряде случаев так же уголовную ответственность за совершенные проступки и преступления. Такие меры помогли сохранить высокую эффективность транспорта на протяжении всей войны.

В условиях непосредственной угрозы захвата городов прифронтовой зоны неприятелем, в них могло вводиться и осадное положение. От военного, осадное положение отличалось еще более жесткой регламентацией режима. Осадное положение постановлением ГКО было введено, к примеру, в октябре 1941 года в Москве. Действовало оно так же в Ленинграде, Сталинграде и некоторых других городах и районах прифронтовой полосы, особо важных в военном отношении. В городах, объявленных на осадном положении, вводился комендантский час, упорядочивалось и подлежало контролю передвижение транспортных средств и населения. Охрана общественного порядка усиливалась. Нарушители режима осадного положения могли привлекаться к уголовной ответственности с передачей дела военному трибуналу. Расстрелу на месте подлежал любой, кто был уличен в провокаторской деятельности, шпионаже или призывал к нарушению порядка.

Для решения конкретных задач в военные годы формировали так же узкоспециальные чрезвычайные органы. В частности, таким органом являлась Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Она была создана указом Президиума ВС СССР от 2 ноября 1942 года. Председателем комиссии был назначен секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. В нее, помимо представителей партии, таких как А. А. Жданов, входили известные, авторитетные общественные деятели: писатель А. Н. Толстой, историк-патриот Е. В. Тарле, нейрохирург Н. Н. Бурденко, селекционер и агроном академик Т. Д. Лысенко и др. Ряд исследователей, в частности немецкий историк Дитер Польш, пытаются поставить объективность комиссии под сомнение (что, впрочем, в обстановке нарастающих на Западе, в том числе даже в Германии, попыток пересмотра позиции СССР во II Мировой войне, вполне понятно – одним из приемов принижения роли вклада нашей страны в общую победу все чаще выступает приуменьшение масштабов зверств нацизма, обеление военных преступников). Помимо общегосударственной, аналогичные комиссии имелись в республиках, краях областях и городах. Результаты их расследований были представлены советской стороной на Нюрнбергском процессе в качестве неопровержимых свидетельств преступной деятельности оккупантов.

Чрезвычайные органы не могли полностью заменить всю систему управления мирного времени, да этого и не требовалось. Наряду с ними продолжали действовать конституционные органы власти и управления. Война внесла свои коррективы в организацию и порядок их работы. В частности, условия войны и оккупации больших территорий СССР не позволили провести в предусмотренные законом сроки очередные выборы в Советы всех ступеней. Президиум ВС СССР и президиумы Верховных Советов союзных республик неоднократно откладывали их проведение, но в годы войны организовать их так и не удалось. Выборы состоялись только после войны, когда политическая и экономическая ситуация начала стабилизироваться. Несмотря на это, советские органы должны были продолжать свою работу. Решено было, что избранные в предвоенное время депутаты Верховного Совета СССР, Верховных Советов республик и местных Советов продолжают свою работу до тех пор, пока в этом будет сохраняться необходимость.

Деятельность советских органов осложняла не только невозможность своевременно обеспечить проведение выборов. Так же непросто было соблюсти сроки созыва очередных сессий, обеспечить на них кворум. Это было связано с тем, что многие депутаты, чувствуя свой патриотический долг, уходили в действующую армию. Показательна такая цифра: к 1 января 1945 года из состава местных Советов выбыло более 59 % избранных до войны депутатов и более 38 % членов исполкомов Советов. В большинстве своем они сражались на фронтах Великой Отечественной войны. В результате приходилось идти на серьезные компромиссы с законом, и признавать полномочными сессии Советов, на которых присутствовало 2/3 наличного состава депутатов, тогда как в мирное время, по Конституции для этого требовалось присутствие 2/3 избранных депутатов. Всего в период войны сессии ВС СССР созывались лишь

три раза, в то время как перед войной с 1937 по 1941 год – 8 раз. Еще сложнее обстояли дела в союзных республиках, ставших объектом агрессии. Так на Украине первую сессию высшего законодательного органа республики удалось собрать лишь в начале марта 1944 года. Кроме того война изменила облик депутатского корпуса, в котором женщины теперь играли гораздо большую, нежели до войны роль.

Точно так же, как в годы гражданской войны, резко изменилось соотношение исполнительных и представительных органов власти. Первые, в лице исполкомов Советов, ощутимо усилились. Помимо всего прочего, исполкомы вышестоящих Советов получили дополнительные права по отношению к исполкомам нижестоящих Советов. В частности, в случае необходимости, исполком вышестоящего Совета мог без дополнительных выборов, путем кооптации пополнять состав исполкомов нижестоящих Советов. Как правило, депутатский корпус пополнялся проверенными людьми, представителями партийно-советского актива. Особенно широко подобная практика применялась на освобождаемых от врага территориях, где приходилось восстанавливать не только экономику, но и советскую организацию власти.

Процессы, приводившие к усилению вертикали исполнительных органов, имели место не только на местах, но и в центре. Так, несколько снизилась роль ВС СССР, но при этом укрепилась роль его Президиума и, в еще большей мере, СНК СССР. Сессии ВС СССР проводились только в исключительных случаях. Так, 9-я сессия состоялась лишь год спустя, после начала войны – 18 июня 1942 года. На ней был ратифицирован советско-английский Договор о союзе с Англией в войне против фашистской Германии. Еще дольше пришлось ждать 10-ю сессию ВС СССР, которая открылась 28 января 1944 года. Наконец заключительная за период Великой Отечественной войны 11 сессия ВС СССР проходила 24–27 апреля уже 1945 года. Большинство изменений в законодательство страны в военное лихолетье принималось Президиумом ВС СССР. Среди правовых актов, одобренных им в эти годы, можно назвать указы о мобилизации; введении военного положения; структуре Вооруженных Сил; государственных наградах; наконец, о создании новых (в том числе чрезвычайных) государственных органов и многие другие.

Еще большая нагрузка в годы войны легла на Советское Правительство и его подразделения. По некоторым, наиболее важным, прежде всего военно-хозяйственным вопросам, СНК СССР принимал совместные решения с аппаратом ЦК ВКП(б). В компетенцию Совнаркома входили вопросы, связанные, например, с эвакуацией предприятий из прифронтовых в восточные районы страны. Для этого при СНК была создана новая структура – Совет по эвакуации во главе с Н. М. Шверником. Совет по эвакуации при СНК в своей деятельности опирался на прифронтовые эвакуационные комиссии при исполкомах местных Советов, отделы по эвакуации, созданные в аппаратах наркоматов, а также уполномоченных отраслевых наркоматов, ответственных за эвакуацию отдельных предприятий. На местах размещение эвакуированных предприятий контролировали региональные партийные и советские структуры. Чрезвычайный орган был создан для оптимизации деятельности на таком важном направлении, как агитация и пропаганда. Им становится возникшее уже 24 июня 1941 года Совинформбюро при СНК СССР. В годы Великой отечественной войны его деятельностью руководили лидер московских коммунистов А. С. Щербаков и замнаркома иностранных дел С. А. Лозовский.

При Совнаркоме создавались и другие новые структуры. Среди них Главснабнефть, Главснабуголь, Главснаблес и прочие учреждения, ведавшие снабжением народного хозяйства. Помимо этого, были образованы комитет по учету и распределению рабочей силы, Управление по эвакуации населения, Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Когда в 1943 году Красная Армия погнала врага на Запад и стали массово освобождаться советские территории, возникла задача их хозяйственного возрождения. Работы в этом направлении были поручены специально созданному постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года Комитету при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, работой которого руководил Г. М. Маленков. Задачи, которые решались в годы войны, потребовали создать такие новые Народные комиссариаты СССР, как наркомат боеприпасов, танковой

промышленности, минометного вооружения и ряд других. Кроме того, в уже существовавших наркоматах создавались новые структурные звенья. К примеру, в Наркомате торговли создается Главвенторг, в Наркомате здравоохранения – отдел госпиталей, в Наркомате путей сообщения – Управление военно-дорожного строительства и т. д.

Важно отметить, что в период военного лихолетья совершенствование механизма управления шло не только по линии централизации, но и через его демократизацию, через повышение ответственности и свободы маневра входивших в него звеньев. Так, уже 1 июля 1941 года было принято постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссариатов в условиях военного времени». Наркоматам предоставлялось право перераспределять материальные ресурсы. Директора заводов так же получали право выдавать смежникам необходимые материалы из своих запасов, если это требовалось для выполнения плановых заданий. Более того, наркоматы получили право свободно маневрировать финансами, даже направлять их на совершенно иные, нежели предусматривалось ранее, объекты. Разрешалось пускать в строй объекты без директив центра лишь с последующим уведомлением СНК СССР. Разрешалось резервировать до 5 % от утвержденного фонда зарплат. Кроме того, расширялись права ведомств в области капитального строительства и восстановления разрушенного войной.

Историк В. Черепанов в качестве одного из главных путей повышения эффективности государственного механизма выделяет сталинскую кадровую политику. Еще перед войной ее основное содержание было отлито в формулу «Кадры решают все». В наши дни многие историки признают, что в годы войны при подборе руководящих кадров во главу угла ставилось не личная преданность начальству, но, в первую голову, профессионализм, ответственность за порученный участок работы. В условиях борьбы за выживание советской системы Сталин смело избавлялся от людей, показавших свою неготовность к работе в новых условиях. Так случалось даже с деятелями, которых историки называют своего рода «любимчиками вождя» – Мехлисом, Ворошиловым, Кагановичем и другими. На их место назначались молодые и талантливые руководители.

Так, М. Г. Первухин в годы войны стал наркомом химической промышленности, И. Т. Пересыпкин – наркомом связи и начальником Главного управления связи РККА, А. И. Шахурин – наркомом авиационной промышленности, А. В. Хрулев – наркомом путей сообщения и одновременно начальником Главного управления тыла Вооруженных Сил СССР, И. А. Бенедиктов – наркомом земледелия, Н. К. Байбаков – наркомом нефтяной промышленности. Будучи совсем молодыми специалистами, они внесли весомый вклад в организацию Победы. В своей книге «Говорят сталинские наркомы» академик Г. А. Куманев привел несколько интервью с этими и другими деятелями, представлявшими молодое, активное поколение руководителей, выросшее и окрепшее уже при советской власти и проявившее свои лучшие качества как раз в период войны. Помимо представленных в этой книге, в те же годы выдвинулись Д. Ф. Устинов (нарком вооружения), Б. Л. Ванников (наркомат боеприпасов), И. Ф. Тевосян (нарком черной металлургии), А. И. Ефремов (нарком танкостроительной промышленности), А. Н. Косыгин (с 1943 года – Председатель СНК РСФСР) и многие другие.

На годы Великой Отечественной войны приходится звездный час еще одного молодого политика – Н. А. Вознесенского. В этот трудный для страны период он возглавлял Госплан СССР. В работу этого учреждения военная обстановка так же внесла важные коррективы, о которых следует упомянуть. Важнейшим элементом советской экономической системы в предвоенное десятилетие являлось долгосрочное планирование. Оно представляло собой существенный шаг вперед по сравнению с краткосрочным планированием эпохи военного коммунизма. Однако в условиях войны с фашистами долгосрочное планирование уже не могло играть своей ведущей роли. Ситуация на фронте менялась слишком быстро и непредсказуемо. Это требовало большой гибкости от хозяйственного руководства. Потребность в принятии оперативных решений объективно повышали роль текущего планирования. Инструментом такого планирования становятся квартальные, месячные и даже декадные хозяйственные планы.

Примерами успешной деятельности плановых органов в чрезвычайных условиях могут служить разработанный при участии Госплана и принятый ЦК ВКП (б) и СНК СССР в самом

начале войны мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал 1941 года. А уже в августе этого года был одобрен такой же план на IV квартал года. Кроме того, в течение войны принимались планы по отдельным районам нашей большой страны. Так, на 1942 год был утвержден план по Уралу, Поволжью, Западной Сибири, Казахстану и Средней Азии. В следующем, 1943 году, принимается план развития экономики Урала. Когда же советские войска погналы захватчиков на Запад, Госплан развернул подготовку планов по восстановлению и развитию экономики в освобождаемых от оккупантов районах. Опыт своей работы и развития экономики страны в те годы Вознесенский позже обобщил в книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».

Переустройство затронуло управленческий аппарат и на республиканском уровне. Расширились права не только союзных, но и республиканских ведомств. При необходимости, в республиках создавались новые административные структуры. Так, в союзных республиках, особенно сильно пострадавших от войны, возникли новые республиканские наркоматы по жилищно-гражданскому строительству. В их функции входила работа не только с хозяйственными объектами, но и простыми людьми, лишившимися крова.

Перемены коснулись не только управления народным хозяйством, но и более важных сфер деятельности республиканских органов. Так, 1 февраля 1944 года был принят закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешнеэкономических сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский». В нем, помимо прочего, устанавливалось «что союзные республики могут вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения». Этот шаг был продиктован стремлением укрепить роль СССР на международной арене, в частности расширить его влияние на Организацию Объединенных Наций, создание которой планировалось после разгрома блока фашистских государств. Сталин добивался включения в ООН всех 16 союзных республик (соответствующее предложение было озвучено на конференции трех великих держав в Думбартон-Оксе 28 августа 1944 года). В то же время очевидно, что подобное решение укрепляло демократические начала в государственном механизме СССР и являлось своего рода шагом навстречу нашим союзникам – т. н. странам Западной демократии.

Тогда же, 1 февраля 1941 года, был принят аналогичный закон о преобразовании из союзного в союзно-республиканский Наркомата обороны СССР. В его первой статье содержалось очень важное положение, позволявшее союзным республикам создавать собственные войсковые формирования. Соответствующие изменения были внесены в Конституцию СССР. Так, в ней появилась новая статья, которая гласила: «Каждая союзная республика имеет свои республиканские войсковые формирования». Отметим, правда, что национальные формирования действовали в годы войны и раньше. Они создавались, к примеру, в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике.

В рамках поднятой темы следует так же хотя бы коротко остановиться на деятельности советского административного аппарата на оккупированных врагом территориях. Казалось бы, здесь, в тылу врага, кризис советской власти должен был бы проявиться особенно наглядно. Тоталитарная гитлеровская машина подавления должна была вытравить все ростки созданной Российской революцией 1917 года политической системы. Не секрет, что эта цель обозначалась Гитлером как одна из приоритетных еще на заре его политической биографии, в том числе в программной книге «Моя борьба». Для реализации задуманного фашисты применяли самые разнообразные меры: от заигрывания с коллаборационистами до беспощадного уничтожения всех непокорных. Но все эти меры желаемых результатов не дали. Агрессору в захваченных районах СССР не удалось полностью ликвидировать советские органы, будь то партийные или государственные.

О крахе замыслов гитлеровцев искоренить советские органы свидетельствуют красноречивые факты. В разное время в тылу фашистов развивали свою деятельность 2 областных партийных центра, 35 обкомов партии, 2 межурездных комитета, 40 горкомов, 19 райкомов в крупных городах, 479 сельских райкомов и другие партийные органы различных уровней. Разветвленной оставалась так же сеть государственных органов. Советы разных уровней смогли не только сохраниться, но и активно выполняли свою основную функцию

мобилизации населения оккупированных территорий на борьбу с врагом. Действуя в тылу врага, советы разных уровней способствовали сохранению советского образа жизни, поддержанию советских традиций даже в чрезвычайных условиях оккупации. С этими целями созывались подпольные сессии сельсоветов и райсоветов, а депутаты-подпольщики и партизаны проводили, как и в мирные годы, встречи со своими избирателями. Такая работа практиковалась, например, на Украине, в Белоруссии, оккупированных областях РСФСР (Ленинградской, Орловской и др.). Иногда в тылу врага складывались чрезвычайные советские органы в виде районных троек, уполномоченных Советской власти и других учреждений.

Свою роль в организацию победы внесли и высшие республиканские органы тех союзных республик, территории которых полностью оказались оккупированы. В начале войны они были эвакуированы. Их основной задачей становится организация антифашистского подполья. Например, центральные государственные органы УССР были эвакуированы в Саратов. Позже их переведут в Уфу и, наконец, в Москву. Находясь в эвакуации, центральные партийные и советские органы республик направляли на оккупированные территории своих представителей. Они доставляли информацию о жизни «Большой Земли», директивы, инструкции. Кроме того в немецкий тыл забрасывались опытные работники для укрепления подпольных организаций и сбора разведывательной информации. Наряду со сведениями, добываемыми военной разведкой, разведанные, полученные по линии местных советских и партийных органов играли чрезвычайно важную роль при организации наступлений советской армии. Когда же врага погнали на Запад, руководство республик включились в восстановление советской системы на освобождаемых территориях. Так, руководство Украины уже в 1943 году возобновило свою деятельность в Харькове.

Опорой существования советской власти на захваченных фашистами территориях являлось мощное партизанское движение. В ряде случаев, когда оккупантам удавалось временно подавить деятельность советских органов власти, их функции брало на себя командование партизанских отрядов. В период наивысшего подъема партизанского движения летом 1943 года под полным контролем партизан находилось свыше 200 тыс. кв. км советской земли во вражеском тылу. На освобожденных партизанами территориях шло восстановление мирной жизни и традиционных органов власти. В свою очередь советские и партийные органы оказывали всемерное содействие подъему партизанского движения. Важно подчеркнуть, что все органы советской власти, действовавшие за линией фронта даже в условиях подполья, руководствовались принципом, что оккупация действия советских законов – не прекращает. Тем самым, несмотря на все чинимые зверства и демагогию, агрессору не удалось разорвать единое тело советской страны и нанести смертельный удар ее политической системе даже на временно захваченных территориях.

* * *

Проблематика эволюции и деятельности советской политической системы в 1941–1945 годах еще долго будет предметом научных дискуссий и общественного интереса. Не предвещая основных итогов предстоящей в дальнейшем работы над этими сюжетами, приведем несколько обобщающих выводов из рассмотренных выше фактов.

Существовавшая в конце 1930-х годов система управления, которая в мирные предвоенные пятилетки в целом подтвердила свою эффективность, в условиях войны потребовала перестройки для достижения принципиально новых задач, связанных с необходимостью отражения вражеской агрессии, превращения СССР в единый военный лагерь и достижения Победы.

Современная историография (работы О. Ржешевского, М. Мягкова, Е. Кулькова В. Черепанова, А. Вдовина, Е. Титкова и др.) показывает, что приоритетными политико-правовыми принципами перестройки и деятельности системы власти в тот момент времени выступали:

1. Единство политического, государственного и военного руководства.
2. Принцип максимальной централизации и единоначалия в управлении (в силу чего в период войны значительно усилилось существовавшее и прежде слияние партийного и

государственного аппаратов всех уровней).

3. Принцип четкости определения и постановки задач для каждого звена управления.

4. Принцип ответственности субъектов управления за решение задач государственного управления.

5. Принцип советской законности, правопорядка и строгой государственной дисциплины.

6. Принцип контроля над армией со стороны политического руководства и некоторые другие.

Сложившаяся в годы войны модель политической власти в СССР была генетически связана с предвоенной, выступала ее продолжением, а не чем-то принципиально новым. При уникальном разнообразии регионов страны и недостаточно развитой системе коммуникаций, руководство СССР сумело обеспечить единство фронта и тыла, строжайшую дисциплину исполнения на всех уровнях снизу доверху при безусловном подчинении центру, но при этом развить личную инициативу и ответственность каждого исполнителя. Такое сочетание централизации и демократии в условиях войны играло, несомненно, положительную роль, она дала возможность советскому руководству сосредоточить основные усилия на самых важных, решающих участках. Девиз «Все для фронта, все для победы!» не остался только лозунгом, он воплощался в жизнь. Войны всегда были серьезным испытанием общества на прочность. К. Маркс называл эту способность войн их «искупительной стороной». Он сравнивал социальные институты, утратившие свою жизнеспособность, с мгновенно распадающимися мумиями, подвергнувшимся воздействию струи свежего воздуха. Советское общество не распалось, смогло избавиться от всего, что мешало борьбе с врагом. Его политическая система проявила жизнеспособность, выстояла в самых тяжелых условиях. В этом видится одна из важнейших причин нашей Великой Победы 1945 года.

§ 2. Создание колхозно-совхозного строя в советской деревне и его значение в исторической победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Российская революция, прошедшая в своем развитии два взаимосвязанных этапа – февральско-мартовский, буржуазно-демократический, и октябрьско-ноябрьский, большевистско-пролетарский – освободила крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения страны, от многовекового гнета феодально-помещичьего по происхождению землевладения и передала в его трудовое пользование практически все частнособственнические земли сельскохозяйственного назначения. Под влиянием этих перемен аграрный строй пореволюционной России приобрел своеобразный мелкокрестьянский характер.

Через десять лет после революции страна на основе компромиссного нэповского курса советской власти сумела, в основном, восстановить разрушенное двумя войнами – первой мировой и гражданской – а также самой революцией народное хозяйство России. В 1927 г. в ней насчитывалось 24–25 млн крестьянских дворов, каждый из которых в среднем засеивал 3–5 десятин пашни, имея чаще всего рабочую лошадь, корову и несколько голов мелкого скота. В числе пахотных орудий сохранялась деревянная соха, а среди уборочных – коса и серп. Только примерно каждое шестое – седьмое хозяйство имело те или иные машины преимущественно конной тяги.

Но даже в этих условиях восстановительный процесс в аграрной сфере страны на основе новой экономической политики шел существенно быстрее, чем в области промышленности и народнохозяйственной инфраструктуры. Правда и здесь он имел неравномерные темпы: стартовый и очередные рывки 1924/25 и 1925/26 хозяйственных годов, которые охватывали в 1920-е годы время с октября одного года до 30 сентября следующего, сменялись периодами замедленного роста, приходившимися на третий и заключительный годы нэпа. Эти сбои были связаны с кризисом сбыта 1923 г. и политикой перераспределения национального дохода в интересах индустриализации страны, провозглашенной XIV съездом РКП(б). Для того, чтобы

вплотную подойти к довоенному (1913 г.) уровню сельскохозяйственного производства потребовалось не более пяти лет, что красноречиво свидетельствовало об успешном использовании российским крестьянством скромных возможностей нэпа. Пусть неравноправное, но все же «сотрудничество государства и частного хозяйства», по меткому определению известного экономиста-аграрника Б. Бруцкуса, лежащее в основе нэповской политики, состоялось. Крестьянство не только восстановило производительные силы деревни, но и помогло государству вытянуть из трясины глубочайшего кризиса все народное хозяйство. Оно платило продуктами питания и сырьем для промышленности за обесцененные бумажные деньги, приняв на себя основную тяжесть финансовой реформы 1924 г. Теперь не половина бремени госбюджета, а три четверти его легло на плечи мужика, потерявшего на неэквивалентном обмене с городом 645 млн. полновесных нэповских рублей.

Особенно остро ощущалось падение товарности крестьянского хозяйства. До революции половина зерна собиралась в помещичьих и кулацких (предпринимательского типа) хозяйствах, которые давали 71 % товарного зерна, в том числе экспортного. Полупролетарские и средние мелкотоварные хозяйства крестьян производили (без кулаков и помещиков) другую его половину, а потребляли 60 %, а во второй половине 20-х гг. соответственно 85 и 70 %. В 1927/28 гг. государство заготовило 630 млн пудов зерна против довоенных 1300,6 млн. Но если количество зерна в распоряжении государства теперь оказалось вдвое меньше, то экспорт его пришлось сократить в 20 раз.

Высокая натурализация большинства крестьянских хозяйств являлась глубинной основой хлебозаготовительных кризисов, постоянно угрожавших в ту пору стране. Хлебозаготовительные трудности усугублялись низкими сельскохозяйственными ценами, особенно хлебными. До первой мировой войны сельскохозяйственный рубль был равен 90 коп., а в середине 1920-х гг. – около 50. К тому же, производителю хлеба доставалась лишь половина цены, поскольку остальная поглощалась разбухшими накладными расходами Внешторга, государственных и кооперативных органов, причастных к заготовке и реализации хлеба на внутреннем и внешнем рынках.

Значительные потери крестьянин нес и из-за ухудшения качества приобретаемых в обмен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты промтоваров, исчезновения импорта и постоянного товарного голода в деревне, которая, по авторитетному мнению другого знатока мелкого крестьянского хозяйства пореволюционной России Н. Челинцева, недополучала более 70 % промтоваров.

В нэповских условиях насильственные меры изъятия государством продовольствия у крестьян стали сравнительно широко применяться впервые в условиях хлебозаготовительного кризиса зимы 1927/28 гг. Формально объектом насильственных мер объявлялись кулаки, задерживающие в целях повышения цен на хлеб, продажу его государству. Вышла директива привлекать их к судебной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей лишение свободы до 3-х лет с конфискацией всего или части имущества. Как во времена пресловутого «военного коммунизма», чтобы заинтересовать бедноту в борьбе с держателями больших излишков, рекомендовалось 25 % конфискованного хлеба распределять среди нее по низким госценам или в порядке долгосрочного кредита.

Позиции кулаков подрывались также усилением налогового обложения, изъятием у них земельных излишков, принудительным выкупом тракторов, сложных машин и другими мерами. Под влиянием такой политики в зажиточных хозяйствах началось свертывание производства, распродажа скота и инвентаря, особенно машин, в их семьях усилилось стремление к переселению в города и в другие районы. По данным ЦСУ СССР, число кулацких хозяйств по РСФСР сократилось к 1927 году с 3,9 до 2,2 %, по Украине к 1929 г. – с 3,8 до 1,4 %.

Однако, применение государством чрезвычайных мер не ограничивалось только хозяйствами кулаков и зажиточных крестьян, а вскоре оно начало все чаще и чаще и все сильнее ударять по среднему крестьянству, а порой и по беднякам. Под давлением непосильных заданий по хлебозаготовкам и нажимом специально командированных в зерновые районы секретарей и членов ЦК ВКП(б) – И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, А. Микояна и др. – местные партийные и государственные органы становились на путь повальных обысков и арестов, у крестьян часто изымали не только запасы, но семенное зерно и даже предметы

домашнего скарба. Во время заготовок из урожая 1929 г. вакханалия насилия получила еще большее распространение. Так, Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 17 июня этого года разослал на места директиву «О мерах ликвидации кулацкого саботажа хлебозаготовок», в которой обязал проводить через собрания бедноты и сходы «постановления о выселении из станиц и лишении земельного пая тех кулаков, кои не выполнили раскладки и у коих будут найдены хлебные излишки, спрятанные... или розданные для хранения в другие хозяйства». В отчете о проведении этой кампании секретарь крайкома А. Андреев писал Сталину, что на хлебозаготовки в крае были брошены все силы – более 5 тыс. работников краевого и окружного масштаба, оштрафовано и в значительной мере продано имущество у 30–35 тыс. хозяйств, отдано под суд почти 20 тыс. и расстреляно около 600 человек. Такой же произвол творился и в Сибири, Нижне- и Средневолжских краях, на Украине, в республиках Средней Азии.

Эти и подобные факты позволяют рассматривать хлебозаготовительную чрезвычайщину 1928 г., особенно 1929 г., как прелюдию к разворачиванию сплошной коллективизации и массового раскулачивания, а также как своеобразную разведку боем, которую большевистский режим провел прежде, чем решиться на генеральное сражение в борьбе за «новую» деревню.

Наблюдательные современники-очевидцы тогда же подметили тесную взаимосвязь между той и другой хозяйственно-политическими кампаниями на селе. Специфической особенностью советско-партийной кампании стало то, что «она являлась прямым продолжением кампании по хлебозаготовкам, – подчеркивал в своей рукописи «Сибирь накануне сева» Г. Ушаков (ученик и последователь А. Чайнова), видевший и фиксирующий то, как началась и шла сталинская «революция сверху» в западно-сибирской и уральской деревне. – Почему-то это обстоятельство, – продолжал он, – в должной мере не учитывают. Люди, посланные в районы на хлебозаготовки, механически переключались на ударную работу по коллективизации. Вместе с людьми механически переключались на новую работу и методы хлебозаготовительной кампании. Таким образом, вздваивались ошибки и перегибы, как уже имеющиеся, так и создавалась почва для новых».

Генетическое родство и того, и другого явлений схвачено пытливым очевидцем абсолютно верно. Добавим лишь, что разведка боем, проводимая в течение двух лет кряду, позволила Сталину и его окружению, во-первых, убедиться, что деревня, в которой политика классового подхода углубляла социально-политическое размежевание, уже не способна так же дружно, как это было в конце 1920 – начале 1921 гг., противостоять радикальной ломке традиционных основ ее хозяйственной жизни и быта, и, во-вторых, проверить готовность своих сил (большевистско-государственного аппарата, ОГПУ, Красной Армии и молодой советской общественности), погасить разрозненные вспышки крестьянского недовольства действиями властей и ее отдельных агентов. В то же время Сталину и его присным удалось успешно завершить борьбу с прежними политическими противниками в рядах партии: Л. Троцким, Л. Каменевым, Г. Зиновьевым и их сторонниками, а затем успеть выявить и новых в лице так называемого правого уклона, создав определенные предпосылки и для его последующего идейно-политического разгрома.

Новый курс социально-экономической политики Советской власти, как несколько позже охарактеризует действия правящей элиты большевиков, связанные с осуществлением форсированной индустриализации страны и отходом на данной основе от принципов нэпа, выдающийся отечественный экономист Н. Д. Кондратьев, выражался, с одной стороны, в том, что были определены невиданно быстрые темпы развития промышленности, а с другой, в том, что само развитие индустрии происходило применительно к ее разным отраслям неравномерно, с обеспечением явных приоритетов производства средств производства в ущерб производства средств потребления. В поисках необходимых капиталовложений для обеспечения форсированной индустриализации государство должно было встать на путь перераспределения национального дохода страны посредством перекачки значительной его части из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность.

Однако мелкое крестьянское хозяйство, на котором базировался аграрный сектор российской экономики, ограничивало возможность такой перекачки. Это обстоятельство, а также задачи создания социально-однородного и политически монолитного общества предопределили ускоренное обобществление мелкого крестьянского хозяйства страны. Того же

требовали и интересы укрепления обороноспособности страны, особенно, если учесть реально возросшую после «военной тревоги» 1927 г. угрозу вооруженного столкновения. Близкие соображения были отражены в докладе сектора обороны Госплана СССР Совету труда и обороны страны, посвященном учету интересов обороны в первом пятилетнем плане. Намечаемое планом существенное увеличение доли обобществленных крестьянских хозяйств было признано в этом документе мероприятием, которое всецело отвечало требованиям обороны СССР. «Не приходится сомневаться, – подчеркивалось в докладе, – что в условиях войны, когда особенно важно сохранение возможностей регулирования, обобществленный сектор будет иметь исключительное значение. Столь же важно наличие крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многочисленная масса мелких, распыленных крестьянских хозяйств».

Курс на перевод крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства наметил XV съезд ВКП (б), состоявшийся в декабре 1927 г. Одновременно он выдвинул задачу «развивать дальше наступление на кулачество», приняв ряд мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму».

Печальную память оставила по себе политика наступления на кулачество главным образом потому, что в накаленной обстановке тех лет ярлык «кулака-буржуя» нередко навешивался на самостоятельного, крепкого, пусть и прижимистого хозяина-труженика, способного при нормальных условиях накормить не только себя, но и всю страну. Во многом произвольное нагнетание мер классового насилия над кулачеством резко усилилось с выходом в свет летом 1929 г. постановления «О нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, пытающихся разлагать колхозы изнутри». Этим решением и без того уже подвергнутые экономическому и политическому остракизму многие зажиточные семьи были поставлены буквально в безвыходное положение, оказавшись лишенными будущего. При активной поддержке сельчан, таких как Игнашка Сопронов, чей собирательный образ талантливо воссоздал на страницах романа «Кануны» Василий Белов, была развязана кампания чистки колхозов от кулаков, причем само вступление последних в колхозы рассматривалось как уголовное деяние, а создаваемые с их участием коллективные хозяйства квалифицировались как лжеколхозы.

Но сколько бы жестоки ни были эти меры по отношению к кулаку, все же основным вектором нового курса в деревне, как показали дальнейшие события, являлись решения XV съезда ВКП(б), в которых шла речь о переводе мелкого хозяйства крестьян на рельсы крупного производства.

На их основе весной 1928 г. Наркомзем и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана коллективизации, согласно которому к концу пятилетки, т. е. к 1933 г... предусматривалось вовлечь в колхозы 1,1 млн хозяйств (4 % от их общего числа в республике). Спустя несколько месяцев Союз союзов сельхозкооперации эту цифру увеличил до 3 млн (12 %). А в утвержденном весной 1929 г. пятилетнем плане намечалось обобществить уже 4–4,5 млн хозяйств, т. е. 16–18 % их общего числа.

Чем можно объяснить тот факт, что за один лишь год цифры плана увеличивались трижды, а их последний вариант в четыре раза превышал первоначальный? Во-первых, это связано с тем, что темпы колхозного движения на практике обгоняли планируемые вначале: к июню 1929 г. в колхозах насчитывалось уже более миллиона дворов или примерно столько, сколько первоначально намечалось на конец пятилетки. Во-вторых, руководство партии и государства надеялось ускоренным созданием колхозов и совхозов форсировать решение хлебной проблемы, которая крайне обострилась в 1928 и 1929 гг.

А со второй половины 1929 г. масштабы и темпы колхозного строительства подскочили еще значительно. Если к лету 1929 г. в колхозах состояло около одного миллиона дворов, то к октябрю того же года – 1,9 млн, а уровень коллективизации поднялся с 3,8 до 7,6 %. Гораздо быстрее росло число колхозов в основных зерновых районах: Северном Кавказе и Средне-Волжском крае. Здесь число колхозников за четыре месяца (июнь – сентябрь 1929 г.) увеличилось в 2–3 раза. А в середине лета этого года Чкаловский район Средне-Волжского края первым выступил с инициативой достижения сплошной коллективизации. К сентябрю здесь

было создано 500 колхозов (461 товарищество по совместной обработке земли, 34 артели и 5 коммун), которые включали 6 441 хозяйство (около 64 % их общего числа в районе) с обобществленными 131 тыс. гектаров земельных угодий (из всех имевшихся на территории района 220 тыс. га). На территории района аналогичное движение вскоре появилось и в некоторых других районах республики.

Чтобы поддержать эту инициативу, отдел ЦК ВКП(б) по работе в деревне созвал в августе совещание, на котором рассматривался вопрос об обобществлении крестьянских хозяйств целых районов. Идея сплошной коллективизации начала проводиться в жизнь. Вслед за Средне-Волжским краем районы сплошной коллективизации стали возникать и в других местностях страны. На Северном Кавказе к сплошной коллективизации почти одновременно приступили семь районов, на Нижней Волге – пять, в Центральном Черноземье – тоже пять, на Урале – три. Постепенно движение распространяется и на отдельные районы потребляющей полосы. Всего в августе 1929 г. в РСФСР насчитывалось 24 района, где шла сплошная коллективизация. В некоторых из них колхозы объединяли до 50 % крестьянских дворов, но в большинстве охват колхозами не превышал 15–20 % дворов.

На той же Нижней Волге возник и ставший своеобразным символом всей «революции сверху» почин провести сплошную коллективизацию в масштабе целого округа – Хоперского. Здесь окружной комитет большевиков решил завершить сплошную коллективизацию к концу пятилетки. А через неделю Колхозцентр РСФСР поддержал инициативу хоперцев, признав необходимым «проведение сплошной коллективизации всего округа в течение пятилетки». Тогда же почин округа одобрило бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), а Совнарком республики объявил его опытно-показательным по коллективизации. С 15 сентября в округе проходил месячник по коллективизации. Как и водится, в округ-«маяк» было направлено около 400 работников партийных и иных органов управления в качестве «толкачей» (так их позже окрестит народная молва). Итогом всех этих усилий стали 27 тыс. дворов, которые к октябрю 1929 г. значились в колхозах округа.

Подобные квазиуспехи были достигнуты, в основном, методами администрирования и насилия. Это должен был признать инструктор Колхозцентра в письме, оглашенном на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК ВКП(б). «Местными органами проводится система ударности и компанейства, – подчеркивалось в письме. – Вся работа по организации проходила под лозунгом: «Кто больше». На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг «Кто не идет в колхоз, тот враг советской власти». Широкой массовой работы не проводилось... Имели место случаи широкого обещания тракторов и кредитов: «Все дадут – идите в колхоз»... Совокупность этих причин дает формально пока 60 %, а может быть, пока пишу письмо, и 70 % коллективизации. Качественную сторону колхозов мы не изучили... Если не принять мер к укреплению колхозов, дело может себя скомпрометировать. Колхозы начнут разваливаться».

Иначе говоря, хоперский полигон «сплошняка» воочию продемонстрировал типичные недуги деревенской «революции сверху», которые после распространения во всесоюзном масштабе получают из уст Сталина наименование «перегибов» генеральной линии, переадресовавшим их потерявшим голову местным советско-партийным и иным активистам.

Чтобы лучше понять истоки и природу колхозной эйфории, которая вскоре захлестнет все звенья партийно-государственной системы страны есть необходимость хотя бы вкратце охарактеризовать состояние отечественной общественно-политической мысли по вопросу о судьбах мелкого крестьянского хозяйства в связи с проведением форсированной индустриализации. После XV съезда партии эта проблема, давно интересовавшая многих отечественных политиков и ученых, по мере того, как колеса большевистского нэпа во второй половине 1920-х гг. все чаще стали пробуксовывать (пока в годы чрезвычайщины и вовсе не остановились) выдвигается на авансцену социально-экономической и партийно-политической жизни советского общества. В рядах большевистской партии сталинской ставке на «революцию сверху» в качестве более безболезненного варианта решения проблемы «социалистической модернизации» деревни противостояли взгляды лидеров «правого уклона», которые в современной литературе получили название бухаринской альтернативы.

Н. И. Бухарин после его реабилитации в 1987 г. стал считаться некоторыми отечественными историками-аграрниками (В. П. Даниловым и его сторонниками), считавшими

колхозный строй сначала неким третьим изданием крепостного права на Руси, а ныне торжеством «госкапитализма» в советской деревне) одним из последовательных проводников ленинских взглядов на кооперацию, через которую мелкие частные хозяйства крестьян, в том числе и кулацкие, будут в условиях диктатуры пролетариата, как он (Бухарин) выражался, «врастать в социализм». Вместе с тем, появились и мнения, что он будто бы «разработал свой план кооперативного развития деревни», во многом перекликающийся со статьей В. И. Ленина «О кооперации» и книгой А. В. Чаянова о крестьянской кооперации». Но признать их обоснованными нельзя. Ведь если Ленин и Бухарин в основном сходно смотрели на кооперацию как лучшую форму приобщения крестьян к социализму, то принципиально иначе понимал ее беспартийный Чаянов, отнюдь не являющийся слепым почитателем В. И. Ленина и всего большевистского режима власти в стране.

Во-первых, он считал естественным, нормальным условием жизни и деятельности кооперации наличие в стране рыночных отношений, тогда как Ленин и Бухарин рассматривали эти отношения в качестве временного явления, рассчитанного всего лишь на переходный от капитализма к социализму период. Во-вторых, Ленин и Бухарин мыслили социалистическое кооперирование крестьян исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Что же касается Чаянова, то он подлинными успехами кооперирования мелкокрестьянской деревни напрямую связывал с демократическим режимом власти в стране, который должен придти на смену диктаторской, большевистской власти своеобразным эволюционным путем, в расчете на так называемое перерождение большевизма. Согласно чаяновской концепции крестьянской «самоколлективизации», реализация его варианта модернизации села означала бы безболезненную, эволюционного типа перестройку аграрного сектора страны, которая одновременно с повышением производительности труда и поднятием агрикультурного уровня сельского хозяйства решала бы и сложные социальные проблемы страны, поскольку кооперирование должно было охватить и помочь укрепить всем социальным слоям деревни.

По большинству названных параметров она в корне отличалась от сталинской форсированной «революции сверху», базирующейся не столько на силе примера и добровольности обобществления крестьянского хозяйства, сколько на насильственной ломке индивидуального образа жизни и производственной деятельности российского крестьянства, обернувшейся трагедией для нескольких сотен тысяч семей раскулаченных и гибелью еще большего количества населения от голода 1932–1933 гг., а также значительным хотя и, безусловно, временным падением производительных сил деревни в первые годы коллективизации.

Но задачи крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город в целях обеспечения индустриального скачка, который страна совершила в годы предвоенных пятилеток, чаяновский способ решения аграрно-крестьянской проблемы в конкретных условиях того времени не гарантировал. Более того, при существующем политическом режиме он был попросту неосуществим. И сам ученый, и его единомышленники сравнительно скоро убедились в этом. Вот почему их надежды и практические действия на то, чтобы, используя свое положение «спецов» при соответствующих советских наркоматах и других госучреждениях, попытаться повторить попытку «обволакивания» большевистской власти, которую удачно реализовала кадетско-прогрессистская оппозиция по отношению к царскому самодержавию, прежде чем свалить его в феврале 1917 г. С соответствующими предложениями в кругу соратников по кооперативной работе выступал (как мной было показано свыше 10 лет назад), Чаянов начиная еще с лет гражданской войны. «Нэповский экономический Брест большевизма», как характеризовал реформистскую линию советского руководства начала 20-х гг. теоретик сменовеховства Н. В. Устрялов, придал Чаянову и его единомышленникам еще большую уверенность в том, что тактика «обволакивания» гораздо действеннее, нежели открытая конфронтация оппозиционно настроенных слоев интеллигенции с коммунистической властью.

Существо своих политических раздумий Чаянов изложил в письме родственнице по второй жене – эмигрантке и видной публицистке, активистке российского политического масонства Е. Д. Кусковой. К концессиям Запада автор письма советовал для получателей добиваться политических гарантий. Смысл этих гарантий ученый видел в том, чтобы «один за

другим в состав советской власти будут входить несоветские люди, но работающие с советами». Как все это практически осуществить? – спрашивал он и отвечал – «Надо договориться самим, т. е. всем, кто понимает, что делается в России, кто способен принять новую Россию. *Надо частное воздействие на западноевропейских деятелей – необходим с ними сговор и некий общий фронт*». Тактику «обволакивания» советской власти он связывал с интервенцией, но не военной, а экономической. «Мне представляется неизбежным, – разъяснял он адресату, – и в будущем проникновение в Россию иностранного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция... идет и теперь в наиболее разорительных для России формах. *Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Ведь если будет на Западе котироваться червонец, то любой солидный банк может получить концессию – стоит пригрозить и напугать. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов* (курсив мой – Э.Щ.).

Цитируемые соображения Чайнова, высказанные в письме, написанном и отправленном во время служебной командировки его за границу примерно за пять лет до принятия XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию, по существу предвосхитили программные установки так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП), которые изложили на допросах по делу ЦК ТКП и группировки Н. Н. Суханова – В. Г. Громана А. В. Чайнов, Н. Д. Кондратьев и другие арестованные летом – осенью 1930 г. ученые-аграрники.

Сталин и его окружение истолковали показания арестованных как подтверждение существования такой антибольшевистской организации и, главное, в качестве обоснования начала политической расправы над ними. Конечно, «вождь народов» в ту пору не мог знать содержания писем Чайнова Кусковой, поскольку они попали в советские архивы только после окончания Второй мировой войны. Но, как показывает его переписка конца 20-х – середины 30-х гг. XX в. с В. М. Молотовым, по протоколам допросов арестованных ученых кремлевский вождь по достоинству оценил опасность политических взглядов Чайнова, Кондратьева и их единомышленников для большевистского режима. Его прежде всего тревожило то, что тактика ТКП предполагала ее блокирование с правым крылом ВКП(б) при переходе к нему власти, ибо этот блок рассматривался Чайновым и Кондратьевым и их единомышленниками как «этап к осуществлению демократического принципа». А ведь через день после того, как Кондратьев сделал это признание, Сталин напишет Молотову: «Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми – (Бухарин), Рыков, Томский) Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять».

Вопреки тому, что Чайнов, Кондратьев на последующих допросах такую связь отрицали, есть основания полагать, если не она, то идейная зависимость воззрений представителей «правого уклона» от т. н. «буржуазных спецов», тем не менее, существовала, и последние ее не отвергали.

Но как бы то ни было, организационная разобщенность политических оппонентов большевиков объективно лила воду на мельницу Сталина и его окружения. Используя эту разобщенность «вождь народов» со товарищи не только расправлялись с ними поочередно, но даже прибегали к шельмованию одних политических противников устами других. К примеру, кампанию беспардонного глумления над Чайновым, Кондратьевым и др. начал на исходе 1927 года один из вождей «новой оппозиции», а затем троцкистско-правого блока – Г. Зиновьев, назвав их «сменовеховцами» и «внутренними устряловцами». А вслед за ним с трибуны апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Чайнова, Кондратьева и их сторонников громил сам лидер правых уклонистов – Бухарин, характеризовавший идеи ученых относительно сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства в качестве «решительного сдвига от индустриализации в сторону окулачивания страны». С легкой руки современных западных исследователей (М. Левина, С. Коэна, Т. Шанина и др.) в отечественной современной литературе по истории коллективизации не только чайновский, но и бухаринский варианты решения проблемы модернизации сельского хозяйства в СССР стало модным возводить в ранг якобы реально существовавших альтернатив сталинской «революции сверху» в советской деревне.

Однако ни оригинальные идеи Чайнова, ни тем более эклектичные суждения Бухарина и его т. н. школы сколько-нибудь веских шансов на реализацию в конкретных условиях страны

конца 20–30-х годов не получили. Иначе говоря, российская деревня оказалась как бы исторически обреченной на форсированную коллективизацию.

Именно такой характер колхозное строительство в целом по стране обретает в последние два месяца 1929 года и в первые месяцы 1930 года. В значительной степени этому способствовала сталинская статья «Год великого перелома», опубликованная «Правдой» 7 ноября 1929 г. Выдавая желаемое за действительное, в ней утверждалось, что партии «удалось повернуть основные массы крестьянства... к новому, социалистическому пути развития; удалось организовать коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедняков и середняков».

На деле все обстояло не так просто. Как по СССР в целом, так и в рамках РСФСР перелом в сознании большинства крестьян не только не совершился, но даже рельефно не обозначился. Ведь на 1 октября этого года в колхозах Союза и РСФСР значилось соответственно 7,6 и 7,4 общей численности крестьянских дворов. Однако, весь тон статьи Сталина ориентировал партию на всемерное ускорение темпов коллективизации и оказал прямое воздействие на ход и решения ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б). Не случайно в докладе председателя Колхозцентра об итогах и задачах колхозного строительства участникам Пленума было заявлено, что это «движение получает такой разгон, влияние колхозов...на индивидуальное хозяйство так возрастает, что переход на коллективные рельсы остальной массы крестьян явится вопросом месяцев, а не лет».

Не ограничившись тем, что партия систематически и раньше подпитывала колхозное движение своими кадрами, Пленум решил направить в деревню единовременно 25 тыс. индустриальных рабочих с организационно-политическим опытом работы. Названная мера была призвана ускорить коллективизацию. Поскольку колхозное движение начало перерастать рамки районов и областей и вызвало появление таких всесоюзных или республиканских организаций, как Колхозцентр, Тракторцентр, Зернотрест и др. было решено создать общесоюзный Наркомат земледелия, на который в качестве первой задачи возлагалось руководство строительством крупного общественного хозяйства в деревне.

Рассматривая кулака как основную классовую силу, заинтересованную в срыве этого строительства, Пленум обязал партию и государство усилить борьбу с капиталистическими элементами деревни, развивать решительное наступление на кулака, пресекая его попытки пролезть в колхозы в целях развала последних. И хотя в его документах не содержалось прямых указаний о применении административно-репрессивных мер с целью ликвидации кулачества, опыт чрезвычайщины 1928–1929 гг. и весь ход обсуждения вопроса на Пленуме вплотную подвели к этому.

Переход к политике сплошной коллективизации под лозунгами «Дашь бешеные темпы» логически выдвигал на повестку дня вопрос о судьбе не отдельных кулацких хозяйств, а в целом о кулачестве как классе. Форсирование коллективизации означало неминуемое развертывание раскулачивания как политики насильственного лишения кулаков средств производства, построек и т. п. в целях их ликвидации как последнего эксплуататорского слоя в деревне. И то, и другое навязывалось под мощным нажимом сверху. В представлении Сталина и его единомышленников цель здесь оправдывала средства. Руководители страны хорошо осознавали, что иначе нельзя сломить сопротивление среднего крестьянства идти в колхоз (т. е. решить ближайшую задачу – ускорить формальное обобществление крестьянского хозяйства), ни, тем более, добиться переделки «в духе социализма» собственнической психологии мужика и тем самым обобществить аграрную сферу страны на деле (т. е. осуществить главную и едва ли не самую трудную задачу долговременной политики большевиков в деревне).

И дело упиралось не только в то, что кулаки всячески сопротивлялись колхозному строительству. Главное, что они олицетворяли для большинства деревенских тружеников жизненный идеал самостоятельного хозяйствования, имущественного и иного достатка и тем сводили по существу на нет большевистскую пропаганду преимуществ коллективной формы ведения хозяйства. Вот почему с переходом к массовой коллективизации участь кулацкого слоя была предрешена. Сознывая это, наиболее дальновидные его представители, как уже отмечалось выше, спешили «самораскулачиться» и переселиться в города, на стройки.

Однако и после провозглашения политики ликвидации кулачества как класса вопрос, как проводить раскулачивание, и что делать с раскулаченными, оставался нерешенным. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», подготовленное комиссией под председательством А. Яковлева и лично отредактированное Сталиным, не внесло в него должной ясности, ограничившись всего лишь подтверждением недопустимости приема кулаков в колхозы.

Этот документ устанавливал жесткие сроки завершения коллективизации: для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги – осень 1930 г. или «во всяком случае» – весна 1932 г. Для остальных районов указывалось, что «в пределах пятилетия мы...сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств». Такая формулировка ориентировала на завершение, в основном, коллективизации в 1933 г., когда кончалась первая пятилетка.

Основной формой колхозного строительства была признана сельскохозяйственная артель. Разъяснение о степени обобществления средств производства в артели из проекта этого документа Сталин при редактировании текста вычеркнул, вследствие чего низовые работники не получили должной ясности и по данному вопросу. При этом сельхозартель истолковывалась как переходная к коммуне форма хозяйства, что тоже нацеливало коллективизаторов на местах на усиление обобществления средств производства крестьянских дворов и свидетельствовало о нежелании партийных верхов считаться с интересами крестьян, о недооценке силы привязанности мужика к своему хозяйству.

После принятия постановления ЦК нажим из центра возрос, партийная печать, не ведая устали, трубила об ускорении темпов коллективизации, поощряя соревнование в этом деле. «Правда» в передовой статье 3 февраля 1930 г. писала: «Последняя наметка коллективизации – 75 % бедняцко-средняцких хозяйств в течение 1930/31 года – не является максимальной». В этих условиях диктат сверху, постоянная угроза быть обвиненными в причастности к «правым уклонистам» из-за недостаточно решительных действий толкали местных работников на администрирование, применение насилия к крестьянам, не желающим вступать в колхоз.

Типичную картину произвола, что творился на ниве колхозного строительства зимой 1930 г. в масштабе всей страны, воспроизвел на материалах Урала и Сибири уже знакомый нам Г. Ушаков. «Изо всех областей больше всех изумляла своими колхозными «успехами» Уральская область, – писал он. – Как на дрожжах выросли проценты. Подпирали проценты «большевистскую» цифру – «СТО» и карту области заливали работы сплошняка. Коммуны в целый район, в несколько районов уже не удовлетворяли зарвавшихся коллективизаторов и Ирбит выкинул лозунг создания окружной Ирбитской коммуны... Когда остротой мартовских документов (имеется в виду сталинская статья «Головокружение от успехов» и постановление ЦК 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» – Э.Щ.) спорота была нездоровая полнота уральской коллективизации, у ней оказалась такая изнанка, перед которой теперешнему обозревателю уральской деревни остается только разводить руками... И как особый тип головотяпства – обобществление сбережений колхозников...Уральская область записала в свою летопись удивительную форму «социалистического соревнования» – Кустанайский Админотдел (милиция) вызвал на соревнование округа Троицкий и Кунгурский – кто больше закроет церквей! Это ли не нравы Щедрина?..».

«То, что говорилось на Урале, – отмечал этот же очевидец в другом очерке, – то в градусах еще большей крепости повторила Сибирь... Когда познакомишься с колхозными материалами января, февраля, марта, получаешь впечатление дикой вакханалии. Трудно себе представить, насколько могли люди недооценивать реальной обстановки. В дикой ставке на стопроцентную и немедленную коллективизацию сквозили черты явного фанатизма...».

В условиях, когда маховик насилия лишь начинал набирать обороты, по указанию Сталина выходит постановление СНК СССР, согласно которому к кулацким относят хозяйства со следующими признаками: доход годовой на едока свыше 300 руб. (но не менее 1 500 руб. на семью), занятие торговлей, сдача в наем машин, помещений, применение наемного труда, наличие мельницы, маслобойни, крупорушки, плодовой или овощной сушилки и пр. Наличие хотя бы одного из данных признаков позволяло считать сельчанина кулаком. Так возникла

легитимная возможность подводить под раскулачивание различные слои деревни, не исключая даже бедняков.

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает подготовленное комиссией под председательством В. Молотова секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», согласно которому в этих районах отменялось действие закона об аренде и применении наемного труда, а также предписывалось конфисковывать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке продукции, продовольственные, семенные, фуражные запасы.

Все кулачество делилось на три категории, из которых первая, самая опасная – «контрреволюционный актив» – подлежала заключению в концлагеря, а в отношении организаторов терактов, массовых выступлений и повстанческих организаций, применение высшей меры – расстрела. Отнесенные ко второй категории отдельные элементы кулацкого актива подлежали высылке в окраинные регионы страны, а в пределах данного края – в его отдаленные районы. В третью группу входили оставляемые в пределах района кулаки, подлежащие расселению на новых, отводимых им вне колхозных хозяйств, участках.

При этом подчеркивалось, что количество ликвидируемых по каждой категории хозяйств должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств составляло в среднем 3–5%. Думается, что не случайно при определении «ограничительного контингента» кулаков, подлежащих ликвидации, вдвое завышен был их действительный удельный вес, установленный осенью 1929 г. Это наводит на мысль, что лозунг «Лучше перегнуть, чем недогнуть», которым руководствовались т. н. перегибщики на местах, был не чужд и самим творцам названного постановления.

Средства производства и имущество, отбираемое у кулаков, подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. Вклады кулаков в кооперацию тоже шли в фонд коллективизации бедноты и батрачества. Этими мерами, углубляющими раскол в крестьянской среде, власти вербовали активных сторонников коллективизации из числа неимущего крестьянства.

Каковы были действительные масштабы раскулачивания? По данным ОГПУ, только за 1930–1931 гг. было выселено с отправкой на спецпоселение в Сибирь, Казахстан и на Север 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека. Некоторая часть имущих семей (200–250 тыс.), как уже отмечалось, «самораскулачилось», часто бросая имущество, бежала в города и на промышленные стройки. Там же оказалась после многих бед и мытарств и значительная часть тех 400–450 тыс. раскулаченных семей третьей категории, которых сначала планировалось расселять отдельными поселками в районах их проживания.

В 1932–1936 гг. волна раскулачивания заметно снизилась. Общее число ликвидированных в эти годы дворов не превышало 100 тыс. В сумме цифры раскулаченных достигают 1 100 тыс. хозяйств с населением 5–6 млн чел. (4–5 % общей массы крестьянских хозяйств), что намного больше числа кулацких дворов на осень 1929 г. (2,5–3 %). Более трети их, или 2 140 тыс. чел., были депортированы в 1930–1933 гг.

Кампания массового раскулачивания стала мощным катализатором и без того «бешеных» темпов коллективизации не только в зерновых районах, но и в остальных местностях страны. Не прошло и месяца после постановления 30 января 1930 г., как уровень коллективизации по стране поднялся с 32,5 % до 56 %, а по РСФСР с 34,7 % до 57,6 %. Рекордный «рывок» совершили Сибирь, Нижегородский край и Московская область, у которых уровень коллективизации в это время подскочил в два и более раза.

Вакханалия насилия не могла не вызвать в крестьянстве ответных мер отпора, в том числе с оружием в руках. По данным ОГПУ, за январь – апрель 1930 г. произошло 6 117 выступлений, насчитывающих 1 755 участников. В Центрально-Черноземной области крестьянские волнения охватили 1 000 населенных пунктов, на Средней и Нижней Волге – 801, в Московской области – 459, в Сибири – свыше 200. Крестьяне выступали не только против насильственного обобществления своего хозяйства и раскулачивания, других беззаконий, творимых в деревне, но и против огульного закрытия церквей и мечетей, ареста и преследования священнослужителей, закрытия базаров и т. п.

Вместе с активными формами протеста в еще больших масштабах крестьяне прибегали к пассивному сопротивлению «революции сверху»: отказам от выполнения хлебозаготовок, массовому убою скота, невыходам на работу в колхозе или выполнению ее «спустя рукава», а не засучив таковые.

Отмечая это, не следует однако впадать в крайность, переоценивая массовость и тем более силу крестьянского протеста того времени, как это делают некоторые историки, заявляющие, будто весной 1930 г. страна оказалась не только на грани гражданской войны, но и что эта война фактически развернулась повсеместно. К истине гораздо ближе были те деятели финансово-промышленных кругов российской эмиграции, которые предупреждали экстремистски мыслящих своих коллег, что «не нужно гипнотизировать себя надеждой на активизм крестьян», и что у последних «нет собственных сил для того, чтобы сбросить советскую власть, а, наоборот, они выявляют необычайную способность переносить все натиски большевиков».

Партийно-государственные верхи, стремясь погасить недовольство крестьян и выиграть время для нового наступления на «мелкособственнические инстинкты» деревни (так они их называли) вынуждены были прибегнуть к временной смене тактики: 2 марта 1930 г. публикуется статья Сталина «Головокружение от успехов», возлагавшая всю вину за перегибы коллективизации на аппаратчиков местного масштаба.

Такой оборот вызвал весьма обоснованные протесты многих непосредственных исполнителей, включая порой руководителей краевого и областного уровней. В ответ Политбюро ЦК ВКП(б) принимает два постановления 10 и 14 марта «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (причем, первое закрытое), а 2 апреля направляет на места закрытое письмо ЦК по данному вопросу, в котором подчеркивалось, что, и правильность директив, партий и категорических указаний тов. Сталина о борьбе с искривлениями партлинии полностью подтвердилась». Вместе с тем признавалось, что «пока лишь меньшинство, примерно от одной четверти до одной трети всей массы бедняков и середняков, твердо стало на путь коллективизации, чем косвенно серьезно корректировались выводы статьи генсека «Год великого перелома». В то же время в виде уступок деревне допускалось в некоторых областях «как временная мера прекращения на время сева расселения третьей категории кулачества и оставление в данном селе», но при недопущении этих хозяев в колхозы.

Непосредственной реакцией деревни на объявленную партийной верхушкой кампанию борьбы с т. н. перегибами в колхозном движении стали массовые выходы крестьян из колхозов. При этом в региональном отношении масштабы бегства мужика из колхозов после мартовских 1930 г. решений ЦК ВКП(б) оказались напрямую связанными с показателями коллективизации, достигнутыми там же в конце января – феврале того же года, когда маховик раскулачивания был запущен на предельные обороты и использовался в качестве одного из главных средств форсирования темпов обобществления крестьянского хозяйства. Наблюдалась следующая закономерность: регионы, отличившиеся в январе – феврале самыми бешеными темпами коллективизации – Московская, Западные области, Татария, Нижегородский край – дают весной 1930 г. и наибольший отток людей из колхозов, вследствие чего по уровню коллективизации они, по существу, возвращаются к исходным позициям, а Московская область откатывается и того ниже – к показателям осени 1929 г. Власть придержащих такой ход событий не устраивал. В сентябре 1930 г. ЦК партии направил райкомам, обкомам и ЦК компартий союзных республик письмо, осуждавшее пассивное поведение местных парторганов и потребовал «добиться мощного подъема колхозного движения». Приняв эту директиву к неуклонному руководству и исполнению, местные партийно-государственные руководители делают ставку на массовую работу среди крестьянства. Заметную роль в развертывании такой работы сыграли вербовочные бригады и инициативные группы. В декабре 1930 г. в РСФСР действовало 5 625 таких бригад, а весной 1931 г. их количество превысило 21 тыс. Тогда же число инициативных групп в республике достигло 15,5 тыс., которые объединили до 100 тыс. крестьян-единоличников из сочувствующих партии бедняков и середняков, готовых пополнить ряды колхозников. Помимо того, в районы слабой коллективизации было направлено 80 тыс. колхозников-активистов и около 30 тыс. надежных организаторов, объединенных в

межобластные бригады по коллективизации.

В то же время предпринимаются меры, чтобы стимулировать вступление крестьян в колхозы. К их числу относилась утвержденная в конце декабря 1930 г. ЦК ВКП(б) годовая программа создания 1400 машинно-тракторных станций (МТС). Тогда же отменяется пункт постановления 5 января о выкупе колхозами техники, как несвоевременный. К весеннему севу количество МТС достигло 1228, а число тракторов в них увеличилось с 7102 до 50114 в 1930 г. К концу года программа строительства МТС была выполнена. В тех же целях колхозам предоставлялись кредиты и льготы по налогам, устанавливались пониженные нормы сдачи продуктов животноводства, оказывалась помощь в строительстве животноводческих ферм. Государство обещало упорядочить организацию и оплату труда колхозников, гарантировать им ведение личного подсобного хозяйства.

Но политика пряника не исключала использование государством и кнута в отношении деревни. После временной передышки весны-лета 1930 г. свое продолжение получает курс на ликвидацию кулачества как класса, в котором наметился новый этап, долженствующий способствовать новому подъему колхозного движения. Осенью 1930 г. развернулось массовое выселение раскулаченных хозяев – первый этап депортации. Проводился этот этап под эгидой ОГПУ, в чье ведение с лета 1931 г. перешло не только управление спецпереселенцами и хозяйственное использование их труда. Положение последних было тяжелым: поселки их в Сибири, на Урале, в Северном крае и Казахстане мало чем отличались от концлагерей времен «военного коммунизма». В январе 1932 г. первый зампреда ОГПУ Г. Ягода докладывал Сталину о том, что в спецпоселках этих регионов расселено 1,4 млн крестьян, работавших в основном на лесозаготовках, горнорудной промышленности и неуставных колхозах. Около 10 % раскулаченных было подготовлено к заключению в лагерь.

Не меньшие тяготы выпали и на долю значительной части кулаков, отнесенных к третьей категории, что расселялись на свободных (обычно худших) землях вне колхозного клина. Она была буквально задавлена налогами. Высокие ставки сельхозналога и самообложения для единоличников подталкивали последних к вступлению в колхоз, где им предоставлялись существенные льготы. По официальным данным, на 1 колхозный двор в 1931 г. приходилось около 3 руб. сельхозналога, на одного единоличника – более 30 руб., а на хозяйство кулака – почти 314 руб. Иначе говоря, не мытьем, так катаньем государство понуждало крестьянина-единоличника идти в колхоз. Вот почему через год после весенне-летнего (1930 г.) массового бегства крестьян из колхозов уровень коллективизации по стране вновь перевалил экватор, достигнув к июню 1931 г. отметки 52,7 % общего числе деревенских хозяйств.

Но новый подъем вскоре закончился. В течение первой половины 1932 г. число обобществленных дворов в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс., на Украине – на 41,2 тыс. Данное обстоятельство вызвало очередные уступки крестьянству со стороны властей. 26 марта 1932 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О принудительном обобществлении скота», разъяснявшее, что практика принудительного отбора у колхозников коровы и мелкого скота не имеет ничего общего с политикой партии «и что задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника была своя корова, мелкий скот, птица». В мае того же года принимаются новые постановления ЦК партии и СНК СССР «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян». Согласно этим документам, после выполнения Госплана хлебозаготовок и образования семенного и других фондов, а также расчета по мясозаготовкам, разрешалась торговля оставшейся продукцией по складывающемуся на рынке ценам. План хлебозаготовок был сокращен в 1932 г. до 1103 млн пудов против 1367 млн в 1931 г., а по мясу уменьшен в 2 раза. Отменялись все республиканские и местные налоги и сборы с торговли колхозов и колхозников, а с единоличников взималось не более 30 % их доходов от торговли.

Однако даже сокращенные задания из-за неурожая в ряде зерновых районов страны оказались сорванными, что резко снизило продовольственное положение городов и строек и вынудило власть вновь сменить курс, полагая будто единственным выходом из кризиса служат ужесточение режима и новые репрессии. 7 августа 1932 г. выходит постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной

(социалистической) собственности», получившее в народе печальную известность закона «О колосках». В нем предусматривалась высшая мера наказания за хищение колхозного и кооперативного имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на 10 лет. К февралю 1933 г. по этому закону было осуждено 103 тыс. человек, из которых приговорены к расстрелу 6,2 %, к 10 годам тюрьмы – 33 %.

А в конце 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) направило на Северный Кавказ, Украину и в Поволжье чрезвычайные комиссии по хлебозаготовкам во главе с Кагановичем, Молотовым, Постышевым, оставившим худую память в деревне новыми расстрелами. Расправами в условиях голода, поразившего эти регионы и Казахстан, сопротивление крестьян реквизиционной политике государства удалось сломить. После этого в начале мая Сталин и Молотов рассылают секретную директиву, в которой подчеркивалось, что в деревне возникла новая благоприятная обстановка, позволяющая «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий».

Предпринимается еще одна попытка частичными уступками сгладить взаимоотношения власти и крестьянства. На январском 1933 г. Пленуме ЦК Сталин признал необходимым производственную смычку между городом и деревней дополнить товарной через торговлю. Тогда же издается постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», отменившее договорный, контрактационный порядок заготовок и введившее систему обязательных поставок.

Колхозы и единоличники получили твердые, имевшие силу налога обязательства по сдаче зерна в определенные сроки и по явно заниженным ценам, установленным государством. Объем обязательств определялся погектарными нормами, но не более трети валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Все оставшееся после обязательной поставки (для колхозов еще и натуроплаты МТС) зерно считалось находящимся в полном распоряжении производителей. Местным властям и заготовительным учреждениям «безусловно воспрещалось допускать встречные планы или налагать обязательства по сдаче зерна, превышающие нормы, установленные законом».

А через год выходит постановление, по которому закупки зерна государством у колхозов, совхозов и единоличников должны осуществляться на основе добровольности по ценам, на 20–25 % превышающим заготовительные. Хозяйства, продавшие хлеб по закупочным ценам, могли приобретать дефицитные промтовары на сумму, втрое превышающую стоимость проданного хлеба.

Эта система «отоваривания» себя не оправдала, так как у государства не оказалось необходимых деревне товаров, да и закупочные цены ни колхозников, ни, тем более, единоличников не устраивали. Просуществовав полгода, она была отменена. Был введен новый порядок землепользования, согласно которому колхозы, выполнившие планы хлебопоставок и натуроплаты, должны были до расчета с колхозниками создать резерв для выполнения плана закупок, которые, по сути, превращались в обязательную систему сдачи государству дополнительной продукции.

Попеременно чередуя то пряник, то кнут в хлебозаготовительном курсе, власть сумела в 1933–1935 гг. добиться выполнения поставок хлеба как в целом по стране, так и каждой республикой, краем, областью. Серьезную роль в этом сыграли хлебозакупки, их удельный вес в общей сумме госзаготовок за 2 года поднялся в 10 раз: с 1,7 % в 1933 г. до 17 % в 1935 г.

Рост заготовок позволил государству отменить карточную систему на муку, хлеб и крупы с января 1935 г., а с конца года – на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель.

Завинчивая гайки в деле хлебозакупок, власти обязаны были дать крестьянину хоть какую-то отдушину в хозяйственной сфере. Этой отдушиной стало создание, как предусматривал принятый Вторым съездом колхозников-ударников в феврале 1935 г. Примерный устав сельхозартели, режима более свободных условий для ведения личного подсобного хозяйства колхозников. В зависимости от региона колхознику теперь разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах – до 1 га земли и от одной до 2–3 коров, неограниченное количество птицы; в местностях кочевого скотоводства – до 20 коров, 100–150 овец, до 10 лошадей, 8 верблюдов и пр.

О весомости этих уступок можно судить по роли, которую стало играть личное подсобное

хозяйство не только в удовлетворении нужд деревенского населения, но и в продовольственно-сырьевом обеспечении страны. Место личного подсобного хозяйства колхозников в валовом производстве животноводческой продукции, овощей, картофеля росла весьма быстро. К концу 1934 г. почти 2/3 колхозных семей имели на личном подворье коров, а в Московской, Западной областях, на Украине и в Белоруссии – каждые три из четырех. Подсобное хозяйство давало 20,6 % продукции животноводства страны. В этом хозяйстве к концу второй пятилетки было произведено картофеля и овощей – 52,1 %, плодовых культур – 56,6 %, молока – 71,4 %, мяса – 70,9 %, кож – 70,0 % всего объема валовой продукции колхозного сектора, что говорило о значительном превосходстве этого хозяйства над колхозным в производстве продукции животноводства, о равновеликой доле в производстве картофеля, овощей и плодов. Большая часть всего этого шла на личное потребление, но примерно 1/4 животноводческой продукции и до 50 % картофеля и овощей реализовывалось на рынке. Обороты рыночной колхозной торговли за вторую пятилетку возросли с 7,5 млрд руб. до 17,8 млрд, т. е. в 2,4 раза. Рыночные цены к 1938 г. по сравнению с 1933 г. снизились до 63,9 %, в том числе по хлебопродуктам – на 82,8: по картофелю – на 79,9 %; по овощам – на 39,2; по мясу – на 29,4 %; по молоку – на 43,1 %. Они либо сравнивались с ценами государственной-кооперативной торговли, либо были ниже последних.

Все это позволяет говорить о том, что в большевистском курсе форсированного обобществления мелкого крестьянского хозяйства, при всей ее жесткости, встречались и некие элементы трезвого хозяйственного расчета и справедливой социально-политической направленности.

Но не следует переоценивать их, как считают отдельные отечественные историки, полагающие, будто при помощи мер такого и близкого свойства государство нашло временный компромисс с крестьянством.

Дело в том, что сколько-нибудь весомый компромисс, т. е. соглашение, основанное на взаимных уступках сторон большевистско-государственной власти в середине 30-х гг. прошлого века попросту не был необходим. Прав был П. Н. Милюков, когда в 1932 г., касаясь этого вопроса, констатировал, что по сравнению с 1920–1921 гг. в российской деревне теперь картина иная. «Власть усилилась чрезвычайно. Она имеет силу там, где даже царская власть не имела: становые и урядники не держали деревню так цепко в руках, как держат ее советские эмиссары». «Правда, – продолжал он, – могущество власти усилилось, но умение управлять чрезвычайно ослабло. Спецы, выработывавшие пятилетку (имеется в виду первая пятилетка), разогнаны, уничтожены и заменены «всезнайками», – их невежество, смелость и размах завели телегу Сталина в тупик».

Насколько точна первая часть наблюдения маститого историка и политика, настолько же спорной представляется концовка этой характеристики, выдающей желаемое за действительное.

Сталинский режим к концу первой пятилетки сумел не столько выйти из состояния тупика в реализации политики форсированной коллективизации (в тупике она оказалась весной – летом 1930 г., затем сложности имелись в 1931 г., первом полугодии 1932 г.), но и решить поставленную задачу: в колхозах было объединено 61,8 % крестьянских дворов и около 80 % посевных площадей страны.

В годы второй пятилетки государство, действуя преимущественно с позиции силы, но и не отказываясь от некоторых уступок мужику, продолжало осуществлять сталинскую «революцию сверху».

Коллективизация в основном завершилась к концу второй пятилетки. В 243,7 тыс. колхозов было вовлечено почти 94 % оставшихся к тому времени в деревне крестьянских дворов, но 72,3 % к общей численности существовавших летом 1929 г., т. е. в канун сплошной коллективизации мелких индивидуальных хозяйств в стране. Иначе говоря, в деревне возник и стал господствующим совершенно иной, новый тип хозяйства. Формально он значился и даже приобрел идеологему особой разновидности кооперативного хозяйства, материальной основой которого являлась кооперативно-колхозная форма собственности на основные средства производства, за исключением собственности на землю, остававшейся государственной (считавшейся общенародной), но переданной и закрепленной за колхозами в бесплатное и

бессрочное пользование. Фактически же этот тип хозяйства являлся полугосударственным. На колхозный строй, становившийся неотъемлемой частью советского общества на новом этапе его развития, были распространены принципы хозяйствования, которые присущи государственному сектору: жесткая централизация, директивность и плановость руководства, значительный удельный вес уравнительных тенденций в распределении материальных и духовных благ и т. д.

Важным рычагом, с помощью которого сложился колхозный строй, его своеобразной повивальной бабкой стали чрезвычайные партийные органы – политотделы при МТС и совхозах, созданные по решению январского 1933 г. Пленума ЦК ВКП (б). Строились они в целях оказания помощи колхозам на сложном и многотрудном этапе их организационно-хозяйственного укрепления. Политотделы были наделены необычайно широкими и разнообразными полномочиями – от подбора, расстановки и фильтрации кадров, организации сугубо хозяйственных кампаний (вспашки, сева, уборки и т. п.) до руководства политико-просветительной работой и даже осуществления принудительных функций.

Так, в течение 1933 г. они провели повальную чистку колхозов, особенно их управленческого аппарата, и деревенских парторганизаций. Из колхозов, находившихся в зонах деятельности 1028 МТС 24 краев, областей и республик, были исключены как «классово-чуждые» или просто непригодные: 38 % работников бухгалтерии, 33,5 % механиков, 30,6 % агрономов и 27,7 % бригадиров тракторных бригад. Сотрудники политотделов обеспечивали выполнение планов колхозами, контролировали выдачу оплаты на трудодни, организовывали соревнование, выявляли «вредителей». Они делали все, чтобы колхозы стали такими, какими они нужны были партии и государству. В конце 1934 г. политотделы при МТС были упразднены (в совхозах они временно сохранялись) и слиты с райкомами партии как выполнившие свои задачи.

Преобразование мелкого крестьянского хозяйства в крупное коллективное, позволило перевести сельскохозяйственное производство на плановые начала его регулирования и управления. Государство, таким образом, обрело возможность детально устанавливать не только объем и другие параметры колхозного производства, но и, главным образом, размеры ежегодных поставок ему продукции этого производства, гарантирующих получение сначала трети, а в годы Великой Отечественной войны почти половины собираемого в стране урожая с правом полного и бесконтрольного распоряжения им.

Такая система взаимоотношений колхозов с государством означала преимущественно внеэкономический характер принуждения колхозника к труду, вследствие чего последний утрачивал заинтересованность в подъеме хозяйства своей артели. Юридически это принуждение было подкреплено осуществленной в конце 1932 – начале 1933 г. паспортизацией населения страны и установлением обязательной нормы выполнения нормы трудодней на колхозных работах. В сельской местности паспорта выдавались только в совхозах и на территориях, объявленных «режимными» (приграничные зоны, столичные города с прилегающими к ним районами, крупные промышленные центры и оборонные объекты). Колхозники могли получить паспорта только при перемене места жительства, но фактически эта процедура была обставлена множеством ограничений. Закрытым постановлением СНК СССР от 19 февраля 1934 г. устанавливалось, что в паспортированных местностях предприятия могли принимать на работу колхозников, которые ушли в отход без договора с хозяйствами, лишь при наличии у них паспортов, полученных по прежнему месту жительства, и справки из правления колхоза о его согласии на отход того или иного колхозника.

Таким образом, складывалась командно-бюрократическая система управления колхозами, становившаяся одним из факторов замедленного развития сельского хозяйства, его отставания от потребностей страны и бегства крестьян от земли, ведущего к запустению деревень.

Установление колхозного строя означало качественно новый рубеж не только в жизни отечественной деревни, но и страны в целом. Две однородные по характеру формы собственности – государственная и колхозно-кооперативная – стали всеохватывающими в обществе. Не менее существенно изменился и социально-политический облик последнего. Завершилась полоса промежуточного, переходного состояния. Советское общество становилось биполярным: на одной полосе формировалось новое социально-классовое образование в лице

партийно-государственной бюрократии, управляющей государственной и колхозно-кооперативной собственностью, а на другом – одинаково лишенные основных средств производства наемные рабочие города и деревни.

Все изложенное выше позволяет утверждать, что, во-первых, реальных шансов на осуществление ни у бухаринской, ни у чаяновской альтернативы форсированной коллективизации деревни в конкретных исторических условиях СССР конца 20–30-х гг. не оказалось. Отечественное крестьянство, составлявшее подавляющее большинство народов нашей страны, было исторически обречено на сталинскую «революцию сверху» – одну из самых крупных его трагедий.

Но, во-вторых, исход борьбы за выбор пути, по которому должно было пойти советское крестьянство тех лет, приобрел поистине судьбоносное для народов Советского Союза значение. Колхозный строй, ускоренно созданный в течение 30-х годов XX века безмерно дорогой, хотя все же не напрасной, на «ветер выброшенной» ценой, не только обеспечил форсированную перекачку средств и немалую долю избыточной рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и инфраструктуру народного хозяйства, сделав возможным совершенный в преддверие Второй мировой и Великой Отечественной войн максимально ускоренный и мощный индустриальный рывок. При этом сам колхозный строй превратился в важную составную часть сформировавшейся в стране модели предельно централизованной социально-экономической системы, той частью, которой предстояло внести весьма весомый вклад во всемирно-историческую победу Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Пять лет тому назад, характеризуя объем этого вклада, т. е. количества продовольствия, полученного государством от деревни, мне, как, впрочем, и всем, кто так или иначе затрагивал эту проблему, пришлось оперировать источниками не самого надежного свойства, поскольку доступ исследователей к документам Наркомата заготовок СССР был закрыт.

Ныне эта серьезная помеха устранена, и я хотел бы воспользоваться возможностью на нынешней конференции попытаться осветить перед ее участниками результаты наших совместных со студентом 5-го курса очно-заочного отделения исторического факультета МПГУ Жеваловым С. А. результатов изучения материалов одного из фондов Наркомата заготовок СССР, содержащих более достоверные и более полные сведения о том количестве основных видов продовольствия, которые были поставлены колхозно-совхозной деревней страны в закрома советского государства за время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Помимо них, за прошедшее пятилетие появились новые публикации, содержащие дополнительную информацию о продовольственном резерве, который смогло создать советское правительство, благодаря колхозному строю, ускоренно созданному в отечественной деревне, готовясь к грядущей фашистской агрессии. Сопоставив ее с хорошо известными данными о состоянии народного хозяйства СССР, имеющимися в статистических сборниках за те или иные годы нашего прошлого, не сложно убедиться в достаточной надежности большинства показателей упомянутой выше информации.

В подтверждение высказанного суждения сошлюсь на данные валовой сельскохозяйственной продукции (в среднем за год, в границах до 17 сентября 1939 г.) по итогам неполных трех довоенных пятилеток, содержащиеся в интервью наркома земледелия СССР того времени И. А. Бенедиктова видному исследователю истории Великой Отечественной войны профессору Куманеву Г. А. в марте 1980 г., включенное в книгу этого ученого, «Говорят сталинские наркомы» изданную семь лет тому назад.

«Согласно этим данным, валовая сельскохозяйственная продукция первой пятилетки, – говорил бывший нарком, – на 26 % превышала уровень 1909–1913 гг., в годы второй пятилетки – на 32 %, (в книге опубликована досадная опечатка – 3,2 %) а в 1938–1940 гг. – на 43 %. В течение трех с половиной лет третьей пятилетки, т. е. в 1938–1941 (первая половина) гг. в стране ежегодно заготавливалось в 1,2 раза больше зерна, чем во вторую пятилетку, и в 1,8 раза больше, чем в годы первой пятилетки».

«Все эти и другие мероприятия, достигнутые рубежи позволили кооперированному сельскому хозяйству СССР выжить, выстоять во время ужасно тяжелой войны, продемонстрировать силу и жизнеспособность еще не окрепшего колхозного строя», – делал вполне справедливый вывод видный советский государственный деятель, хотя одновременно он

отмечал и немало серьезных негативных факторов, которые «сдерживали, тормозили рост сельскохозяйственного производства».

Мне приходится воспроизводить эту оценку, чтобы показать необъективность наших доморощенных судей советского прошлого и, в частности, коллективизации сельского хозяйства, которую они изображают оплотом беспощадной эксплуатации тружеников деревни большевистской государственной властью, сравнивая ее с эпохой господства крепостного права. Чтобы подчеркнуть необъективность такой оценки достаточно будет, опираясь на рассекреченные документы и другие фактические данные, воссоздать в достаточно полном объеме тот трудовой вклад колхозно-совхозной советской деревни в решение продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны, без которого победа над фашизмом была бы просто невозможна, чем мы и займемся в заключительной части нашей статьи.

А пока закончим характеристику тех новых сведений, которые содержит интервью И. А. Бенедиктова профессору Куманеву Г. А., записавшему текст интервью на магнитофонную пленку. Для нас особый интерес представляют в этом документе данные, касающиеся мобилизационных запасов и государственных резервов продовольствия, которыми располагала наша страна накануне войны. Вот что рассказал по этому вопросу бывший нарком земледелия СССР. «Что же касается мобилизационного плана Наркомата земледелия, составленного перед войной, то в нем, наряду с другими важными и первоочередными мерами, предусматривалось создание ряда стратегических резервов: продовольствия, материально-технических средств, запасных частей, сортовых семян, металлов, горючего, химикатов. В Наркомате земледелия этими вопросами в первую очередь занимался специально созданный мощный военный отдел, подчиненный непосредственно только наркому. К январю 1941 г. государственные резервы и мобилизационные запасы одного зерна, муки и крупы составляли около 6 млн 162 тыс. тонн».

Возникает вопрос, сколь точна последняя цифра? Руководители системы государственных материальных резервов новой России, являющиеся авторами официальной «Истории государственных резервов России» в трех книгах, в целом подтверждают ее надежность. Они сообщают, что в структуре Управления государственных материальных резервов предвоенного времени оказалось 18 территориальных правлений (общая численность 1613 работников), которые насчитывали 126 баз и тысячи пунктов ответственного хранения... На 93 элеваторах системы хранилось 6 млн тонн зерна, на специализированных складах свыше 40 тыс. тонн мяса, свыше 300 тыс. тонн сахара... Ставилась задача направить в ближайшие годы в государственный резерв сырья, материалов и товаров на сумму, составляющую 6,3 % национального дохода страны».

Численность общего веса хлебных культур довоенного госрезерва по тем и другим данным по существу почти одинакова. Минимальное расхождение в 162 тыс. тонн между ними, по всей видимости, объясняется тем, что в первом случае названа цифра госрезерва на 1 января 1941 г., а во втором, очевидно, на начало июня, когда постановлением СНК СССР Управление госрезервов было переименовано в Управление государственных резервов при СНК СССР (ГМР). Но зато наше прежнее скромное предположение относительно объема довоенного хлебного госрезерва всего в 1–2 млн пудов оказалось в действительности перекрыто в несколько раз.

Существенно уточнив положение дел с госрезервом продовольствия накануне войны, перейдем к выяснению того количества продовольствия, которое наше государство получило от колхозно-совхозной системы хозяйства в условиях самой войны. О тех сложностях, с которыми столкнулась советская колхозно-совхозная деревня в годы войны: резким сокращением количества квалифицированной рабочей силы из-за мобилизации в армию мужчин призывных возрастов, не менее резким снижением материально-технической базы сельского хозяйства по причинам того же порядка (передача в армию значительного тракторно-автомобильного парка МТС и самих колхозов и, особенно, совхозов), потери, связанные с временной оккупацией врагом больших массивов посевных площадей, рабочего и продуктивного скота, и также с неурожаем 1942 и особенно 1943 годов писать в настоящей статье нет особой необходимости, поскольку все эти вопросы достаточно убедительно раскрыты в отечественной историографии да и в нескольких моих прежних статьях.

Добавим к этому и тот факт, что в связи с необходимостью существенно повысить из-за потребности направить крупные средства в оборонную промышленность накануне войны советское правительство должно было значительно повысить сельскохозяйственный налог как с колхозов, так и с личных хозяйств колхозников, единоличников, рабочих и служащих, получивших в годы войны земельные участки для ведения подсобного хозяйства. По свидетельству И. А. Бенедиктова, «сельхозналог был тогда увеличен в 1,8 раза и оставался в силе во время войны».

А теперь настал черед рассмотреть те статистические сводки данных о количестве полученных государством основных видов продовольствия за все годы войны по данным, которые отложились в фонде сектора (в конце 1943 г. преобразованного в отдел) учета и отчетности Наркомата заготовок СССР. Начнем с традиционно самого важного для условий нашей страны – зерновых культур, круп, риса и бобовых культур, оговорившись, что в таблице № 1 для сравнения приведены данные и за последний предвоенный сельскохозяйственный год, который в ту пору начинался с 1 июля предшествующего календарного года и заканчивался 30 июня следующего года. Предварительно подчеркнем и тот факт, что в таблицу вошли сведения по всем объектам поставок – колхозам, совхозам и индивидуальным (а в последующие два года войны к последним прибавились и коллективные подсобные хозяйства рабочих и служащих отдельных промышленных предприятий, подчиненных так называемым отделам рабочего снабжения – ОРСам) и всем разновидностям обложения: обязательных поставок колхозов, натуроплаты работ МТС, закупок, сдаче в фонд Красной армии, возврат ссуд и неустоек по ним гарнцевый сбор, авансовые поступления.

Если по данным, введенным в 1947 г. впервые в научный оборот Н. А. Вознесенским за 1941–1944 гг. советским государством было заготовлено 4 264 млн пудов зерна, тогда как в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) в дореволюционной России было заготовлено и закуплено лишь 1 399 млн пудов, т. е., по существу, в три раза меньше.

По данным сектора учета и отчетности Наркомзага получается, что за почти аналогичные сроки Великой Отечественной войны в закрома советского государства поступило всех видов заготовок и закупок не 4 264 млн пудов, а 4 561 млн пудов, т. е. без малого в 3,3 раза больше, чем царская Россия также не только заготовила, но и закупила у крестьян и помещиков за те же сроки Первой мировой войны.

Таблица 1. Данные поступления государству хлебного зерна, круп, риса и бобовых культур в период 1940–1945 гг.

Год урожая	Год поступления в государство	Все виды заготовок в тыс. пудов	Закупка в тыс. пудов	Всего в тыс. пудов	Всего в тоннах	Источник: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3.
1939	1940	1 916 747	Нет сведений	1 716 747	28 120 316	Д. 981 (3). Л. 236.
1940	1941	2 117 943	92 503	2 210 446	36 207 105	Д. 749. Л. 16; Д. 865. ЛЛ. 67, 68
1941	1942	1 457 333	20 926	1 500 781	24 582 800	Д. 865. ЛЛ. 27, 28
1942	1943	777 400	72 248	849 648	13 917 234	Д. 979. Л. 2.; Д. 981(1). Л. 17, 18
1943	1944	776 800	Нет сведений	776 800	12 723 984	Д. 979. Л. 2;
1944	1945	1 284 976	3 962	1 288 938	21 112 804	Д. 1108. Л. 30 – 34
Итого	1941 – 1945	6 414 452	189 639	7 826 613	108 543 927	

Что же касается общего количества хлебной продукции, полученной советским государством от колхозно-совхозной деревни по всем видам заготовок и закупок за период войны, то оно исчисляется в 108 млн 544 тыс. тонн зерна, круп, риса и бобовых культур. А если прибавить к этому числу 6-миллионный государственный резерв хлеба, накопленный до войны, то получается, что вся сумма отечественного хлеба, которым располагала наша страна в годы войны, превышает 114 млн 544 тыс. тонн.

Советская Армия и население городов и рабочих поселков СССР в годы войны бесперебойно снабжались необходимым минимумом хлебной продукции. Хлебная проблема была решена героическим трудом советского крестьянства, внесшего великий вклад в экономическую победу над фашизмом и его сателлитами.

Сосредоточить такое количество зерна в своих руках государство смогло главным образом за счет снижения оплаты труда в колхозах и в меньшей мере – в совхозах и МТС. Колхозники в условиях войны вынуждены были обеспечивать себя и свои семьи продуктами питания, в том числе хлебом, получаемыми в личном подсобном хозяйстве, поскольку в большинстве колхозов на трудодни по существу не выдавалось ничего.

Правда, Ю. В. Арутюнян в своем исследовании «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны», в работе хотя и созданной более полувека тому назад, но остающейся и в наши дни одним из самых объективных научных трудов в советской историографии войны, заявляет, что крестьянин получал в военное лихолетье из колхоза на трудодни в среднем «меньше 200 г. зерна и около 100 гр. картофеля в день» – это стакан зерна и одна картофелина. Кроме того, выдавалось немного овощей, а мясо, масло и молоко практически вообще не распределялось. При этом автор оговаривается, что в этих своих расчетах исходил из данных архивных фондов Наркомата земледелия СССР, где размеры продукции «определенной к выдаче» на трудодни, но не выданной фактически, а также подчеркивает, что в действительности, например, в 1945 году, колхозниками было получено лишь 80 % «определенных к выдаче зерна и картофеля» и что «потребность колхозников в овощах колхоз покрывал всего лишь на 1/5 или 1/6».

Выяснив, как обстояло дело с обязательными поставками и закупками хлебных культур в воюющей стране, перейдем к характеристике ситуации, сложившейся в области животноводства, которое сильнее всего пострадало от форсированной коллективизации и до войны, но в отличие от отечественного полеводства не успело восстановить утраченную численность стада по большинству видов крупного рогатого и мелкого продуктивного скота. Общее представление о численности всех видов скота по разным категориям хозяйств как накануне войны, так и к концу года ее завершения, позволяют получить сведения, введенные в научный оборот Ю. В. Арутюняном.

Основными держателями продуктивного скота, как убедительно доказал этот исследователь, были государственно-кооперативные хозяйства, колхозы и колхозники. На их долю приходилось почти 80 % всего поголовья продуктивного стада страны. Можно согласиться и с выводом Ю. В. Арутюняна о том, что животноводство вышло из войны в гораздо лучшем состоянии, чем земледелие (полеводство). Если валовые урожаи зерновых и многих других культур к исходу войны сократились примерно в два раза по сравнению с довоенным временем, то поголовье крупного рогатого скота, овец и коз уменьшилось не более чем на четверть. То же наблюдалось и в продуктивности скота. При этом резкое снижение производства в земледелии происходило как в тыловых, так и в освобожденных от оккупантов районах. Животноводство же пострадало более всего в областях, временно подвергшихся захвату противником, где фашисты хищнически уничтожали скот при отступлении и вывозили его в Германию.

Если объем поставок мяса, сала и иной животноводческой продукции государству в годы войны в своих работах, опубликованных примерно пять-шесть лет тому назад мне приходилось определять расчетным путем по показателям суммарного живого веса всех видов скота, поступившего на приемные пункты перерабатывающих предприятий Наркомата мясной и молочной промышленности и количества мясной продукции, полученной в процессе его переработки, а также путем экстраполяции данных сдаваемого колхозами и совхозами скота воинским частям в прифронтовой зоне одной лишь области (Рязанской) на все случаи такой

сдачи в масштабах всех областей, где велись боевые действия, то сейчас появилась возможность воспользоваться несравненно более близкими к действительности материалами погодных сводок Наркомзага СССР за время войны.

Ниже приводится таблица 2, составленная на основе таких сводок мною совместно с С. А. Жеваловым. Из-за отсутствия возможности разграничить источники поставок на колхозы, совхозы, подсобные хозяйства промышленных предприятий и личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих и служащих, а также хозяйства единоличников в сводной таблице приводятся суммарные показатели по всем группам перечисленных хозяйств.

Если раньше нам доводилось устанавливать расчетным путем по данным Наркомата мясной и молочной промышленности общее количество переработанного на его предприятиях голов крупного и мелкого скота, а также птицы и кроликов и оперировать общим количеством полученного количества мяса и сала методом, подробно изложенным в статье «Продовольствие победы: объемы государственных заготовок, закупок и союзнического ленд-лиза», то теперь есть возможность определить тем же методом объемы мяса в убойном весе и подвергнутого промышленной переработке той или иной его части в консервированную продукцию, сало, колбасы, окорока и т. п.

Таблица 2. Динамика поставок государству скота (живого веса) в 1940–1945 гг.

Год поступления	Поступило на приемные пункты Наркомата заготовок СССР живого веса скота в тоннах в сопоставлении с 1940 годом	В % к 1940 г.
1940	1 917 487	100,0
1941	1 769 659	92,3
1942	1 676 501	87,4
1943	1 710 910	89,2
1944	1 625 954	84,8
1945	1 632 210	85,1
Всего за 1941–1945 гг.	8 415 234	

Эта сугубо условная операция необходима для более корректного сопоставления отечественного мяса с тем, что выделили нам в годы войны Соединенные Штаты Америки на условиях ленд-лиза, поскольку этот вид продовольствия поставлялся не только замороженными тушами, но и весьма в значительной части известной американской тушенкой, беконом, колбасами и иной животной продукцией.

В переводе на подобную отечественную продукцию из 8 млн 415 тыс. тонн живого веса скота можно было получить расчетным путем 3,4 млн тонн мяса, сала, колбас, говяжьей и свиной тушенки и т. п. фабрикатов или полуфабрикатов. К этому количеству следует прибавить 40 тонн государственного резерва, а также примерно до 1 млн тонн мяса домашней птицы, кроликов и неучтенного в 1941–1942 гг. мяса, полученного фронтовыми частями Красной Армии и полевыми конторами Главзаготскота центра России Наркомзага СССР, действующими в тех областях страны, которые находились в прифронтовой полосе первых лет войны, всего, таким образом наше государство располагало для снабжения продовольствием Красной Армии и 60–80 млн городского населения СССР, получавшего продукты питания по карточкам, примерно около 4,5 млн тонн мясной продукции в разных видах.

На первый взгляд такое увеличение по сравнению с расчетным количеством отечественного мяса, израсходованного на продовольствие в годы войны, может показаться чрезмерно большим. Но если принять во внимание количество скота, других животных (кроликов) и птицы, имевшееся в личном хозяйстве колхозников и единоличников и не только используемое на собственное потребление, но и выбрасываемое на рынок или в натурообмен с горожанами на предметы ширпотреба, оставшегося у последних еще с мирного времени, а также количество колхозного мяса, расходуемого на общественное питание механизаторов МТС, и прибавить к этому мясо, производимое подсобными хозяйствами ОРСов (отделов

рабочего снабжения при промышленных предприятиях или учреждениях), личными подсобными хозяйствами рабочих и служащих, то большинство сомнений на сей счет отпадут сами собой.

А теперь настала пора соотнести полученные нами в своей основе более точные сведения об объеме зерновой продукции и мяса отечественного происхождения, которыми располагало советское государство в годы военного лихолетья с данными скрупулезно учтенного американского ленд-лиза, взятыми из уже используемого мною раньше дневника майора Джордана. Правда, и здесь нужны некоторые разъяснения по поводу относительной условности проводимого вновь сравнения. Дело в том, что подавляющая часть (примерно пять шестых) американского мяса представлена в консервированном виде – свинина, говядина, знаменитая тушенка, нареченная у нас в стране «вторым фронтом», колбаса, колбасные добавки, консервированные цыплята и т. п. Сравнить консервированную мясную продукцию с сырым мясом можно весьма условно.

Переведя американские фунты в килограммы и тонны, получаем около 1 млн 847 тыс. тонн американского мяса, поставленного в СССР в течение войны. Что касается хлебного зерна и муки, то их ленд-лизингский объем равнялся (по тому же источнику) 1 млн 756 тыс. тонн. При некоторой условности сопоставления тех и других показателей американского ленд-лиза с показателями отечественного производства, исчисляемым по впервые вводимым в научный оборот материалам Наркомзага СССР, бесспорен тот факт, что удельный вес как в количественном, так и в качественном отношении американских поставок в СССР мясной продукции существенно превышал долю союзнических хлебных поставок в общем хлебном балансе нашей страны военного времени.

Отдавая дань относительности исторических параллелей такого сопоставления, следует подчеркнуть, что место и значение американской тушенки во всем союзническом ленд-лизе было столь же весомым в количественном плане, как и принудительно навязываемые нам в постсоветской России «ножки Буша», с той лишь разницей, что ленд-лиз мы оплачивали из американского займа, а ныне рассчитываемся валютой по мировым ценам, при всей качественной противоположности той и другой продукции «дядюшки Сэма».

Выражаясь так, я далек от стремления принизить значительную роль продовольственной части ленд-лиза в борьбе с общим врагом, как это имело место в отечественной историографии эпохи «холодной войны» и по нелучшей традиции еще продолжает встречаться в некоторых наших современных работах. В подобную крайность впали авторы многотомного труда по истории крестьянства в СССР, которые утверждали, будто «продовольствие, полученное по ленд-лизу из США и Канады, составляло 2 % наших внутренних заготовок». Вероятно потому, что сам, участвуя в подготовке названного первого тома обобщающего издания, принял на веру и воспроизвел эту цифру в своей последней интересной книге видный историк-аграрник и мой добрый товарищ, совсем недавно безвременно ушедший в мир иной Ю. В. Журов, много лет славно потрудившийся на посту сначала проректора по научной работе Красноярского госпединститута, а затем заведующего кафедрой и ректора Брянского госуниверситета им. академика И. Г. Петровского.

Обратив внимание на эту крайность, уместно будет сказать, что в противоположную крайность впадают те современные историки и публицисты, которые пишут о так называемом «роге изобилия» американского продовольственного ленд-лиза или бездоказательно заявляющие, что главным в ленд-лизе были не танки, студебеккеры и командирские джипы, а продовольствие и что без поставок техники и вооружений СССР имел шансы выиграть войну, а без «второго фронта», как скептически величали американскую тушенку отечественные современники Великой войны, нет.

Сравнительно весомый вклад американского мясо-консервного ленд-лиза в сравнении с хлебным не меняет того, что в деле снабжения основными видами продовольствия страны нашей, и Красной армии в особенности, определяющая роль все же принадлежала отечественному сельскому хозяйству, основанному в ту грозную пору на общественном колхозно-совхозном производстве, главной фигурой которого был не вчерашний мелкий товаропроизводитель, а новый крестьянин-колхозник и рабочий специализированного откормочно-животноводческого совхоза.

Решение этой части продовольственной проблемы было главным итогом трудовой деятельности отечественной колхозной деревни. В основе этого выдающегося достижения лежали высокие морально-волевые качества миллионов рядовых тружеников села тех лет – женщин всех возрастов, престарелых мужчин, не только подростков, школьников, а также и детей младших школьных лет, движимых глубокой любовью к своей Родине, большой гражданской ответственностью за результаты своего труда и осознанной жертвенностью во имя спасения родного очага, своей земли, своего народа, Отчизны.

Вместе с тем на редкость надежно сработал огромный мобилизационный потенциал колхозно-совхозной системы производства и распределения, позволивший советскому государству, вопреки всем трудностям и невзгодам военного лихолетья, сосредоточить в своих руках жизненно необходимое количество хлеба и высококалорийной мясной продукции. Не будь он задействован на полную мощность, едва ли Советский Союз мог не только выстоять в смертельной схватке с фашизмом, но и переломить ему становой хребет в битвах за Смоленск, Москву, Сталинград и на Курской дуге, получив от союзников к началу 1944 г. менее трети ленд-лизинговской и иной помощи.

Подчеркивая это, я с вполне осознанным моим поколением школьников 2–5-х классов периода войны, каждое лето работавших в колхозе, как и на семейных приусадебных участках, с возмущением выступаю против столь разнузданно-огульного очернения колхозно-совхозного строя, чем грешат многие современные отечественные историки, обществоведы и в особенности публицисты. Не создав колхозного строя, страна не одержала бы Великой Победы, которой по праву гордимся все мы сегодня. И как глубоко прав был наш великий А. С. Пушкин, когда писал о себе: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... Но клянусь честью, что ни за что на свете не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

В последнее время в отечественной историографии преобладающими стали сплошь негативные оценки коллективизации. Спору нет, в истории форсированной «революции сверху», как назвал советскую коллективизацию ее «крестный отец» – И. В. Сталин, было немало буквально драматических страниц, основной перечень которых назван в первой части нашей статьи. Но вполне обоснованная констатация этого обстоятельства не должна использоваться в целях бездумного нашего отрешения от сравнительно недавнего советского прошлого. А сегодня к числу видных отечественных историков, пишущих о Великой Отечественной войне, кто, не кривя душой, придерживается позиции аналогичной пушкинской, можно отнести, кроме уже упоминавшихся мною, Ю. В. Арзуманяна, Ю. В. Журова, О. А. Ржешевского, В. Т. Анискова, А. А. Данилова, В. П. Зимонина, А. Ф. Киселева, Г. А. Куманева, Н. А. Нарочницкую, Е. П. Титкова, А. И. Уткина и некоторых других.

«Сопоставляя высокую цену, заплаченную народами СССР за совершенный в преддверии Второй мировой войны индустриальный рывок с ценой, которой им в противном случае пришлось бы расплатиться за военно-техническую и экономическую отсталость страны – справедливо обобщает свои наблюдения по истории создания Военно-промышленного комплекса в СССР в 1920–1950-х гг. Н. С. Симонов, – не приходится считать ни напрасными, ни чрезмерными... Не меньше чем советско-сталинское руководство страны, – заключает он свой вывод, – в этих жертвах и лишениях виновен воинствующий империализм так называемых культурных наций».

Солидаризируясь с этими всесторонне продуманными обобщениями в порядке дополнения применительно к проблематике своей статьи подчеркну, что в столь высокой цене, не пущенной на ветер, хотя и безмерно тяжелой, была весомая доля, пришедшаяся на колхозно-совхозную деревню. Критикуя доморощенных фальсификаторов, которой мне приходится заниматься ныне, сошлюсь на мнение, высказанное маститой исследовательницей и блестящей публицисткой Н. А. Нарочницкой. «Право на будущее, – пишет она в очередной своей монографии, – имеет только тот, кто уважает свое прошлое. История всегда находит путь преемственности, и потому ее нельзя разделить, нельзя зачеркнуть в ней ни одной страницы, даже трагической и печальной. А именно такой страницей, хотя и вполне оправдавшей себя в судьбоносные годы Великой Отечественной войны являлась и форсированная коллективизация советской деревни.

§ 3. Политическое развитие СССР в 1945–1953 годы

Главной задачей внутренней политики СССР в послевоенные годы было восстановление народного хозяйства. Оно началось еще в 1943 г. и расширялось по мере изгнания оккупантов. Сразу же после победы над Германией ГКО постановил перевести часть оборонных предприятий на выпуск товаров для населения. Пересмотрен был государственный бюджет на III и IV кварталы 1945 г. и на 1946 г. Предусматривалось сокращение ассигнований на военные нужды и увеличение расходов на развитие гражданских отраслей экономики. В августе 1945 г. Госплан СССР получил задание подготовить проект плана восстановления и развития народного хозяйства. Выпуск военной продукции в 1945 г. был сокращен на 31 % по сравнению с 1944 г.

В июне 1945 г. принят закон о демобилизации тринадцати возрастов личного состава армии. 17 июля на Белорусский вокзал Москвы прибыли первые эшелоны с демобилизованными, которых встречали тысячи горожан с цветами. В 1947 г. демобилизация в основном завершилась, к мирной жизни вернулись 8,5 млн человек. Численность Красной Армии сократилась с 11,4 млн человек (май 1945 г.) до 2,9 млн (конец 1948 г.).

В соответствии с задачами мирного времени после войны была проведена реорганизация ряда наркоматов. В 1946 г. наркомат боеприпасов стал Министерством сельскохозяйственного машиностроения, наркомат минометного вооружения – Министерством машиностроения и приборостроения, наркомат танковой промышленности – Министерством транспортного машиностроения. Создавались новые министерства – промышленности средств связи; медицинской промышленности и др. Возобновлению нормального режима труда способствовала отмена обязательных сверхурочных работ, восстановление восьмичасового рабочего дня и ежегодных оплачиваемых отпусков.

4 сентября 1945 г. был упразднен ГКО. Основные функции по управлению страной сосредоточились в руках Совнаркома. 10 февраля 1946 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР второго созыва. Как и до войны, в бюллетени вносились фамилии предварительно согласованных во всех инстанциях кандидатов в депутаты. В марте 1946 г. открылась первая сессия нового Верховного Совета СССР. На ней утвердили пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг., сформировали новое правительство. На пост Председателя Президиума избран Н. М. Шверник, а М. И. Калинин с почестями отправлен на пенсию. 15 марта принят закон о преобразовании Совнаркома в Совет министров СССР. Новое наименование шло в русле возвращения от революционной символики к традиционной российской. Незадолго до этого была осуществлена реформа органов военного управления. 25 февраля 1946 г. был упразднен наркомат Военно-морского флота (образован в декабре 1937 г.), военно-морские силы включены в состав наркомата Вооруженных сил СССР, Красная Армия переименована в Советскую Армию.

В 1945–1952 гг. роль Политбюро как генератора политического курса по сравнению с предвоенным временем заметно снизилась. За эти годы состоялось только девять его заседаний. Сталин возглавлял Совмин СССР и в официальных случаях именовался «Глава Советского Государства». Функции партийных и государственных органов переплетались все теснее. Внутри Политбюро сложился узкий круг приближенных к Сталину лиц (в разное время так называемые «пятерка», «шестерка», «семерка», «восьмерка», позже – «девятка» руководителей). С октября 1946 г. в состав «семерки» входили Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов, Вознесенский. На «ближний круг» замыкались вопросы внешней политики и внешней торговли, госбезопасности, вооружения и функционирования армии, другие вопросы государственного управления.

При Совете Министров в феврале 1947 г. были созданы 8 отраслевых бюро (позднее их стало больше), каждое из которых координировало родственные министерства и ведомства. Председателями бюро стали Маленков, Вознесенский, Сабуров, Берия, Микоян, Каганович, Косыгин, Ворошилов. В аппарате ЦК партии остались только два управления: кадров, агитации и пропаганды, а также два отдела – оргинструкторский и внешней политики; отраслевые отделы были ликвидированы. В публичных выступлениях упоминание о «руководящей роли Коммунистической партии» звучало сравнительно реже. В феврале 1946 г. Сталин заявил, что

единственная разница между коммунистами и беспартийными состоит в том, что первые являются членами партии, а вторые нет, что тоже воспринималось как снижение авангардной роли партии.

Разногласия, имевшиеся в руководстве СССР при определении наметок плана 4-й пятилетки, вызывались различием представлений об основных тенденциях послевоенного развития. А. А. Жданов, Н. А. Вознесенский и ряд других деятелей считали, что с возвращением к миру в капиталистических странах наступит экономический кризис, усилятся межимпериалистические противоречия и конфликты. Это сулило ослабление угрозы СССР со стороны западных держав и позволяло отказаться от традиционной политики форсированного развития тяжелой промышленности, остановиться на сравнительно либеральных вариантах плана, в большей мере опираться на экономические рычаги (цены, стоимость, кредит, прибыли) в дальнейшем развитии народного хозяйства.

Маленков, Берия и другие больше полагались на экономические оценки и прогнозы академика Е. С. Варги и не исключали способности капитализма справиться с внутренними противоречиями. С этой точки зрения послевоенная международная обстановка виделась крайне тревожной, наличие у противника атомной бомбы делало ее еще мрачнее. Отказ от дальнейшего форсированного развития индустриальных и оборонных отраслей и от командно-административных методов руководства экономикой исключался. Развитие событий оправдывало прогнозы политических «ястребов».

Соратники И. В. Сталина, занимавшие ключевые посты в партийных и государственных структурах власти, были вовсе не единой и однородной командой, как могло казаться в свете показного почитания и славословий, расточавшихся в адрес лидера. Стремясь закрепить свою власть, они в определенном отношении выступали единой командой, но в других – не брезговали древнейшими методами политической интриги. Победы и поражения в не видимой для населения страны борьбе за выход на ближайшие подступы к власти позволяют различать три этапа в почти восьмилетнем послевоенном сталинском руководстве. Рубежами между ними выступают март 1949 г. и июль 1951 г.

На первом этапе Сталин несколько дистанцировался от наиболее влиятельных в годы войны членов ГКО и постарался обезопасить властный Олимп от возможных покушений со стороны генералитета, вышедшего из войны в ореоле спасителей Отечества. К концу войны советские Вооруженные силы имели в своих рядах 12 маршалов Советского Союза, 3 главных маршала и 12 маршалов родов войск, специальных войск, 2 адмирала флота. В августе 1944 г. в Красной Армии, без ВМФ, НКВД и НКГБ, насчитывалось 2952 генерала, из которых 1753 получили генеральское звание в период войны.

Под пристальным вниманием сразу же после войны оказался Г. К. Жуков. 27 июня 1945 г. он пригласил на дачу под Москвой знатных гостей. Среди них были военачальники С. И. Богданов, В. В. Крюков с женой, исполнительницей русских народных песен Л. А. Руслановой, А. В. Горбатов, В. И. Кузнецов, В. Д. Соколовский, К. Ф. Телегин, И. И. Федюнинский, В. И. Чуйков. Продолжая праздновать победу, они всячески превозносили вклад в нее Жукова, говорили о нем как о победителе Германии. А на следующий день с записями разговоров был ознакомлен Сталин, и это стало причиной подозрительности к маршалу.

Для компрометации полководца было использовано так называемое «дело авиаторов». Командующий Военно-воздушными силами Советской армии А. А. Новиков и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, по показаниям арестованного в начале 1946 г. маршала авиации А. С. Худякова, были обвинены в приеме на вооружение самолетов и моторов с производственными дефектами, что вело к большому числу катастроф. На основе сфабрикованных в ведомстве В. С. Абакумова материалов Новиков, Шахурин и пятеро их подчиненных были осуждены на разные сроки лишения свободы. Тень пала и на Маленкова с Берией, отвечавших за работу авиационной промышленности. Во время следствия были также получены показания о попытках Жукова «умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования».

Весной 1946 г. были арестованы 74 генерала и офицера Группы советских войск в Германии по обвинениям в растрате фондов и вывозе для себя из Германии и Австрии разного

имущества, мебели, картин, драгоценностей. Но вскоре в обвинениях стал фигурировать антиправительственный заговор военных во главе с Жуковым.

Г. К. Жуков был отозван с руководящих постов в Германии, где его заменил возведенный в маршальское звание В. Д. Соколовский, а затем (с марта 1949 г. по март 1953 г.) генерал армии В. И. Чуйков. В марте 1946 г. Жуков получил назначение на пост главнокомандующего Сухопутными войсками Советской Армии и заместителя министра обороны СССР. А 1 июня 1946 г. состоялся разбор «дела Жукова» на заседании Высшего военного совета. Обвинения против него поддержали члены Политбюро Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Однако маршалы И. С. Конев, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, П. С. Рыбалко, хотя и отметили недостатки характера обвиняемого, ошибки в его работе, твердо стояли на том, что заговорщиком он быть не может. «Он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны», – утверждал маршал Рыбалко. Обсуждение закончилось выводом Сталина: «А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву». Внешне казалось, что он не желал идти из-за маршала на конфликт с членами Политбюро.

3 июня 1946 г. Жуков получил назначение на пост командующего Одесским военным округом. Однако этим дело не закончилось. Против него выдвигались новые обвинения, в частности в присвоении и вывозе из Германии большого количества различных ценностей. В феврале 1947 г. его вывели из числа кандидатов в члены ЦК, в январе 1948 г. назначили на командование менее значимым Уральским военным округом. Сталин, сложивший с себя обязанности министра Вооруженных сил СССР, передал их сначала Н. А. Булганину (март 1947 г.), затем А. М. Василевскому (март 1949 г.). Последний исполнял их до марта 1953 г.

В феврале 1950 г. из Министерства вооруженных сил СССР были выделены Военно-морские силы и образовано Военно-морское министерство (министры – И. С. Юмашев, Н. Г. Кузнецов), а Министерство Вооруженных сил переименовано в Военное министерство. 15 марта 1953 г. оно вновь объединено с Военно-морским министерством в одно – Министерство обороны СССР, просуществовавшее до 26 декабря 1991 г. Опала Жукова закончилась летом 1951 г., а на XIX съезде партии его вновь избрали кандидатом в члены ЦК.

Жертвами интриг после войны стали и другие представители генералитета. Г. И. Кулик и В. Н. Гордов изобличены как «сторонники реставрации капитализма в СССР»; флотоводцы Н. Г. Кузнецов, Л. М. Галлер, В. А. Алафузов, Г. А. Степанов обвинены в том, что в рамках соглашений об обмене военно-технической информацией передали союзникам во время войны документацию на парашютную торпеду; Кузнецов был понижен в звании, остальные приговорены к различным срокам заключения. Репрессиям подверглись В. В. Крюков и его жена.

Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (начальник Главного артиллерийского управления в годы войны, а с 1948 г. заместитель военного министра) постановлением Совмина «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60» снят с поста и арестован по обвинению во вредительстве (февраль 1952 г.). Вместе с ним были арестованы начальник ГАУ И. И. Волкотрубенко и заместитель министра вооружения И. А. Мирзаханов. Но за 15 с лишним месяцев следствие так и не выявило фактов, которые могли бы дать основание для их осуждения.

Уже к концу войны становились заметными изменения в расстановке сил в самом Политбюро ЦК. Явно ослабевали позиции старших по политическому возрасту соратников Сталина. Л. М. Каганович снят с поста наркома путей сообщения как «не сумевший справиться с работой в условиях военной обстановки» (март 1942 г.). К. Е. Ворошилов выведен из ГКО (1944). В. М. Молотов был резко осужден за санкцию на публикацию речи Черчилля в советской печати, обещания ослабить цензуру (декабрь 1945 г.) и даже за согласие в 1946 г. на избрание почетным членом АН СССР, в котором Сталин увидел умаление достоинства «государственного деятеля высшего типа». Особое недовольство вызвано тем, что он не удержал собственную супругу «от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами».

«Дело авиаторов» пошатнуло позиции Г. М. Маленкова. 6 мая 1946 г. вышло постановление Политбюро, в первом пункте которого утверждалось: «Установить, что т.

Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приему самолетов – над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)». Второй пункт постановления гласил: «Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)». Утратив секретарский пост он тем не менее остался одним из заместителей Председателя Совета Министров и членом Политбюро (избран в марте 1946 г.). 13 мая 1946 г. он возглавил Специальный комитет по реактивной технике и первые месяцы опалы был сосредоточен на его проблемах.

Как некоторое умаление власти Берии следует рассматривать его перемещение с поста министра внутренних дел на пост председателя Специального комитета при ГКО по руководству «всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». На эту должность он был назначен 20 августа 1945 г.; на посту министра в декабре 1945 г. его заменил С. Н. Круглов. Оставаясь в Политбюро, Берия и Маленков пользовались любой возможностью для дискредитации Жданова и его выдвиженцев Н. А. Вознесенского (председатель Госплана СССР), А. А. Кузнецова (секретарь ЦК), М. И. Родионова (председатель Совмина РСФСР).

Неблагоприятно для «ленинградцев» развивались события на международной арене. Вопреки их предположениям, противоречия между социализмом и капитализмом проявились в большей мере, чем внутри ведущих капиталистических стран. Объективно виноватыми они оказались и в том, что в подведомственном Жданову Ленинграде был проявлен либерализм в отношении поэтессы А. Ахматовой и писателя М. Зощенко.

Проигрыш «ленинградцев» явственно обозначился 1 июля 1948 г. в связи с возвращением из опалы Маленкова и назначением его на пост секретаря ЦК. Внезапная смерть Жданова 31 августа 1948 г. ускорила разгром «ленинградцев». В начале 1949 г. от обязанностей секретаря ЦК был освобожден Кузнецов, из Политбюро вывели Вознесенского. Падение «ленинградцев» ослабило позиции «старой гвардии». В марте 1949 г. Микоян (связанный родственными отношениями с Кузнецовым) был освобожден от руководства внешней торговлей. Молотов утратил пост министра иностранных дел (назначен А. Я. Вышинский). Смещение Молотова, остававшегося в сознании народных масс вторым лицом в государстве, фактически означало лишение его возможности наследовать высшую власть в стране в случае ухода от дел Сталина.

Период с марта 1949 г. по июль 1951 г. характеризуется резким усилением в руководстве позиций Маленкова и Берии (шансы последнего подкреплялись успешным испытанием атомной бомбы), приближением к властному Олимпу Н. С. Хрущева (в декабре 1949 г. избран первым секретарем МК и МГК, секретарем ЦК партии). Параллельно происходило укрепление позиций заместителя председателя Совмина СССР Н. А. Булганина. В феврале 1948 г. он был переведен из кандидатов в члены Политбюро, а в феврале 1951 г. утвержден председателем бюро Совмина по военно-промышленным и военным вопросам.

В 1949 г. по сфабрикованному при активном участии Маленкова «ленинградскому делу» началось уголовное преследование большой группы руководителей. Первые аресты произведены в августе. Обвинялись А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков в проведении в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарки без специальной санкции правительства, Н. А. Вознесенский – в умышленном занижении государственных планов, фальсификации статистической отчетности и утере секретных документов. Очевидно, что в связи с арестами «преступников» столь высокого ранга в январе 1950 г. восстановлена смертная казнь, отмененная 26 мая 1947 г.

Подоплека преследований «ленинградцев» хорошо представлена в подготовленном Маленковым и Берией проекте закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК от 12 октября 1949 г.: «Можно считать установленным, что в верхушке бывшего ленинградского руководства уже длительное время сложилась враждебная партии группа... С одним из руководящих членов этой группы Капустиным, как выяснилось теперь, во время пребывания его в 1936 г. в Лондоне установила связь английская разведка. Сейчас стало очевидным, что Кузнецов А. и Попков имели сведения об этом, но скрыли их от ЦК... Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания Российской коммунистической партии большевиков... и ЦК РКП(б) и

о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и др. мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других народов за счет русского народа». Большую долю ответственности Маленков и Берия возлагали и на покойного Жданова.

На еще одну причину подозрительности Сталина в отношении «ленинградцев» указывается в книге А. И. Микояна «Так было. Размышления о минувшем» (1999). «Ленинградцы» были якобы «недовольны засильем кавказцев в руководстве страны и ждали естественного ухода из жизни Сталина, чтобы изменить это положение, а пока хотели перевести Правительство РСФСР в Ленинград, чтобы оторвать его от московского руководства». О Вознесенском говорили как о будущем председателе Совета министров РСФСР, о Кузнецове – как о первом секретаре ЦК КП РСФСР, о Жданове – как о генеральном секретаре. В такой перспективе Сталин увидел угрозу и лично для себя. «Если из его рук уходит российская партия и российская государственность, то он остается генералом без армии». В результате, Сталин не дал своей санкции на рассылку письма Маленкова и Берии от октября 1949 г., однако карательную машину против «ленинградцев» не остановил.

В конце сентября 1950 г. обвиняемые предстали перед судом. Средства массовой информации о нем ничего не сообщали, чтобы не давать повода для слухов о расколе в руководстве страны. После расстрелов 26 главных обвиняемых (1 октября 1950 г.) последовала «чистка», закончившаяся увольнением с работы и осуждением 69 руководителей, обязанных своим выдвижением ленинградской партийной организации, и 145 их близких и дальних родственников. Из 214 осужденных 36 работали в Ленинградском обкоме и горкоме партии, в областном и городском исполкомах, 11 занимали руководящие посты в других обкомах партии и облисполкомах, 9 – в райкомах и райисполкомах Ленинградской области.

Проигрыш «ленинградцев» обусловлен отнюдь не тем, что их противники оказались более искусными в интригах и аппаратных комбинациях. В более широком плане он означал поражение направления в руководстве страной, ориентированного на первоочередное решение внутренних политических, экономических и гражданских проблем – смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы «Б», решение проблем политического образования и культуры, подготовку новых Конституции и Программы партии. Одновременно это было победой направления, связанного с руководством военно-промышленным комплексом и делавшего ставку на его всемерное развитие как главного инструмента в сражениях на фронтах «холодной войны» и, в конечном счете, на достижение мирового господства под флагами социализма и коммунизма.

С арестом министра государственной безопасности В. С. Абакумова (июль 1951 г.) начался этап подготовки более радикальных изменений в руководстве страной. Министр МГБ, бывший главным исполнителем расправы над «авиаторами», Жуковым, «ленинградцами», видимо, не вполне устраивал Сталина как организатор расследования «преступлений» Еврейского антифашистского комитета.

Преследования комитета перешли в активную фазу со времени гибели (январь 1948 г.) его руководителя С. М. Михоэlsa, обвинявшегося в том, что по каналам ЕАК в США транслировались слухи о его виновности в гибели (1932) жены Надежды Сергеевны, других родственников. С деятельностью ЕАК было решено покончить после приезда в Москву в сентябре 1948 г. израильского посланника Голды Меерсон (Меир, с 1956 г.). Произошло это после ряда восторженных встреч, устроенных посланнице недавно возникшего государства Израиль (провозглашено 14 мая 1948 г. на основе решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.). Израиль сразу же установил самые тесные отношения с США. Особую настороженность вызывала готовность многих советских евреев переселиться на историческую родину или отправиться добровольцами на войну израильтян с арабами. Все это расценено как измена социалистической Родине. Не нравились Сталину и дружеские отношения, завязавшиеся у Меерсон с женой Молотова П. М. Жемчужиной.

Советское руководство пыталось удержать Израиль в орбите своего влияния, помогая оружием, а также беспрецедентным предложением переселить палестинских арабов-беженцев (свыше 500 тыс.) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную республику или

автономную область. Такое предложение осенью 1948 г. выдвигал министр иностранных дел Украины, советский представитель в Совете Безопасности ООН Д. З. Мануильский. Однако оно не вызвало ожидаемой реакции.

В. С. Абакумов проявил медлительность в организации расследования «дела ЕАК». (Оно завершено уже без его участия летом 1952 г.) Появились подозрения, что делает он это намеренно. Такое предположение высказано 2 июля 1951 г. в письме следователя по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмина на имя Сталина, которое готовилось с помощью аппарата Маленкова. В нем утверждалось, что Абакумов сознательно тормозил расследование дела «еврейского националиста», врача Я. Г. Этингера, что позволяло якобы получить сведения о масштабной вредительской деятельности врачей.

Немедленно созданная постановлением Политбюро комиссия в составе Маленкова, Берии, заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК партии М. Ф. Шкирятова, представителя ЦК в МГБ С. Д. Игнатьева (министр госбезопасности с августа 1951 г.) должна была проверить изложенные Рюминым факты. Так зародилось «дело врачей-отравителей», будто бы погубивших членов Политбюро А. С. Щербакова, А. А. Жданова и намеревавшихся известить других высших руководителей страны, привести к власти Абакумова с заговорщиками из руководимого им министерства.

В раскручивании дела использовались письма заведующей отделением лечебно-санитарного управления Кремля Л. Ф. Тимашук, по недавним еще представлениям давшие толчок «делу врачей», в которых отстаивался правильный диагноз смертельного заболевания Жданова. Письма стали поводом для дискредитации возглавлявшего почти четверть века личную охрану Сталина генерал-лейтенанта Н. С. Власика, и А. Н. Поскребышева (помощник Генсека в 1924–1929, заместитель заведующего и заведующий Секретным отделом ЦК в 1929–1934, заведующий особым сектором Секретариата ЦК в 1934–1952, секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК в 1952–1953 гг.).

Для Сталина версия о заговоре в МГБ стала большой находкой. Используя жупел национализма и сионизма, можно было не только окончательно устранить от власти Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Андреева и многих других партийных и государственных деятелей, имевших родственные связи в еврейской среде, но и указать на них, как на причину отсутствия заметных улучшений в материальной и духовной жизни народа-победителя.

Кадровые перестановки, оформленные после XIX съезда партии на пленуме ЦК 16 октября 1952 г., положили начало процессу обновления руководящих кадров. Если по решению предшествующего съезда в Политбюро было 9 членов и 2 кандидата, а в Секретариате 4 члена, то новый состав Президиума ЦК КПСС (новое название высшему органу партийной власти дал XIX съезд) включал 25 членов и 11 кандидатов, Секретариат – 10 членов. Расширение этих структур мотивировалось упразднением существовавшего прежде Оргбюро ЦК.

Новый ареопаг становился своего рода резервом для выдвижения на первый план новых властителей. На пленуме Сталин обрушился с резкой критикой на Молотова и Микояна, обвиняя их в нестойкости, трусости и капитулянтстве перед американским империализмом. В образованном на пленуме, но не предусмотренном Уставом партии бюро Президиума ЦК, помимо Сталина, значились Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров и Хрущев. Представительство «старой партийной гвардии» в ближайшем окружении Сталина сводилось к минимуму.

В ноябре 1951 г. начало рассматриваться еще одно «дело», чреватое важными политическими последствиями. Было принято постановление «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе Барамия», в котором утверждалось, что в этой республике вскрыта мингрельская националистическая организация, которую возглавлял секретарь ЦК КП Грузии М. И. Барамия. Новое постановление ЦК (от 27 марта 1952 г.) о положении дел в Компартии Грузии «уточняло», что нелегальная националистическая группа «ставила своей целью отторжение Грузии от Советского Союза». По этому «делу» арестованы как «буржуазные националисты» 7 из 11 членов бюро ЦК КП Грузии, 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии. Арестован весь партийный актив Мингрелии. В одном из докладов Сталину по этому «делу» Рюмин и Игнатьев изложили подозрения министра государственной безопасности Грузии Н. М. Рухадзе в адрес Берии, который якобы тайно готовил заговор

против Сталина. Таким образом, «мингрельское дело» могло обернуться и против «самого большого мингрела». Позднее, будучи арестованным, Берия отмечал в письме от 1 июля 1953 г. благодетельную роль Маленкова в своей судьбе, «особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии».

Скорее всего, Берия не оставался безучастным к надвигавшейся опасности. Незадолго до марта 1953 г. оказались арестованными Поскребышев и Власик, неприязненно относившийся к Берии. 15 февраля 1953 г. скончался полный сил комендант Кремля генерал-майор П. Е. Косынкин, назначенный Сталиным на эту должность из своей охраны. Оставаясь на своих постах, они вряд ли позволили бы проявить медлительность в оказании медицинской помощи сраженному инсультом Сталину, какую продемонстрировали Берия, Маленков и Хрущев. По их распоряжению врачи были вызваны к постели больного только через 16 часов после обнаружения его охраной лежащим на полу в одной из комнат подмосковной Ближней дачи в полупарализованном состоянии.

«Дело врачей» приобрело зримые очертания в ноябре 1952 г., когда на Лубянке оказались начальник Лечебно-санитарного управления Кремля П. И. Егоров, известные профессора медицины В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, М. С. Вовси, Б. Б. Коган. Сталин был недоволен нерешительностью министра Игнатьева, приказал отстранить от дела одного из главных его вдохновителей – Рюмина, который, видимо, опасаясь участи Ягоды, Ежова, Абакумова, явно умерил свой пыл. 15 ноября вместо Рюмина был назначен новый следователь по «делу врачей» – заместитель министра госбезопасности С. А. Гоглидзе. Вскоре врачи «дали» нужные показания.

Вопросы о вредительстве в лечебном деле и положении в МГБ были вынесены на обсуждение Президиума ЦК КПСС. Заседание состоялось 1 декабря 1952 г. Судя по дневниковым записям члена Президиума ЦК В. А. Малышева, Сталин говорил: «Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться нам вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство. Любкой еврей-националист – это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов. Неблагополучно в ГПУ (используется одно из старых названий органов МВД и МГБ. – *Авт.*) Притупилась бдительность. Они сами признаются, что сидят в навозе, в провале. Надо лечить ГПУ». Лечить принялись безотлагательно.

Уже 4 декабря в постановлении ЦК партии вина за деятельность «врачей-отравителей» возлагалась на Абакумова и Власика. Снят с поста министр здравоохранения Е. И. Смирнов. Принято также постановление «О положении в МГБ», в котором отмечалось, что «партия слишком доверяла и плохо контролировала» его работу, указывалось на необходимость «решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов».

9 января 1953 г. бюро Президиума ЦК обсудило проект сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей». 13 января появилась «хроника ТАСС» о раскрытии органами госбезопасности «террористической группы врачей, ставящих своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе ее участников были названы девять человек. Шестеро из них были евреями по национальности, трое – русскими. 22 февраля по всем областным управлениям МГБ разослан приказ, предписывавший немедленно уволить из МГБ сотрудников еврейской национальности. Однако до суда над «врачами-отравителями» дело не дошло. «Дело врачей», по словам Л. М. Кагановича, «пошло на убыль само собой» еще при Сталине. После 25 февраля 1952 г. в СССР была приглушена антиссионистская и антиамериканская риторика. Объяснение видится в публично данном этим днем согласия президента США Эйзенхауэра на встречу со Сталиным. Оно могло быть расценено как поворот США к более реалистичной политике в отношении стран социалистического лагеря, делающий излишним продолжение демонстрации устрашения в отношении прозападнически настроенной еврейской диаспоры этих стран.

Тем не менее открытие советскими властями в послевоенные годы неожиданного и неприятного факта возросших прозападных симпатий среди граждан еврейского происхождения, которые расширяли возможности их использования в интересах американской

стратегии, обусловило политику, направленную на дальнейшее сокращение доли евреев в советской номенклатуре.

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 г. И. В. Сталина сразил удар. Диагноз прибывших на дачу 2 марта главного терапевта Минздрава СССР профессора П. Е. Лукомского, академиков АМН А. Л. Мясникова, Е. М. Тареева и других был установлен быстро: инсульт с кровоизлиянием в мозг. 3 марта врачам стало ясно, что смерть неизбежна. По радио передали правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС. 5 марта в 21 час 50 минут Сталин умер. Миллионы советских людей были искренне опечалены утратой, но многие связывали с ней и надежды на лучшую жизнь.

С этой смертью заканчивалась одна из наиболее противоречивых эпох отечественной истории. Эпоха, вобравшая в себя героизм, энтузиазм, социальное творчество масс, форсированную модернизацию страны, победу в Отечественной войне и утверждение крайне жестких командных методов их достижения; прорывы к демократии и насаждение культа личности вождя, безжалостно уничтожавшего не только политическую оппозицию, но зачастую и ростки здравого инакомыслия.

Гигантское разнообразие мнений и оценок исторической роли И. В. Сталина до сих пор не позволяет прийти к какому-то единому мнению. Очевидно, однако, что посмертный суд над Сталиным, начатый по инициативе Л. П. Берии, а затем Н. С. Хрущева, и попытки оценить его роль только негативно и даже полностью вычеркнуть это имя из истории не удаются.

Пожалуй, в наиболее краткой форме суть исторических достижений Сталина после его смерти выражено «Британской энциклопедией»: «Он получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставляет ее оснащенной атомными реакторами». После распада СССР, когда появилась возможность сравнивать различные периоды в истории страны, стали говорить, что сталинская эпоха была «подобна взрыву сверхновой звезды, на затухающем импульсе которого мы двигались почти сорок лет».

5 марта в 20 ч 40 мин (более чем за час до смерти Сталина) в Кремле закончилось совместное заседание членов ЦК, Президиума ВС СССР, министров правительства. Л. П. Берия от имени бюро Президиума ЦК предложил избрать на пост Председателя правительства Г. М. Маленкова. Собрание единогласно поддержало предложение. Пакет новых кадровых назначений далее собранию предлагал уже новый глава Совмина. На посты первых заместителей Предсовмина выдвинуты Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин и Л. М. Каганович. Председателем Президиума ВС СССР предложено избрать К. Е. Ворошилова, а освобождающегося от этого поста Н. М. Шверника – председателем ВЦСПС. Предлагалось также объединить ряд министерств, в том числе слить МГБ с МВД и назначить главой укрупненного министерства Берия. На пост министра иностранных дел выдвинут Молотов, министра Вооруженных сил – Булганин, министра внутренней и внешней торговли – Микоян. Здесь же было решено иметь в ЦК партии вместо Президиума и бюро Президиума один орган – Президиум, «как это определено Уставом». В его состав предложили 11 человек вместо избранных ранее 25.

Членами Президиума ЦК были избраны Сталин, Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин. Секретарями ЦК вместо одиннадцати прежних стали четверо: Н. С. Хрущев, С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Хрущев среди них был единственным членом Президиума ЦК. Постановление совещания было объявлено 7 марта (уже без имени Сталина среди членов Президиума ЦК). Новая конфигурация власти определилась. На самый верх властной пирамиды возвращены представители потесненной Сталиным старой гвардии. Значительная часть сталинских выдвиженцев октября 1952 г. (за исключением Сабурова, Первухина, Поспелова, Шаталина) свои позиции утратила. На заседании объявлено о поручении Маленкову, Берии и Хрущеву привести в должный порядок документы и бумаги Сталина, что было своеобразным индикатором принадлежности к подлинной власти в послесталинском СССР.

Что касается причин смерти Сталина, то многие историки склонны считать, что она стала следствием заговора ряда лиц из его ближайшего окружения с непременным участием министра Игнатьева. Берия приписывал эту заслугу себе. 1 мая 1953 г. он говорил на трибуне

Мавзолея Молотову так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков: «Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя». Эта версия получила широкое хождение. К примеру, в мае 1963 г. первый секретарь ЦК Албанской компартии Энвер Ходжа резко осуждал советских лидеров, которые «имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина». Хрущев на митинге 19 июля 1964 г. в честь венгерской партийно-правительственной делегации свою филиппику в адрес Сталина закончил недвусмысленным заявлением: «В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором».

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что политический процесс 1945–1953 гг. не совсем укладывается в расхожие представления о постоянном нарастании черт тоталитаризма в годы правления Сталина. В тот период тесно переплетались два противоположных курса – на сохранение и развитие репрессивной роли государства и на формальную демократизацию политической системы.

Первая тенденция выразилась в большом количестве арестованных и осужденных за контрреволюционные преступления и антисоветскую агитацию.

В справке от 1 февраля 1954 г., представленной Н. С. Хрущеву за подписями генерального прокурора Р. А. Руденко, министра внутренних дел С. Н. Круглова и министра юстиции К. П. Горшенева, значилось, что с 1921 до февраля 1954 г. в СССР за контрреволюционные преступления были осуждены коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией Верховного суда СССР и военными трибуналами 3 777 880 человек, в том числе к высшей мере наказания – 642 980 человек, 2 369 220 человек осуждены на различные сроки заключения, 765 180 человек – к ссылке и высылке. Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено: 2,9 млн человек – Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым совещанием, а 877 тыс. человек – судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией.

Согласно другим официальным документам, ежегодно в исправительно-трудовых лагерях содержалось от 0,5 до 1,5 млн человек, из которых политические заключенные составляли в 1930-е годы до 35 %. В 1946–1950 гг. общее число политзаключенных увеличилось (в основном из-за осуждения предателей и бывших военнопленных) с 338 883 до 578 912 человек, однако их доля в общем количестве заключенных снизилась до 23 %. Всего в СССР в 1953 г. заключенных (включая контингент исправительно-трудовых колоний) насчитывалось 2 468 524 человека.

По данным КГБ (февраль 1990 г.), в СССР с 1930 по 1953 г. осуждены за государственные и контрреволюционные преступления 3 778 234 человека (2 % от численности населения СССР в 1953 г.). Из них 786 098 приговорены к расстрелу, реабилитированы (прижизненно и посмертно) 844 470. Через исправительно-трудовые лагеря с 1930 по 1953 г. прошли 11,8 млн человек, через колонии – 6,5 млн. Из общего числа заключенных (18,3 млн) за контрреволюционные преступления осуждено 3,7 млн (20,2 %). По существующим оценкам, в заключении умерли около 1,8 млн узников.

Сведения о приговоренных к высшей мере наказания за контрреволюционные и другие особо опасные преступления свидетельствуют, что в 1937–1938 гг. по делам органов НКВД приговорено к высшей мере наказания 681 692 человека. Иначе говоря, в годы «большого террора» страна ежедневно теряла по этой статье 970–900 человек. В 1939–1940 гг. таких приговоров выносилось по 7–5 в день (примерно столько же, сколько в 1932–1934, и почти в два раза больше, чем в 1935–1936 гг.); в 1946 г. – 8, в 1947 – 3; в 1950 г. – 1–2, в 1951–1952 гг. – 4–5, в первую половину 1953 г. – один приговор в день. Жестокость в послевоенной политической и идеологической борьбе по сравнению с 1930-ми годами шла на убыль. С 26 мая 1947-го до 12 января 1950 г. в стране не было смертной казни.

Вторая тенденция в послевоенном политическом процессе проявилась в оживлении общественной жизни, возобновлении после долгого перерыва съездов общественных и общественно-политических организаций СССР. В 1949 г. состоялись X съезд профсоюзов и XI съезд комсомола (спустя соответственно 17 и 13 лет после предыдущих). В 1952 г. состоялся XIX съезд партии.

В 1946–1947 гг. велась разработка проектов новой Конституции СССР и Программы ВКП(б). Конституционный проект предусматривал развитие демократических начал в жизни

общества. В процессе обсуждения проекта высказывались пожелания о децентрализации экономической жизни, расширении хозяйственной самостоятельности местных управленческих организаций. Проект партийной Программы базировался на доктрине перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство. Важное место в проекте отводилось социальным аспектам развития страны. Выдвигалась задача развернуть жилищное строительство и обеспечить каждому трудящемуся благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье – отдельную квартиру. Предлагалось наладить массовое производство автомобилей и предоставить каждому гражданину в пользование легковой автомобильный транспорт. Говорилось о необходимости развернуть подготовку к обеспечению бесплатного снабжения продуктами питания и обслуживания граждан первоклассными столовыми, прачечными, другими культурно-бытовыми учреждениями. Проект Программы партии предусматривал, по мере продвижения к коммунизму, осуществлять принцип выборности всех должностных лиц государственного аппарата, максимально развивать самостоятельные добровольные организации. Обращалось внимание на необходимость развертывания работы по коммунистическому изменению сознания людей, воспитанию у широких народных масс начал социалистической гражданственности, трудового героизма, красноармейской доблести: повышению всего народа до уровня знатных людей Советской страны.

Работа над обоими проектами прекратилась в связи с ужесточением внутривластного курса и осуждением главных руководителей разработок, деятелей ленинградской «антипартийной группировки». Внимание вновь направлялось не столько на выработку эффективных мер по подъему экономики, сколько на поиски конкретных «виновников» ее неудовлетворительного развития. Вопрос о новой Программе КПСС вновь поставлен на XIX съезде партии. Признав устаревшими многие положения действовавшей программы, съезд постановил руководствоваться при подготовке нового главного партийного документа положениями сталинской книги «Экономические проблемы социализма в СССР». Основные постулаты этого произведения, так же как и наработки программной комиссии А. А. Жданова 1947 г., легко обнаруживаются в принятой много лет позже, в 1961 г., третьей Программе КПСС.

Наиболее пагубным в послевоенном сталинском курсе было продолжение прежней стратегии в отношении деревни и сельского хозяйства – отчуждение тружеников от средств производства, сохранение неэквивалентного обмена с городом. За 1946–1953 гг. стоимость поставок сельского хозяйства в другие отрасли народного хозяйства равнялась 298 млрд рублей, а поставок в сельское хозяйство – 193 млрд рублей. По словам Хрущева, Сталин «знал лишь одно средство работы с деревней – нажим, выколачивание сельскохозяйственных продуктов». Сталинская власть не давала себе отчета в том, что такая стратегия рано или поздно приведет к кризису снабжения городов и легкой промышленности продовольствием и сырьем.

Документальное приложение № 1

Документ № 1. Из выступления Н. М. Шверника на сессии Верховного Совета СССР «О внесении на рассмотрение сессии проекта закона о преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР»

16 марта 1946 г.

Товарищи депутаты! В связи с обсуждением на сессии Верховного Совета вопроса об образовании Правительства СССР вношу на ваше рассмотрение предложение о преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР. (Бурные аплодисменты всего зала.)

Действующее ныне наименование высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти – Совет Народных Комиссаров – и наименование центральных органов, руководящих различными отраслями государственного управления, – Народные комиссариаты – возникло в первый период существования Советского государства, который был связан с коренной ломкой старой государственной машины и установлением новых, советских форм государственной жизни. Это был период становления советской государственности, когда формы организации управления были еще неустойчивы и только складывались. Однако органы государственного управления не оставались неизменными: в ходе развития Советского государства и; менялись формы и функции государственных органов. И можно сказать, что только после перестройки советской государственной системы на основе новой Конституции СССР наше Советское государство окончательно сложилось.

Теперь старое наименование – Народные комиссариаты – уже не выражает в достаточной степени отчетливо тот объем компетенции и ответственности, который возлагает Конституция СССР на центральные органы и на лиц, стоящих во главе отдельных отраслей государственного управления.

Известно также, что наименование Комиссариат и Комиссар присвоено не только центральным органам государственного управления СССР, союзных и автономных республик и их руководителям, но и некоторым местным органам и их работникам.

Таким образом, эта общепринятая терминология стирает грань между центральными и местными государственными органами, между руководителями центральных отраслей управления и работниками местных учреждений и вносит чрезмерные усложнения в понятие о компетенции, функциях и ответственности различных органов государственного управления.

Все это говорит о необходимости преобразовать центральные органы государственного управления СССР, союзных и автономных республик и произвести переименования возглавляющих их должностных лиц, присвоив им общепринятые в государственной практике наименования.

В связи с этим целесообразно преобразовать Совет Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Народные комиссариаты СССР – в министерства СССР и в соответствии с этим впредь именовать Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Председателем Совета Министров СССР, заместителей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР – заместителями Председателя Совета Министров СССР и народных комиссаров СССР – министрами СССР.

Такие же переименования целесообразно произвести и в системе органов государственного управления союзных и автономных республик.

Я позволю себе внести проект закона [...]

Правда. 1946. 16 марта. Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 156–157.

Документ № 2. Соперничество групп Маленкова-Берии и Жданова-Кузнецова

[...] Когда Абакумова в 1946 году [7 мая] назначили вместо Меркулова министром госбезопасности, он не был близок к Берии. Напротив, Сталин дал Абакумову указание собрать компромат на всех, в чьих руках была власть, в том числе на Берию. Абакумов смог доказать, что Маленков прекрасно знал о сокрытии неполадок в авиапромышленности, и в 1947 году Маленков получил выговор, был смещен с должности и временно сослан в Казахстан. Его вывели из Секретариата ЦК, а его обязанности перешли к Кузнецову, протеже Жданова. Абакумов и Кузнецов установили самые тесные дружеские отношения.

Однако спустя два месяца Сталин назначил Маленкова заместителем Председателя Совета Министров. Берия в то время поддерживал Маленкова и не скрывал, что они часто встречаются. Абакумов, со своей стороны, сообщал Сталину о том, что Маленков и Берия сочувствуют репрессированным руководителям авиапромышленности и военным. Абакумов ознакомился с документами милиции об охранниках Берии, хватавших на улице женщин и приводивших их к Берии, что вызывало жалобы мужей и родителей.

Расстановка сил в окружении Сталина была следующей: и Берия, и Маленков поддерживали тесные рабочие отношения с Первухиным и Сабуровым, занимавшимися экономическими вопросами. Все они входили в одну группировку. Они выдвигали своих людей на влиятельные должности в правительстве. Вторая группа, позднее получившая название ленинградской, включала: Вознесенского, первого заместителя Председателя Совета Министров и главу Госплана; Жданова, второго секретаря ЦК партии; Кузнецова, секретаря ЦК, отвечавшего за кадры, в том числе и органов госбезопасности; Родионова, Председателя Совета Министров Российской Федерации; Косыгина, заместителя Председателя Совета Министров по легкой промышленности и финансам, выдвинутого в период подготовки и проведения денежной реформы (в 1948 году он был министром финансов), а после «ленинградского дела» переведенного на мало престижную работу в Министерство легкой промышленности. Вторая группировка назначала своих людей на должности секретарей районных партийных организаций. Кузнецов в 1945 году выдвинул Попова, бывшего директора авиазавода, секретарем Московской парторганизации, и Попов стал членом Оргбюро ЦК и секретарем ЦК ВКП(б) одновременно. Жданов поощрял его попытки контролировать министров через выборы в Московский комитет партии. Жданов и Кузнецов осуществляли двойной контроль над членами правительства: через Попова и через Центральный Комитет (нечто подобное пытался сделать Ельцин, став секретарем Московского комитета партии. В этом одна из причин его конфликта с аппаратом ЦК).

Таким образом, членами правительства можно было манипулировать без вмешательства Берии, Маленкова и Первухина. Когда Жданов в 1948 году умер, Попов потребовал, чтобы министры как члены партии подчинялись ему, главе Московского комитета партии. Маленков, стремясь убрать Попова, интерпретировал это его требование как свидетельство «заговора» и появления «независимого» центра власти в Московской парторганизации. Мнение Маленкова было поддержано министрами, которые жаловались Сталину, что Попов постоянно вмешивался в их работу. Хрущев еженедельно присутствовал на заседаниях Политбюро в Москве и в те годы был близок к группе Берии и Маленкова.

Судоплатов П. А. Спецоперации. М., 2001. С. 503–505.

Документ № 3. Из Указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции»

14 июня 1946 г.

1. Установить, что лица, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи, а также лица, состоявшие в советском гражданстве и утратившие это гражданство, а равно их дети, проживающие на территории Франции, могут восстановить гражданство СССР.

2. Лица, указанные в статье 1 настоящего Указа, изъявившие желание восстановить гражданство СССР, могут быть восстановлены в гражданстве СССР, в том случае, если они в течение срока до 1 ноября 1946 г. обратятся в Посольство СССР во Франции с соответствующими заявлениями, к которым должны быть приложены документы, удостоверяющие личность заявителя и его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству.

Сборник законов СССР. 1938–1967. М., 1968. Т. 1. С. 205.

Документ № 4. Закон об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область

25 июня 1946 г.

Во время Великой Отечественной войны, когда народы СССР героически отстаивали честь и независимость Родины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины.

В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие районы СССР, где они были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству. По представлению Президиума Верховного Совета СССР Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

Верховный Совет Российской Советской Социалистической Республики постановляет:

1. Утвердить упразднение Чечено-Ингушской АССР и преобразование Крымской АССР в Крымскую область.

2. Внести соответствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР.

Председатель Президиума ВС РСФСР И. Власов. Секретарь Президиума ВС РСФСР П. Бахмуrow. Москва, Кремль. 25 июня 1946 г.

Заседания Верховного Совета РСФСР. 20–25 июня 1946 года. 7 сессия. Стенографический отчет. М., 1946. С. 361.

Документ № 5. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене смертной казни»

26 мая 1947 г.

Историческая победа советского народа над врагом показала не только возросшую мощь Советского государства, но и, прежде всего, исключительную преданность Советской родине и Советскому правительству всего населения Советского Союза.

Вместе с тем международная обстановка за истекший период после капитуляции Германии и Японии показывает, что дело мира можно считать обеспеченным на длительное время, несмотря на попытки агрессивных элементов спровоцировать войну.

Учитывая эти обстоятельства и идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов, – Президиум Верховного Совета СССР считает, что применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1) Отменить в мирное время смертную казнь, установленную за преступления действующими в СССР законами.

2) За преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, применять в мирное время заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком до 25 лет.

3) По приговорам к смертной казни, не приведенным в исполнение до издания настоящего Указа, заменить смертную казнь по определению вышестоящего суда наказаниями, предусмотренными в статье 2-й настоящего Указа.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Правда. 1947. 27 мая.

Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 219/

Документ № 6. «Журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно». Из постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах «Звезда» и «Ленинград»

14 августа 1946 г.

ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зошенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зошенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зошенко «Приключения обезьяны» («Звезда» № 5–6 за 1946 год) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зошенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо-карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно-хулиганское изображение Зошенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зошенко, тем более недопустимо, что редакции «Звезды» хорошо известна физиономия Зошенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зошенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца», оценка которой, как и оценка всего литературного «творчества» Зошенко, была дана на страницах журнала «Большевик».

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, – «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе.

Предоставление Зошенко и Ахматовой активной роли в журнале, несомненно, внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среду ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в № 1 за 1946 г. и т. д.). Помещая эти произведения, редакция усугубила свои ошибки и еще более принизила идейный уровень журнала.

Допустив проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений, редакция понизила также требовательность к художественным качествам печатаемого литературного материала. Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и рассказами («Дорога времени» Ягдфельда, «Лебединое озеро» Штейна и т. д.). Такая неразборчивость в отборе материала для печатания привела к снижению художественного уровня журнала.

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зошенко, для пустых и аполитических стихотворений Ахматовой. Как и редакция

«Звезды», редакция журнала «Ленинград» допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Журнал напечатал ряд ошибочных произведений («Случай над Берлином» Варшавского и Реста, «На заставе» Слонимского). В стихах Хазина «Возвращение Онегина» под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград. В журнале «Ленинград» помещаются преимущественно бессодержательные, низкопробные литературные материалы.

Как могло случиться, что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности?

В чем смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда»?

Руководящие работники журналов, и в первую очередь их редакторы тт. Саянов и Лихарев, забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности.

Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитывать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрим, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах.

Недостаток идейности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» привел также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельских отношений притуплялась критика. Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что редакции журналов «Звезда» и «Ленинград» не справились с возложенным делом и допустили серьезные политические ошибки в руководстве журналами.

ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель т. Тихонов не приняли никаких мер к улучшению журналов «Звезда» и «Ленинград» и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Более того, зная отношение партии к Зощенко и его «творчеству», Ленинградский горком (т.т. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением горкома от 26.VI.–с.г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в которую был введен и Зощенко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. «Ленинградская правда» допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию Берия Германа о творчестве Зощенко в номере

от 6 июля с. г:

Управление пропаганды ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать редакцию журнала «Звезда», Правление Союза советских писателей и Управление пропаганды ЦК ВКП(б) принять меры к безусловному устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных.

2. Ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий, прекратить издание журнала «Ленинград», сосредоточив литературные силы Ленинграда вокруг журнала «Звезда». [...]

*КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.
7-е изд. М., 1954. Ч. III. С. 485–488.*

Документ № 7. Информация оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) Г. М. Попову «О работе, проводимой райкомами ВКП(б) г. Москвы в связи с закрытым письмом ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина

25 июля 1947 г.

23 и 24 июля 1947 г. в 17 районах г. Москвы были проведены совещания членов и кандидатов в члены райкомов ВКП(б), членов ревизионных комиссий райкомов ВКП(б), секретарей партийных организаций высших учебных заведений, академий и научно-исследовательских институтов, на которых присутствовало 1562 человека. На совещаниях было зачитано секретарями райкомов ВКП(б) закрытое письмо ЦК ВКП(б) и материалы по делу профессоров Ключевой и Роскина. Совещания прошли организованно и продолжались 3,5–4 часа.

Присутствующие на совещаниях восприняли закрытое письмо ЦК ВКП(б) как документ важнейшего политического значения, который требует от райкомов ВКП(б) и первичных партийных организаций коренного улучшения воспитательной работы среди советской интеллигенции. На совещаниях в Куйбышевском, Коминтерновском, Красногвардейском и др. районах были отдельные высказывания, резко осудившие антигосударственные действия Ключевой и Роскина, опозоривших высокое звание советского гражданина.

Член Куйбышевского райкома ВКП(б), ученый секретарь отделения технических наук Академии наук СССР т. Калинин предложил поставить вопрос перед вышестоящими советскими органами об отзыве Ключевой из состава депутатов Верховного Совета РСФСР.

Заместитель начальника политотдела Военно-инженерной академии им. Куйбышева т. Мельников на совещании в Красногвардейском районе высказал мнение о необходимости привлечения Ключевой и Роскина к уголовной ответственности за разглашение государственной тайны.

Кандидат технических наук т. Клецко, заместитель секретаря партийного бюро Всесоюзного теплотехнического института им. Дзержинского, считает, что закрытое письмо ЦК ВКП(б) обязывает партийные организации усилить политическую работу с научно-технической интеллигенцией и значительно повысить большевистскую бдительность.

После ознакомления с содержанием письма и материалов были заданы вопросы. Приводим некоторые из них: «Продолжают ли профессора Ключева и Роскин работать над усовершенствованием препарата «КР»? В какой стадии находится разработка этого препарата в Америке и сумеет ли Америка применить этот препарат в массовом масштабе быстрее, чем Советский Союз? Можно ли знакомить беспартийных работников министерств СССР, центральных ведомств, высших учебных заведений, академий и научно-исследовательских институтов с материалами о деле профессоров Ключевой и Роскина? Почему Суд чести не вынес решения о привлечении Ключевой и Роскина к уголовной ответственности и ограничился общественным выговором? Почему бывший министр здравоохранения СССР Митерев, при попустительстве которого была разглашена государственная тайна, не привлечен до сих пор к ответственности? Почему наши органы контрразведки не смогли предупредить передачу США препарата «КР»?»

Райкомы ВКП(б) г. Москвы сейчас тщательно готовят закрытые партийные собрания в первичных организациях министерств СССР, центральных ведомств, высших учебных заведений, академий и научно-исследовательских институтов, которые будут проведены с 25 июля по 1 августа 1947 г.

Совещания в остальных 8 районах г. Москвы проводятся сегодня.

Зам. зав. Оргинструкторским отделом МГК ВКП(б) Зиновьев

Зав. сектором информации Подельщиков

Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 238–239.

Документ № 8. Б. Д. Греков: «Принизать славную историю Родины мы не должны позволять». Из выступления в Академии общественных наук

16 марта 1949 г.

В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Хроника.

11–14–16 марта 1949 года в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) состоялось расширенное объединенное заседание кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений, на котором обсуждались задачи исторической науки в свете редакционных статей газет «Правда» и «Культура и жизнь». На заседании выступили: акад. Б. Д. Греков, чл. – корр. АН СССР А. М. Панкратова, профессора А. Л. Сидоров, В. М. Хвостов, Б. Ф. Поршнев, Н. Л. Рубинштейн, М. П. Ким, кандидат исторических наук Д. А. Чугаев, аспиранты Марченко, Щелкунов, Фомин, Палехов, Балашов, Чеканова, Турсунов, Лутченко и др. На заседании было установлено, что в работе некоторых советских историков были допущены серьезные ошибки космополитического характера.

Историческая наука является одним из участков идеологического фронта, на котором кучка безродных космополитов пыталась вести свою вредную работу, распространяя антипатриотические взгляды при освещении вопросов истории нашей Родины и других стран.

Так, в печатных работах акад. И. И. Минца извращена история Великой Октябрьской социалистической революции, не показано отличие ее от всех предыдущих революций, смазана ее освободительная роль, как революции; спасшей нашу страну от колониального рабства, не раскрыт ее социалистический характер, принижена роль СССР в мировой истории. Акад. Минц игнорировал, умалял решающую роль русского народа, русского рабочего класса в истории нашей Родины, не показал, как великий русский народ, возглавляемый партией Ленина – Сталина, стал руководящей силой советского государства и выдающейся нацией среди других народов, входящих в состав СССР. Акад. Минц не раскрыл движущие силы развития советского общества, не показал принципиального отличия советского государства от государства досоветского. При освещении истории Великой Октябрьской социалистической рев он извратил действительные причины разгрома иностранной интервенции в годы гражданской войны.

Акад. Минц сорвал выпуск нужного стране учебника по истории советского общества, редактором которого он состоит уже 12 лет. Возглавляя в течение 18 лет секретариат Главной редакции истории гражданской войны, акад. Минц сосредоточил в своих руках все материалы по истории гражданской войны, не создав ничего, кроме двух томов, вышедших в 1936 и 1942 годах.

Прикрывая свою бездеятельность, акад. Минц насаждал семейственность и всячески противодействовал развертыванию критики и самокритики.

Космополитические ошибки акад. Минца не являются случайностью. Еще в 1928 г. в статье, опубликованной в журнале «Историк-марксист», он развивал мысль о том, что основоположниками русской исторической науки были немцы, что, обособившись, она потеряла питательную среду в лице немецких ученых и не могла поэтому ничего создать.

В 1936 г. в постановлении Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) указывалось, что акад. Минц развивал антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские взгляды на историческую науку в представленном им элементарном учебнике по истории СССР для начальных школ.

В своем докладе «Ленин и развитие советской исторической науки», опубликованном в № 1 журнала «Вопросы истории» за 1949 г., акад. Минц попытался отвести от себя критику. Он дошел до чудовищного утверждения, что основоположниками изучения истории советского общества являются не Ленин и Сталин, а что будто работами Е. Н. Городецкого, Э. Б. Генкиной, И. М. Разгона, Н. А. Корнатовского, А. А. Шекун и других «положено начало изучению советского периода истории нашей страны».

Проф. И. М. Разгон в своей работе «Орджоникидзе и Киров и борьба за власть советов на Северном Кавказе», изданной в 1941 г., дал извращенный анализ взаимоотношений русского народа с народами Северного Кавказа, показывая «революционность» чеченцев и ингушей и контрреволюционность осетин. Как известно, это извращение действительной истории взаимоотношений русского народа с народами Северного Кавказа послужило сюжетом для формалистической опера Мурадели «Великая дружба», которая была осуждена и снята с постановки Центральным Комитетом ВКП(б), как извращающая действительную историю.

В статье, посвященной истории СССР советского периода, опубликованной в вышедшей в 1948 г. Большой Советской энциклопедии, проф. Разгон допускает те же извращения, что и акад. Минц. В его изложении отсутствует самое главное – принципиальные теоретические основы нашей советской исторической науки. Профессор Разгон не показывает авангардную роль русского рабочего класса в мировом рабочем движении и ведущую роль русского рабочего класса в строительстве социалистического общества. В изложении истории XX в. до 1917 г. отсутствует даже постановка вопроса о России, как центре мирового рабочего движения, родине ленинизма. Великая Октябрьская социалистическая революция не показана как скачок в новое качество, не подчеркнута ее всемирно-историческое значение как начала новой эпохи во всемирной истории, как базы мировой пролетарской революции: СССР не показан, как отечество пролетариата всего мира. В работе проф. Разгона нет ни одного слова о значении переходного периода и роли диктатуры пролетариата, о советах как форме диктатуры пролетариата. Проф. Разгон извращает ленинскую работу «Очередные задачи советской власти».

Говоря о комбедах, ничего не сказал проф. Разгон об основных задачах, которые ставило советское правительство перед комбедами, – не показал их роли как опорных пунктов диктатуры пролетариата в деревне.

Говоря об объединении советских социалистических республик в единое государство СССР, проф. Разгон не раскрывает ведущую роль Российской Федерации в этом деле, не показывает, что это была крупнейшая победа диктатуры пролетариата, что это была победа прежде всего русского рабочего класса. Ничего не говорит проф. Разгон также и о причинах образования СССР, на которые указывал И. В. Сталин, о помощи, оказанной русским народом всем остальным народам Советского Союза.

В разделе «Победа социализма в СССР» не раскрыты закономерности развития социалистического общества. Только в одном месте упоминается советский патриотизм, причем автор находит выражение его лишь в сборе средств в помощь фронту.

Во всем очерке ничего не говорится о влиянии СССР на развитие мировой истории. Проф. Разгон обходит молчанием освободительную миссию Советской Армии в Отечественной войне, умалчивая о роли СССР в создании новых, демократических республик.

С акад. Минцем и проф. Разгоном были тесно связаны Городецкий, Верховень и др. Эти люди восхваляли акад. Минца, охраняли его от критики, а акад. Минц, в свою очередь, незаслуженно популяризировал их как историков.

В буржуазном космополитизме повинен и Н. Л. Рубинштейн. Наиболее последовательно свои буржуазно-космополитические взгляды он проводит в своих работах «Русская историография» и в статье в Большой Советской энциклопедии.

Н. Л. Рубинштейн пишет, что историческая наука в России не существовала как самостоятельная наука. Основоположниками исторической науки в России он считает немцев: Миллера, Байера, Шлецера и др. Н. Л. Рубинштейн принижает русскую культуру, заявляя, что она плелась в хвосте восточной и западноевропейской. Он принижает марксистскую историческую науку перед буржуазной. Так, он поднимает на щит буржуазного историка Павлова-Сильванского с его типично буржуазной концепцией русского феодализма, идеалистически рассматривающего феодализм лишь с точки зрения второстепенных признаков, как систему политической организации.

В области древней и средневековой истории проводниками буржуазного космополитизма являются профессора Лурье и Вайнштейн (Ленинград). О. Л. Вайнштейн открыто проповедует идеологию буржуазного космополитизма. Характерным в этом отношении является его учебник «Историография средних

веков», изданный Государственным социально-экономическим издательством в 1940 году. Этот учебник представляет собой пасквиль на русскую историческую науку, будто бы рабски следовавшую за иностранными историками. Эта книжонка является также пасквилом на советскую историческую науку, представленную будто бы в первую очередь трудами самого Вайнштейна. Русскую медиэвистику О. Л. Вайнштейн рассматривает как продукт влияния Запада, основоположниками ее он считает немца Шлецера. Русского историка Грановского он представил как романтика, поклонника Гегеля, Гизо, Шлецера, Ранке и других позитивистов. Русского историка Кудрявцева он рассматривает как поклонника итальянских романтиков, а одного из членов ЦК кадетской партии, буржуа-либерала Лучицкого, – чуть ли не марксистом. Его книжка представляет собой образец пренебрежительного отношения со стороны безродного космополита к истории нашей Родины.

В области новейшей истории апологетом американского империализма выступал проф. Лан, воспроизводящий в своей последней книге, «США в период от первой до второй мировой войны», реакционную стряпню американской прессы. Он идеализирует государственных деятелей Америки и преподносит читателю апологетику хищнической, агрессивной политики США, проповедуя низкопоклонство перед американской политикой. С буржуазных, по существу, позиций вместо марксистско-ленинского анализа экспансионистской политики американского империализма освещает исторические события и политических деятелей проф. Зубок в своих работах по истории США. Он дает извращенное толкование так называемого «нового курса» Франклина Рузвельта, Так, в курсе лекций по новейшей истории, изданных в 1948 г., проф. Зубок утверждает, что в 1935 г. «...общее положение безработных все же несколько улучшилось»: Кодексы «честной конкуренции», введенные Рузвельтом для укрепления позиций господствующего класса капиталистов, он также оценивает только с положительной стороны. Проф. Зубок совершенно умалчивает о том, что все эти попытки «разрешить» проблему установления «сотрудничества классов» Рузвельт делал под сильным давлением народных масс, охраняя при этом интересы монополистического капитала. Затумашивает он также и колониальный характер деятельности американских империалистов в странах Карибского бассейна. Проф. Зубок повторяет вслед за буржуазными историками, что взаимоотношения США со странами Карибского бассейна строятся на признании за ними «суверенных» прав: он пытается доказать, что Рузвельт якобы искал тесного сотрудничества со странами Латинской Америки. С позиций буржуазного объективизма проф. Зубок берет под защиту изменника делу марксизма-ленинизма оппортуниста Браудера.

В качестве апологета американского империализма выступал и проф. Г. А. Деборин. В своем стремлении обелить внешнюю политику США накануне и во время второй мировой войны Деборин фальсифицирует исторические факты. В своих работах, посвященных истории международных отношений новейшего времени, он пытается доказать, что политика США на Дальнем Востоке накануне войны ничего якобы общего не имела с английской политикой «умиротворения» Японии, и изображает США в качестве «одинокого» борца против японской агрессии, замалчивая факт соучастия правительства США в подготовке Мюнхена.

Проф. Деборин сочиняет легенду о том, что правительства США и Англии в августе 1941 г. отвергли империалистическую политику и намеревались «осчастливить» человечество документом, гарантирующим всем народам «справедливый, демократический мир». Он изощряется в объяснении причин задержки правительствами США как «друга» колониальных народов и пытается утверждать, что американские государственные деятели стремились к «демократизации» политической жизни Китая.

Либерально-буржуазную оценку программы лейбористской партии дает проф. И. С. Звавич в лекциях о лейбористской партии Англии «Социализм в наши дни». Говоря о коалиционном правительстве Черчилля в годы Второй мировой войны, он затумашивает гнусную роль лейбористов, которые помогли крупным монополистам переложить тяжесть войны на плечи трудящихся; не показывает антирабочее и антикоммунистическое законодательство, не критикует «реформ», проводимых лейбористским правительством, реформ, которые ведут к установлению государственного монополистического капитализма в Англии.

Отмечались также ошибки, допущенные проф. А. С. Ерусалимским в вопросах внешней политики Германии.

Резкой критике на объединенном заседании кафедр были подвергнуты руководящие научно-исследовательские учреждения, научные институты Академии наук СССР, редакция журнала «Вопросы истории» и работа самих исторических кафедр АОН при ЦК ВКП (б).

В выступлениях указывалось, что все эти учреждения не сделали необходимых выводов из философской дискуссии и постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, не перестроили своей работы, не вели непримиримой борьбы с буржуазным космополитизмом и проявлением буржуазного объективизма, плохо боролись за чистоту марксистско-ленинской науки. Указывалось, что, несмотря на грубейшие политические ошибки, вскрытые в работе Института истории Академии наук СССР и подвергавшиеся критике советской общественностью, дирекция и Учебный совет продолжали примиренчески относиться к проявлениям буржуазного космополитизма и социал-реформизма, представив, например, на Сталинскую премию порочную работу проф. Зубока.

Выступившие на заседании акад. Б. Д. Греков, член-корреспондент Академии наук СССР А. Д. Удальцов, проф. В. М. Хвостов и заведующие историческими кафедрами ДОН при ЦК ВКП(б) признали, что прошедшее обсуждение вопроса о борьбе с буржуазным космополитизмом в исторической науке помогло работникам исторического фронта в разоблачении буржуазных космополитов, подвизавшихся в исторической науке, и подняло политическую бдительность советских историков в борьбе за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения, за чистоту нашей советской исторической науки.

Академик Б. Д. Греков сказал в своем выступлении: «Наш долг ученых-специалистов – бороться с вредными болезнями, где бы они и как бы они не проявлялись: в критических ли статьях, в исследовательских ли работах.

...Наш долг – бороться со всякими попытками умалить значение нашей родной истории. Мы знаем, что у нас есть славная Родина, имеющая свою славную историю, принижать или опошлять которую мы не должны позволять никому».

«Наше собрание, – заявил Б. Д. Греков, – несомненно, сыграет большую роль в серьезной перестройке жизни наших научно-исторических учреждений и послужит новым и мощным толчком в выполнении нашего долга перед страной».

Закрывая заседание, член-корреспондент Академии наук СССР А. Д. Удальцов призвал повысить политическую бдительность и продолжать настойчиво и последовательно до конца выкорчевывать буржуазный космополитизм в исторической науке: «Только в непримиримой борьбе с буржуазным космополитизмом и с другими враждебными, антимарксистскими, антиленинскими, антипатриотическими извращениями сумеем мы, работники исторического фронта, выполнить свою задачу перед нашим великим народом, перед нашей партией, перед горячо любимым товарищем Сталиным.

Вопросы истории. 1949. № 2. С. 151–153.

Документ № 9. Н. С. Хрущев: «Проявили русский национализм». Из воспоминаний

[...] «После войны мы постепенно как бы возвращались к мясорубке 1937 г., к методам тогдашней «работы».

Когда я стал секретарем ЦК ВКП(б) и Московской парторганизации [в декабре 1949], Кузнецов-Ленинградский, как мы его между собой называли, был арестован. Развернулась охота за ленинградцами, ленинградская парторганизация вовсю громила. Сталин, сказав, что мне нужно перейти в Москву, уже сослался тогда на то, что в Ленинграде раскрыт заговор. Он вообще считал, что Ленинград – заговорщический город.

В то время много людей было направлено в Москву из Горьковской области. Председатель Совета Министров Российской Федерации (я сейчас не помню его фамилию) тоже был из Горького [М.В. Родионов]. Думаю, что Жданов, который много лет работал там и знал тамошние кадры, выдвигал их. Хороший был председатель, нравился он мне: молодой, энергичный человек, имел собственные мысли, перспективный. Но тоже был арестован. И не только он, многие были схвачены. Я много лет не работал в Москве и поэтому не знал людей из числа арестованных. Более или менее знал Кузнецова. Очень хорошо знал Вознесенского. Вознесенский не был еще арестован, когда я прибыл в Москву, но уже был смещен с прежних постов. Он ходил без дела и ожидал, чем это кончится, что принесет ему завтрашний день.

Сталин к Вознесенскому раньше относился очень хорошо, питал к нему большое доверие и уважение. Да и к Косыгину, и к Кузнецову, ко всей этой тройке. Тогда считалось, что вот тройка молодых – Вознесенский, Кузнецов и Косыгин. Они идут нам на смену. Сталин стал их продвигать. Кузнецов должен был заменить Маленкова. Вознесенского он сделал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, то есть своим первым заместителем, и поручил ему председательствовать на заседаниях Совмина, Косыгин занимался проблемами легкой промышленности и финансов. Полагаю, что гибель этих людей (без Косыгина) определилась именно тем, что Сталин стал их выдвигать, готовя смену старым кадрам. Прежде всего, значит, замену Берии, Маленкову, Молотову, Микояну. Они у него уже не пользовались тем доверием, как раньше.

Как конкретно удалось сделать подкоп, подорвать доверие к новым людям, натравить Сталина на них, его же выдвиженцев, мне сейчас трудно сказать. Могу только делать выводы из своих наблюдений и отдельных реплик, которые слышал при разговорах между Маленковым и Берией. Кроме того, я видел, как вели себя Маленков и Берия у Сталина, когда заходила речь об этих людях. У меня сложилось впечатление, что как раз Маленков и Берия приложили все усилия, чтобы утопить их. Главным образом тут действовал Берия, а Маленкова он использовал как таран, потому что тот сидел в ЦК партии и ему были доступны вся информация и документы, которые передавались Сталину. Ряд документов преследовал цель направить гнев Сталина против «группы молодых». Все заранее знали, как будет реагировать Сталин.

[...] Какой существовал повод к аресту Кузнецова и других? Я не могу знать всех деталей, но что-то знаю и хочу об этом рассказать. Сейчас многое звучит просто неправдоподобно и даже вызывает удивление, что такие причины могли вызвать гибель людей и целых партийных организаций которые все брались под подозрение. Вот факты. Еще до войны (не помню, в какие годы) в ЦК было создано Бюро по Российской Федерации. Возглавлял это бюро, кажется, Андрей Андреевич Андреев. Не знаю, при каких обстоятельствах, это Бюро перестало существовать, и снова возникло такое положение, что РСФСР не имела своего высшего партийного органа, который разбирал бы текущие вопросы экономики и прочего. Все они были розданы по союзным наркоматам, только некоторые вопросы третьей степени важности рассматривались Совнаркомом РСФСР. Частично из-за этого Российская Федерация и работала значительно хуже, чем другие республики.

Как-то после войны, приехав с Украины, я зашел к Жданову. Тот начал высказывать мне свои соображения:

«Все республики имеют свои ЦК, обсуждают соответствующие вопросы и решают их или ставят перед союзным ЦК и Советом Министров СССР. Они действуют смелее, созывают совещания по внутриреспубликанским вопросам, обсуждают их и мобилизуют людей. В результате жизнь бьет ключом, а это способствует развитию экономики, культуры, партийной работы. Российская же Федерация не имеет практически выхода к своим областям, каждая область варится в собственном соку. О том, чтобы собраться на какое-то совещание внутри РСФСР, не может быть и речи. Да и органа такого нет, который собрал бы партийное совещание в рамках республики». Я с ним согласился:

«Верно. Российская Федерация поставлена в неравные условия, и ее интересы от этого страдают».

«Я, – продолжал Жданов, – думаю над этим вопросом. Может быть, надо вернуться к старому, создав Бюро по Российской Федерации? Мне кажется, это приведет к налаживанию партийной работы в РСФСР». Говорю: «Считаю, что это было бы полезно. Даже при Ленине внутри СССР не было ЦК партии по РСФСР. Это и правильно, потому, что если бы у Российской Федерации имелся какой-то выбранный центральный парторган, как у других республик, то могло возникнуть противопоставление. Российская Федерация слишком мощна по количеству населения, промышленности, сельскому хозяйству. К тому же в Москве находились бы сразу два Центральных Комитета: один межреспубликанский, а другой – для РСФСР. Ленин на это не пошел. Видимо, он не хотел создать двоецентрие, не хотел столкнуть такие центры, а стремился к монолитности политического и партийного руководства. Так что ЦК для РСФСР не нужен, лучше иметь Бюро». «Да, – говорит Жданов, – видимо, целесообразнее создать такое Бюро».

Жданов перед своим отъездом на Валдай, где он отдыхал и лечился, позвонил мне в Киев: «Вы были в Москве, но я с вами не успел поговорить. У меня имеется важный вопрос. Теперь я уезжаю, поговорим тогда, когда вернусь с Валдая». Я пожелал ему всего хорошего. А в скором времени получил известие о том, что Жданов умер. Таким образом, то, о чем он хотел поговорить, осталось для меня загадкой. Он мне в Киев звонил редко, как и я ему из Киева. У нас более всего возникало кадровых вопросов или по сельскому хозяйству. Телефонный перезвон с Москвой у меня существовал, но не с Ждановым, а с Маленковым. А теперь обвинили «группу Кузнецова» в Ленинграде, будто там проявили «русский национализм» и противопоставили себя общесоюзному ЦК. Что-то в этом духе, точно не помню, а документов я не видел. Почему же у меня сложилось такое впечатление? Я слышал соответствующие разговоры между Маленковым и Берией, а иной раз и у Сталина. Сталин задавал какие-то вопросы Маленкову, и их разговор вертелся вокруг этого.

У меня же как-то с Маленковым возник следующий разговор. Я тогда разрабатывал вопрос о том, чтобы создать на Украине республиканские министерства угольной промышленности и металлургической промышленности. А за отправное брал реалии ленинского периода. Когда Ленин еще был жив, то после гражданской войны на Украине был создан Комитет по каменноугольной промышленности.

[...] Уголь в те годы главным образом добывали в Донбассе. Наверное, процентов 80 занимала донбасская доля в общей добыче советского угля. Я считаю, что и сейчас надо бы создать на Украине объединенное правление по углю, вернувшись к тому, что было при Ленине и сразу после Ленина.

[...] Вот и хотел я в конце 40-х годов создать кое-что украинское по углю, металлу и железнодорожному транспорту. Поехал в Москву и прежде, чем свои документы подписать и отдать Сталину, решил посоветоваться с Маленковым. Вижу, Маленков на меня странно смотрит, и глаза у него на лоб лезут: «Что ты делаешь? Да ты что?». «А что?». «Спрячь свои документы и никому больше о них не говори. Ты знаешь, что сейчас в Ленинграде происходит то-то и то-то? А основным обвинением приписали ленинградцам, что они проявляют самостийность: самовольно собрали в Ленинграде ярмарку и распродавали залежалые товары». Но я не увидел в том никакого преступления и никакого проявления русского национализма. Мы то же самое делали у себя в Киеве. У нас имелась ярмарка, где продавались залежалые товары, которые в магазинах уже не находили покупателей, а здесь шли с уценкой, со скидкой. Существовал завал всяческой дряни, которую бесконтрольно производил кое-кто после войны. От нее избавлялись. И вот это безобидное и полезное дело было,

видимо, в соответствующей форме преподнесено Сталину, с политической окраской.

А кто же это сделал? Конечно, Берия и Маленков. Сталину вообще немного было нужно при его болезненной подозрительности. Начал разматываться клубок. Уж не знаю, как конкретно он разматывался, но размотался, что называется, до сердцевины. И оказалось необходимым, с точки зрения Сталина, пресечь «враждебную акцию», для чего арестовать прежде всего Кузнецова и Председателя Совета Министров Российской Федерации (вспомнил его фамилию – Родионов). Они к тому же поставили вопрос о создании каких-то республиканских органов, которые якобы должны были работать, не подчиняясь союзным органам. Одним словом, им вменили в вину противопоставление периферии центру.

Начались аресты. Арестовали массу людей в Ленинграде, а также тех, кого ЦК брал из Ленинграда, выдвигая на посты в других местах. Например, в Крыму тогда руководство было создано из ленинградцев, и там тоже всех арестовали. Вознесенского освободили от всех его должностей, ибо он тоже ленинградец. В общем, раскрыли «кубл», как говорят в народе, то есть звериное логово. Выдумали ленинградское заговорщическое гнездо, которое, дескать, преследовало какие-то антисоветские цели. Опять возникло в стране трагическое положение, да и в партии. Эта зараза репрессий легко могла охватить кого угодно [...]

Вопросы истории. 1991. № 11. С. 45.

Документ № 10. Из обсуждения повести Ю. Трифонова «Студенты» в МГПИ им. В. И. Ленина

Январь 1951 г.

Г. Мелехина (студентка IV курса факультета языка и литературы).

[...] Автор задался целью нарисовать образ советского студента, раскрыть, борьбу старого и нового в нашем сознании, показать торжество коммунистической морали.

Мы считаем, что Ю. Трифонову удалось решить основную проблему своего произведения – раскрыть благородный облик советского студенчества, осудить проявление индивидуализма и мещанства. [...]

Ю. Трифонов правильно разрешает вопрос о взаимоотношении личного и общественного. Галустян говорит, что коллектив обязательно должен вмешиваться в личные дела, потому что личное и общественное у нас составляет одно целое. [...]

М. Шахунова (студентка II курса факультета языка и литературы).

Ю. Трифонов в своем произведении решает большую и важную проблему – он как бы говорит нам о необходимости усилить борьбу с пережитками капитализма в сознании молодежи.

[...] В повести хорошо показана роль семьи в воспитании советского человека. Отец Лены Медовской – заслуженный работник, передовой человек. Но мать – типичная мещанка с ограниченными интересами. Она-то и повинна в том, что Леночка растет «барынькой, не думает ни о чем, кроме своих личных интересов.

Мать Палавина тоже не передовая женщина. Собственно говоря, Сергей рос в ненормальной семье, она распалась. Это не могло не повлиять на Сергея. В своей будущей педагогической работе мы должны учитывать, какое большое значение имеет семья для воспитания советского человека в коммунистическом духе.

Мне хочется отметить поэтические места повести. Мне очень понравилось место, где речь идет о Сталине, провожающем людей и в бой, и в будущую жизнь. [...]

Л. Маляцкий (студент III курса географического факультета).

Я выступаю по поручению целого коллектива – третьего курса географического факультета.

Всем нам повесть Ю. Трифонова понравилась. Это одна из лучших повестей о студенческой жизни.

Но, как и большинство моих товарищей, я не совсем удовлетворен образом Вадима. В его поведении есть ряд противоречий, пусть и не очень резких, но недостойных положительного героя. Его отношение к Леночке нельзя назвать целиком правильным. Если Вадим понял, что она, как член коллектива, – далекий для него человек, он должен был не просто отойти от нее, а попытаться повлиять на нее, перевоспитать при помощи коллектива, как он это сделал в отношении к Сергею Палавину. [...]. В жизни у нас комсомольцы более принципиальны в борьбе с недостатками, чем Вадим. [...]

Б. Шульга (студент IV курса факультета языка и литературы).

Несмотря на отдельные недостатки повести, автор сумел в ней правильно показать студенческую жизнь, изобразить характерные для этой жизни явления. Главный герой в повести Ю. Трифонова – это коллектив, который перевоспитывает людей. Основная черта студенческого коллектива – единство цели. Этой чертой определяется подлинная комсомольская принципиальность, крепкая дружба и широта интересов студентов. [...]

В повести хорошо раскрывается значение борьбы с пережитками прошлого в сознании людей. В этом смысле представляет интерес образ профессора Козельского

Мне кажется, что Козельский выведен для того, чтобы подчеркнуть, что формализм и преклонение перед иностранщиной взаимно связаны. [...]

Итоги диспута подвел доцент **В. Новиков:**

Прения, которые развернулись после выступления тов. Мелехиной, показывают, что мы имеем дело с новым явлением в советской литературе.

[...] Повесть Ю. Трифонова «Студенты» разрабатывает тему воспитания в послевоенной литературе. Ю. Трифонову удалось в своем произведении передать самую атмосферу студенческой жизни, обстановку учебы, особенности взаимоотношений студенческого коллектива. Изображено это в запоминающихся картинах и образах. Борьба с пережитками капитализма в сознании студенчества, борьба за коммунистическую нравственность, составляющая основу повести, – не просто публицистически декларирована, а художественно выражена в образах, имеющих конкретную форму. Оценив высоко повесть Ю. Трифонова, мы в то же время обязаны обратить его внимание на недостатки, которые имеются в произведении.

Жизнь педагогического института значительно богаче, многообразнее, идейно выше и ярче, что это изображено в повести.

Мы ждем от писателей произведений, в которых вузовская жизнь была бы представлена во всем многообразии. Мы хотим, чтобы писатели нам нарисовали такой образ студента, который воплощал бы в себе характерные черты нового человека периода перехода от социализма к коммунизму и был бы героем нашего времени. [...]

В заключение диспута выступил **Ю. Трифонов:**

Сегодняшнее обсуждение доставило мне большое удовлетворение и принесло большую пользу. [...]

Есть ли прототипы героев моей повести? Прототипов, абсолютно похожих на Лену, на Палавина, на Козельского, нет, но я встречал людей, очень похожих на них. Я наблюдал их в жизни, изучал их. Таким образом складывались характеры моих героев.

Насколько они оказались типичными, пусть, судит читатель. Ваше мнение в этом отношении имеет решающее значение.

Я учился на последнем курсе, когда из нашего института были изгнаны несколько профессоров за проповедь формализма и космополитизма. Они во многом послужили мне основой для создания образа Козельского. Однако, увлекшись обрисовкой Козельского, я мало уделил внимания положительному образу профессора Кречетова, который дан у меня бегло. Это мое упущение. Упрек, который мне здесь делается в этом отношении, справедлив, и я его должен принять. [...]

Я не ставил себе задачей отразить во всей полноте Студенческую жизнь. Я нацелился на одну моральную проблему и попытался ее решить. В заключении мне хочется поблагодарить выступавших товарищей и аудиторию за очень интересное, много давшее мне обсуждение.

Документ № 11. «Арест группы врачей-вредителей». Сообщение ТАСС

13 января 1953 г.

Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. / В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М. С., врач-терапевт; профессор Виноградов В. Н., врач-терапевт; профессор Коган М. Б., врач-терапевт; профессор Коган Б. Б., врач-терапевт; профессор Егоров П. И., врач-терапевт; профессор Фельдман А. И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я. Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А. М., врач-невропатолог; Майоров Г. И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А. А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А. С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти. Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л. А., маршала Конева И. С., генерала армии Штеменко С. М., адмирала Левченко Г. И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы, и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки. / Большинство участников террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михозэла.

Другие участники террористической группы (Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И.) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время.

Правда. 1953. 13 января

Документ № 12. Доклад председателю ГКО И. Сталину о наличии основных видов материальных ресурсов в государственном резерве

14 ноября 1944 г. (извлечение)¹

Председателю Государственного комитета обороны товарищу Сталину И. В. 14 ноября 1944 г.

Докладываю о наличии основных видов материальных ресурсов в государственном резерве по состоянию на 1 ноября с.г. в сопоставлении с наличием этих ресурсов на начало войны:

	Единица измерения	Наличие к началу войны	Наличие на 1 ноября 1944 г.
Хлебофураж	тыс. тонн	5405	5613
Мясо	-	49	29
Жиры животные	-	14	36
Жиры растительные	-	30	11
Рыба	-	19	39
Консервы (мясные и рыбные)	-	199	154
Сахар	тыс. тонн	366	9,4
Соль	-	563	351
Черные металлы и чугун	-	721	130
Ферросплавы	-	75,1	24,8
Цветные металлы и прокат цветных металлов	-	150	235
Шерсть	-	15	33,6
Авторезина	тыс. комплектов	160	266
Каучук натуральный	тыс. тонн	7,2	7,9
Уголь	-	9143	5042
Нефтепродукты		3720	1052
Дрова		1694	2870

Начальник Главного управления Государственных материальных Резервов при Совнаркомом СССР (М. Данченко)

Сведения о поступлении государству хлебного зерна, круп, риса и бобовых культур в 1941–1945 гг.²

¹ См.: Мировые войны XX века. В 4 книгах. Кн. 4. Изд. второе. Вторая мировая война. Документы и материалы. Руководитель проекта О. А. Ржешевский. Ответственный редактор М. Ю. Мягков. Составитель Ю. А. Никифоров. М.: Наука, 2005. С. 517–518.

² См.: Шагин Э. М. Коллективизация сельского хозяйства СССР и ее роль в обеспечении страны продовольствием в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Основные направления противодействия искажению ключевых проблем отечественной истории. Материалы научной конференции, состоявшейся в Государственном центральном музее современной истории России. 30 марта 2010. М., 2010. С. 174.

Год поступления	Обязательная закупка в тыс. пудах	Закупка в тыс. пудов	Всего в тыс. пудов	Всего в тоннах	Составлена по источнику: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3.
1941	2 117 943	92 503	2 210 446	36 207 105	Ед. хр. 749. Л. 236, 16; Ед. хр. 865. Лл. 67 – 68
1942	1 457 333	20 926	1 478 259	24 582 800	Ед. хр. 865. Лл. 27 – 28
1943	777 400	72 248	849 648	13 917 234	Ед. хр. 979. Л. 2; Ед. хр. 981 (1). Лл. 17 – 18.
1944	776 800	Нет сведений	776 800	12 723 984	Ед. хр. 979. Л. 2.
1945	1 284 976	3 962	1 288 938	21 112 804	Ед. хр. 1108. Лл. 30 – 34.
Итого 1941-1945	6 144 452	219 639	6 604 091	108 543 927	-//-

Сведения о поступлении государству скота (в основном весе) за 1940 – 1945 гг.³

Год поступления	Поступило на приемные пункты Наркомата заготовок СССР скота (живого веса) в тоннах	В % к 1940 г.
1940	1 917 487	100
1941	1 789 659	92,3
1942	1 676 501	87,4
1943	1 710 910	89,2
1944	1 625 954	84,8
1945	1 632 210	85,1
Всего за 1941 – 1945 гг.	8 415 234	

³ См.: Щагин Э. М. Указ. соч. С. 178.

Глава II. Советская политическая система и борьба за власть в высшем партийном руководстве 1945–1982 годах

§ 1. Политическая жизнь СССР в 1953–1964 годах: обретения и потери

После смерти И. В. Сталина формально власть перешла к так называемому «коллективному руководству». За этим стояло усиление позиций ближайших к Сталину политиков. Ими были удалены все те молодые кадры, которых Сталин ввел в состав высшего руководства на XIX съезде КПСС, а так же распределены роли между собой. Первые недели после установления коллективного руководства наиболее сильные позиции занимал Берия. Он, видимо понимал, что его неблагоприятный имидж не позволит официально стать лидером страны. Но он вполне мог играть роль своеобразного «серого кардинала»: влиять на расстановку кадров, определять проводимый правительством курс. В прошлом мероприятия, проводимые Берией, трактовались сугубо негативно. В последние годы отечественные и зарубежные историки иногда видят в них истоки нынешних радикальных реформ. Первым, с чего начал Берия, были попытки развенчать культ личности Сталина. К. Симонов вспоминал, как его и других представителей интеллигенции по инициативе Берии знакомили с документами, изобличающими преступления Сталина, незаконно репрессировавшего советских граждан. Имя Сталина, которого Берия в разговорах открыто называл «тираном» фактически исчезает с газетных полос. А 9 мая 1953 г. по инициативе Берии Политбюро приняло решение не украшать в дни праздников колонны демонстраций и здания портретами вождей.

Процесс реформирования сталинской системы, начатый Берией, не ограничился символическими шагами. Из тюрем и опалы им был возвращен в большую политику целый круг людей, с которыми он работал в прошлые годы. Назначенные на ключевые должности в управленческом и правоохранительном аппарате, они способствовали проведению дальнейших реформ. Серьезные изменения произошли в правоохранительных органах. Так, из подчинения МВД удалось передать в ведение Минюста систему лагерей, что соответствовало практике цивилизованных стран. Перестройка коснулась внешней разведки. В целях нормализации отношений с другими странами в Москву было отозвано без замены около половины работников заграничных резидентур. Берия провел департизацию карательных органов – они были выведены из-под контроля и подчинения партии. Началось массовое увольнение сотрудников МВД, направленных туда из партаппарата. Аналогичную политику Берия проводил и в отношении всей системы управления, поскольку был против вмешательства партии в политические вопросы, соглашаясь оставить за ней только сферу идеологии. В конце марта Берия обратился в Президиум ЦК КПСС с предложением провести широкомасштабную амнистию. Из общего числа заключенных в 2,5 млн находившихся в местах лишения свободы она затронула примерно половину – 1,2 млн человек. В основном это были уголовники, что вызвало небывалый всплеск преступности. Позже ситуацию с ростом преступности станут называть «холодным летом 1953». Вместе с тем на свободу начинают выходить и политические заключенные. По инициативе Берии было прекращено «мингрельское дело», «дело врачей» и другие громкие дела.

Крупные инициативы принадлежат Берии в решении национального вопроса. 26 мая 1953 г. по его инициативе Президиум ЦК КПСС принимает два постановления. Первое касалось межнациональных отношений в Западной Украине, другое – положения дел в Литве. Несколько позже, 12 июня аналогичное постановление будет принято по Белоруссии. В этих документах с невиданной до того времени прямотой признавались допущенные при Сталине нарушения прав жителей присоединенных перед войной к СССР территорий. Прежняя практика русификации и репрессий против коренного населения осуждалась. По рекомендации Берии было решено отстранить присланных в эти районы русских партийных и государственных работников, заменить их национальными кадрами, наладить взаимопонимание с местной интеллигенцией. Был смещен первый секретарь ЦК КП Украины Л. Г. Мельников, такая же судьба готовилась и для первого секретаря ЦК КП Белоруссии Н. С. Патоличева. Все это оживило националистические силы в республиках. В некоторых из

них, например, в Литве, всерьез заговорили о возможности выхода из СССР и присоединения к Америке, а так же высылке из республики всех русских и коммунистов.

Основательные подвижки по инициативе Берии произошли так же во внешней политике СССР. В частности, Берия требовал отказаться от строительства социализма в ГДР. Он полагал более целесообразным объединение Германии в единое государство с буржуазно-демократическим устройством. Берия продумывал планы нормализации отношений с Югославией, но осуществить их ему не удалось. При Берии было прекращено глушение западных радиостанций, вещавших на СССР. Вся эта деятельность внушала опасения прочим членам коллективного руководства. Некоторые опасались еще большего усиления Берии, другие считали его деятельность вредной для государственной безопасности. Вокруг Маленкова и Хрущева сплотились остальные недовольные, включая высшее руководство армии. Наиболее распространенная версия о конце карьеры Берии во всех своих вариантах утверждает, что он был арестован прямо на заседании Президиума ЦК КПСС. В аресте Берии приняли участие замминистра обороны Г. К. Жуков, К. Москаленко и другие высшие генералы и офицеры. После этого по его делу прошло короткое следствие, и он был расстрелян. Но есть и другие версии, согласно которым Берия был расстрелян сразу же после ареста, или даже вообще до начала заседания Президиума, а уже все последующие события, связанные с официальной версией заключения Берия под стражу и судом над ним являются не более, чем фальсификацией.

После устранения Берии, на первую позицию в руководстве партии выдвинулся Г. Маленков. Маленков в целом поддерживал проводимый Берией курс на преодоление культа личности Сталина, но был сторонником более мягких мер. Первостепенное внимание в этой связи он уделял перестройке пропаганды. Так же начинается некоторая либерализация системы управления. Но в целом Маленкову нужно было считаться с настроениями в обществе, с ожиданием со стороны людей стабильности, поэтому ему приходилось действовать как «наследнику Сталина». В то же время Маленков продвинулся дальше, нежели Берия, в деле реформирования органов безопасности. Он отменил все чрезвычайные внесудебные органы, продолжил процесс реабилитации. В частности, было пересмотрено «ленинградское дело», при этом, правда, нигде официально не упоминалась роль самого Маленкова в его раскручивании. Прежде всесильное министерство государственной безопасности вновь было поставлено под контроль партии, сужены его права, а в 1954 г. оно было преобразовано в Комитет государственной безопасности при Совмине СССР.

Двойственной была и экономическая политика Маленкова. С одной стороны, он продолжал приводить некоторые особо популярные мероприятия сталинского времени. При нем, в частности, было осуществлено последнее снижение цен, чего после смещения Маленкова больше никогда не проводилось. С другой стороны, были начаты некоторые экономические преобразования. Реформаторские подходы к народному хозяйству были сформулированы Маленковым в августе 1953 г. в его речи на сессии Верховного Совета СССР. В ней впервые за многие годы официально предусматривалось приоритетное развитие легкой промышленности, производство товаров народного потребления. Социальная переориентация экономики сопровождалась вводом в эксплуатацию нового жилья, повышением зарплаты. Улучшилась жизнь сельчан, поскольку Маленков пошел на беспрецедентное повышение закупочных цен на сельхозпродукцию. Началось освоение целины, еще не принявшее экономически невыгодных форм.

Однако период, когда Маленков оставался главой правительства, был недолог. Маленков в целом продолжил начатый Сталиным еще до войны и поддержанный Берией процесс постепенного перераспределения властных полномочий в пользу государственного аппарата в ущерб аппарату компартии. Это решительно не устраивало многих советских политических деятелей, привыкших связывать свое собственное будущее с партийной карьерой. Выразителем таких настроений становится Н. Хрущев, который после смещения Берии, не только формально, но и официально станет лидером партаппарата, заняв пост Первого секретаря ЦК КПСС.

В своей атаке на Маленкова Хрущев умело пользовался малейшими слабостями и ошибками своего соперника. Поддавшись давлению со стороны Хрущева, Маленков принял

активное участие в устранении своего важнейшего союзника – Берии. Не сумел Маленков в должной мере заручиться поддержкой проводимой им политики в среде партаппарата. Совершенно иначе вел себя в этот период Хрущев. Важнейшим орудием борьбы против Маленкова Хрущеву удалось сделать развернувшуюся в те месяцы широкую пропагандистскую компанию критики и самокритики, которая проводилась под флагом борьбы с бюрократизмом. Эта политика была закреплена двумя постановлениями ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе государственного аппарата» (январь 1954) и «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств и мерах по улучшению работы государственного аппарата» (октябрь 1954). Как можно судить уже из названий документов, под ударом критики оказался государственный аппарат. Партия не только оказалась вне критики, но и возглавила работу по «разоблачению бюрократических извращений» в работе центральных хозяйственных и советских органов. Конечной целью компании стало смещение Маленкова за порочный стиль руководства и бюрократизм. Судьба Предсовмина решилась на январском 1955 г. Пленуме ЦК КПСС. На нем со стороны Хрущева в адрес Маленкова прозвучали обвинения уже не только в бюрократизме, но и в оппортунизме. Разгрому подверглись его инициативы во внешней политике и начинания в области экономики. А в феврале 1955 г. Маленков был отправлен в отставку. На его место был назначен Н. Булганин, а в 1958 г. – сам Хрущев.

Для того чтобы упрочить свои позиции, Хрущеву требовались нестандартные, масштабные политические инициативы. И Хрущев пошел на них. Переломным событием в плане борьбы за власть становится XX съезд партии. На нем были одобрены директивы по шестому пятилетнему плану, приняты изменения в уставе партии. Важнейшим результатом съезда стали изменения внешнеполитической доктрины СССР, которые были направлены в сторону либерализации. Было выдвинуто важное теоретическое положение, согласно которому в условиях ядерного противостояния единственной формой взаимоотношений государств с различным общественным строем должно стать их мирное сосуществование.

Но наиболее глубокие последствия, все же, имело выступление Хрущева с разоблачениями культа личности Сталина. Общество раскололось на сторонников курса «десталинизации» и его оппонентов: с протестами и требованием разъяснений выступали не только партийные и государственные работники, но и рабочие многих предприятий, жители целых городов. Масштабный раскол произошел и в международном коммунистическом движении. Партии, выступавшие за более решительное преодоление сталинизма, становились на платформу так называемого «еврокоммунизма». Партии, недовольные критикой Сталина, начали ориентироваться на Китай. Коммунистическое движение так никогда и не залечило последствия начатых Хрущевым масштабных преобразований. Зато партноменклатуре в результате инициативы Хрущева удалось окончательно дискредитировать Сталина и проводимую им политику, в том числе особенно тревожащий партаппарат курс на департизацию государственной власти в стране. Разоблачение культа личности Сталина, призывы реанимировать дело Ленина, вернуться к идеалам Октября, безусловно, были ориентированы на возрождение романтических традиций прошлого, а заодно и на укрепление роли партии не только в государстве, но и в обществе в целом.

Последний раунд политической борьбы за сталинское наследие приходится на первые месяцы после XX съезда. Группа высших советских руководителей обвинила Хрущева в действиях, способных разрушить партию и государство. В эту группу входили такие разноплановые политики, как Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин, Шепилов, Первухин. В июне 1957 г. на заседании Президиума ЦК Молотов и Маленков неожиданно потребовали отставки Хрущева и оказались поддержаны большинством Президиума. Однако Хрущев отказался подчиняться. Опираясь на армию, в частности на Жукова, и на КГБ, Хрущев в экстренном порядке собрал Пленум ЦК партии. В состав ЦК входили не самостоятельные политики, как это имело место в его Президиуме, а назначенцы Хрущева, заведовавшего кадровыми вопросами. Закономерным итогом Пленума стал разгром «антипартийной группы» и гонения, начатые на ее членов.

В период борьбы с Берией и «антипартийной группой» Хрущеву неоднократно приходилось обращаться за помощью к армейскому руководству. В результате резко возросло влияние Министра Обороны Г. Жукова. Для окончательного закрепления всевластия

партноменклатуры, Хрущеву необходимо было ослабить своего последнего опасного конкурента. Предлогом для опалы маршала послужило его стремление ослабить контроль над армией со стороны КПСС: во многих воинских частях по указанию Жукова активно ликвидировались политорганы, резко сокращалось количество политработников. Командному составу армии запрещалось напрямую обращаться в ЦК КПСС, минуя Министерство Обороны. Использовалось против Жукова и недовольство отдельных представителей командного состава вооруженных сил его крутыми мерами по повышению боеготовности войск. Реакция на предпринимаемые руководством армии меры не заставила себя ждать. Во время отсутствия Жукова в Москве, маршал был обвинен в насаждении своего культа личности, незаслуженном преувеличении своей роли в годы Великой Отечественной войны, нелояльности в отношении к деятельности политорганов в войсках и смещен со своего поста.

Время правления Н. С. Хрущева было ознаменовано еще более масштабными реформами политических институтов советской цивилизации, чем при Берии и Маленкове. В сфере перестройки государственного аппарата реформы продолжали линию XX съезда. В силу этого общий курс реформ представлял собой причудливую смесь либерализма и «красного», партийного ультралевого фундаментализма.

Этот период нашей истории характерен тем, что перестройки государственного аппарата происходили фактически непрерывно, приобрели перманентный характер. Причины этих перестроек были неоднозначными. С одной стороны, они обуславливались стремлением придать больший динамизм системе управления. Эта политика проводилась под идеологические заявления о десталинизации и демократизации советского общества. Однако, с другой стороны, далеко не все осуществлявшиеся меры соответствовали вышеназванной цели, а представляли собой оторванные от реальной жизни, непродуманные проекты, не выдерживавшие даже кратковременного испытания практикой.

Наиболее веские доказательства стремления новых советских руководителей к демократизации государственной жизни, как считалось, нашли выражение в мерах, направленных на дальнейшее повышение роли Советов, активизацию их деятельности, упрочение связей с народными массами. Это было необходимо потому, что, как отмечалось на XX съезде КПСС, в работе Советов имелись серьезные недостатки – нарушался принцип коллегиальности, сессии Советов созывались нерегулярно с нарушением сроков, установленных Конституцией СССР, депутаты не всегда отчитывались перед избирателями в своей работе. В январе 1957 г. ЦК КПСС принял постановление «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами».

В постановлении определялись задачи Советов: значительное улучшение организационно-массовой работы и дальнейшее укрепление связи Советов с населением, всемерное вовлечение трудящихся в работу комиссий, массовых самодеятельных организаций. В качестве мер по совершенствованию советского аппарата предусматривались решительная борьба с проявлениями бюрократизма и волокиты, невнимательного отношения к нуждам населения, усиление роли Советов в хозяйственном и культурном строительстве, обеспечении общественного порядка и прав граждан, соблюдении законности.

Надо сказать, что в результате принятых мер деятельность Советов оживилась: регулярно стали созываться сессии, на которых обсуждались и решались вопросы развития хозяйства и культуры, активизировалась деятельность постоянных комиссий Советов, теснее стали связи Советов с населением. Развивалась правовая база деятельности Советов. В 1957–1960 гг. в союзных республиках были приняты новые Положения о местных (сельских и районных) Советах депутатов трудящихся, в которых регламентировались их права и обязанности, порядок деятельности.

Вместе с тем начиная со второй половины 50-х годов стали осуществляться мероприятия, которые внешне носили демократический характер, а по сути, являлись показными, декларативными, не оказавшими реального воздействия на практику или носившими деструктивный характер.

Особое место в хрущевских реформах занимает курс на децентрализацию хозяйственного аппарата. В русле этой политики в 1957 г. принимается решение о замене отраслевого принципа руководства экономикой территориальным. Упразднились некоторые общесоюзные и

союзно-республиканские министерства, ведавшие вопросами развития промышленности и строительства. Вместо них специально принятым законом от 10 мая 1957 г. «О дельнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» создается система Советов народного хозяйства. В русле этой реформы вся страна разделялась на 105 административно-экономических районов. В каждом из них Совет Министров союзной республики создавал свой местный совнархоз. В ведение этого органа передавалось руководство всеми предприятиями и стройками на подконтрольной ему территории.

Декларировалось, что создание совнархозов позволит приблизить управление к производству, разрушить ведомственные перегородки, усилить кооперацию, поднять экономический уровень регионов. Но эти ожидания оправдались не в полной мере. После краткосрочного положительного эффекта стали сказываться заложенные в реформе противоречия. В конечном итоге реформа привела к усилению региональной бюрократии, росту местного хозяйственного сепаратизма и неуправляемости народнохозяйственного комплекса страны в целом.

В экстренном порядке принимаются меры, направленные на устранение образовавшихся перекосов. Так, с целью координации деятельности местных совнархозов, в центре создаются специальные государственные производственные комитеты, но лишённые связей с производством они быстро превратились в бесполезную бюрократическую надстройку. В последующие годы над республиканскими совнархозами был образован сначала Совет народного хозяйства (СНХ) СССР, а затем Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР. В результате механизм управления экономикой только усложнился, его эффективность продолжала стремительно падать.

Та же политика коснулась не только хозяйственных ведомств, но и других жизненно важных систем управления единым государственным организмом. Демократизация их устройства шла через фактическую децентрализацию. Так, в марте 1954 г. из МВД СССР был выделен и образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. В 1956 г. было ликвидировано союзное Министерство юстиции, а в 1960 г. – союзное Министерство внутренних дел. Усложнилась координация работы республиканских органов охраны общественного порядка, оказались ослабленными межреспубликанский обмен опытом борьбы с преступностью, а также использование в этой борьбе достижений науки и техники.

Реорганизации проводились и в дальнейшем. В октябре 1956 г. управления Министерства внутренних дел и управления милиции в областях и краях были реорганизованы в единые управления внутренних дел исполнительных комитетов областных (краевых) Советов депутатов трудящихся. Органы милиции в районах, городах и рабочих поселках были преобразованы в отделы исполкомов районных, городских и поселковых Советов депутатов трудящихся. Вместе с изменениями в структуре милиции на местах были осуществлены изменения прав органов милиции в союзных республиках. Начальник управления милиции союзной республики стал одновременно заместителем министра внутренних дел союзной республики и назначался Советом Министров союзной республики.

Восстановление принципа двойного подчинения в организационном построении органов внутренних дел имело цель укрепить их связи с Советами депутатов трудящихся, усилить контроль за их деятельностью. Аналогичную цель преследовало и восстановление в 1957 г. наблюдательных комиссий, которые создавались при исполкомах районных Советов депутатов трудящихся, на территории которых имелись исправительно-трудовые учреждения. Перед наблюдательными комиссиями ставилась задача осуществления постоянного контроля за соблюдением законности в деятельности ИТУ, за приобщением осужденных к общественно полезному труду. Комиссии должны были привлекать общественность к перевоспитанию осужденных, содействовать в трудоустройстве лицам, освобожденным из мест заключения.

Важное значение имело восстановление принципов организации и деятельности прокуратуры, нарушенных в условиях культа личности. 24 мая 1955 г. было принято Положение о прокурорском надзоре в СССР, которым высший надзор за точным исполнением законов всеми государственными органами и учреждениями, отдельными должностными лицами, а также гражданами возлагался на Генерального прокурора СССР. В Положении также говорилось об обязанности всех работников прокуратуры быть принципиальными и

непримиримыми в борьбе за обеспечение строгого соблюдения законности. Прокуратура должна своевременно принимать меры к устранению всяких нарушений законов, от кого бы эти нарушения ни исходили. Существенной реорганизации подверглись органы правосудия. В принятом в феврале 1957 г. Положении пересматривались полномочия и объем деятельности высшего судебного органа страны. Надзорные функции Верховного Суда СССР были сокращены, а полномочия Верховных судов союзных республик расширены.

В конце 50-х годов получила распространение практика передачи некоторых государственных функций общественности. Одной из сфер, где эта практика особенно широко применялась, была сфера охраны общественного порядка. В ноябре 1958 г. в Ленинграде возникли добровольные народные дружины по охране общественного порядка. В целях всемерного развития этой организационной формы ЦК КПСС и Совет Министров СССР 2 марта 1959 г. приняли постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». В соответствии с ним ДНД стали создаваться повсеместно. В 1962 г. в стране насчитывалось более 130 тыс. добровольных народных дружин, объединявших в своем составе более 4 млн человек. Надо сказать, что создание ДНД сыграло определенную положительную роль, позволило привлечь внимание общественности к решению важной задачи охраны общественного порядка. Вместе с тем вольно или невольно принижалось значение того факта, что охрана общественного порядка требует профессионального подхода, определенных профессиональных знаний и навыков, которыми не обладали в должной мере члены добровольных народных дружин.

Особое место в системе государственных органов в рассматриваемый период занимали органы партийно-государственного контроля. По решению ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС был создан единый союзно-республиканский орган – Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В республиках, краях, областях и районах комитеты партийно-государственного контроля утверждались на пленумах соответствующих комитетов КПСС.

На предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, в учреждениях и при домоуправлениях были созданы группы содействия партийно-государственному контролю. Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и его органы были наделены широкими правами. Они могли давать указания руководителям министерств, ведомств, организаций, предприятий,строек, колхозов, совхозов об устранении недостатков и нарушений; заслушивать доклады, требовать объяснения, а также необходимые документы и материалы от руководителей, допускающих бюрократизм, волокиту; приостанавливались незаконченные, могущие нанести ущерб интересам государства распоряжения и действия организаций, учреждений и должностных лиц; привлекать виновных к ответственности, налагать дисциплинарные взыскания, понижать в должности, отстранять от занимаемых постов, производить денежные начеты, а также направлять материалы о злоупотреблениях и иных преступных действиях в органы прокуратуры для привлечения виновных к уголовной ответственности.

В сфере национально-государственного устройства во второй половине 1950 – начале 1960 гг. также намечается комплекс серьезных изменений. Важное значение имели проведенные в рассматриваемый период меры по восстановлению самостоятельных административных образований тех народов, которые лишились ее в период войны с фашистами. По закону, принятому в феврале 1957 г., Кабардинская АССР была преобразована в Кабардино-Балкарскую, была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, Черкесская автономная область преобразована в Карачаево-Черкесскую, образована Калмыцкая автономная область, преобразованная в июле 1958 г. в Калмыцкую АССР. Государственные образования немцев Поволжья, крымских татар восстановлены не были. В рассматриваемый период изменился и состав союзных республик. Так, в 1956 г. была ликвидирована сыгравшая свою историческую роль Карело-Финская ССР. Она была создана в 1940 г., после советско-финской войны (коренные народы составляли здесь лишь 17 % населения). На ее месте была восстановлена ранее существовавшая Карельская АССР.

Восстановлением прав некоторых народов, подвергшихся репрессиям при Сталине и Берии, национальная политика хрущевского времени не ограничивалась. В основе проводимого

в те годы курса в данной сфере, так же как и в других областях государственного строительства, была политика децентрализации управления страной, которая и в данном случае провозглашалась курсом на демократизацию и преодоление сталинского наследия в сфере межнациональных отношений. В частности, в 1950-е годы был осуществлен ряд мер по расширению прав союзных республик и ограничению прав Союзного центра. В 1954–1955 гг. из союзного подчинения в ведение союзных республик было передано свыше 11 тыс. промышленных предприятий. В результате удельный вес предприятий республиканского и местного подчинения повысился с 31 % в 1953 г. до 47 % в 1955 г.

Постановлением Совета Министров СССР от 4 мая 1955 г. был существенно изменен порядок планирования и финансирования хозяйства союзных республик. Советам Министров союзных республик было предоставлено право самостоятельно утверждать планы производства и распределения всех видов промышленной продукции, вырабатываемой предприятиями республиканских министерств и ведомств, промысловой кооперации. В общегосударственном плане развития народного хозяйства объем продукции по этим предприятиям предусматривался в целом по республике.

Расширение бюджетных прав союзных республик выразилось в том, что в государственном бюджете СССР было отменено деление бюджета союзных республик на республиканский и местный. Теперь в общесоюзном бюджете стали указываться лишь суммы расходов по каждой союзной республике в целом. Республиканские органы сами стали распределять средства между республиканскими и местными бюджетами. Эта мера объяснялась необходимостью более полно учитывать местные условия. На практике принятые меры увеличили возможности республиканских элит в плане более свободного маневрирования при распределении бюджетных средств.

Дальнейшие шаги в направлении расширения прав союзных республик были сделаны на основе решений XX съезда КПСС. В этих решениях указывалось на необходимость проведения политики устранения излишней централизации в управлении народным хозяйством. В порядке реализации решений съезда ЦК КПСС и Совет Министров СССР 30 мая 1956 г. приняли постановление о дополнительной передаче в ведение союзных республик 3,5 тыс. предприятий и организаций легкой, текстильной, рыбной промышленности, производства продовольственных товаров, промышленности строительных материалов и некоторых других отраслей народного хозяйства. Такие ключевые отрасли Союзной экономики, как автомобильный транспорт и речной флот были полностью переданы союзным республикам.

В рассматриваемый период были расширены права союзных республик в области законодательства и осуществления правосудия (по сути, следует говорить о восстановлении положения вещей, отмененного Конституцией СССР 1936 года). В феврале 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов». В результате этого устранялась введенная Конституцией СССР 1936 г. необходимая для каждого суверенного государства централизация в области правосудия, гражданского, уголовного и процессуального законодательства. За этим последовало обновление законодательства союзных республик в указанных областях, как отмечалось в советской пропаганде, в направлении большего учета национальных и даже бытовых особенностей.

Тем самым, некоторые из этих шагов предпринимались в обход действовавшего Основного закона 1936 г. и шли в направлении превращения Союза ССР из конституционной в договорную федерацию. Резко усилились сепаратистские тенденции.

Радикализмом и напором отличалась политика Хрущева в деле решения т. н. «русского вопроса». В частности, с еще большим энтузиазмом, нежели это наблюдалось при Берии, проводились мероприятия по дерусификации и коренизации управленческого аппарата национальных республик. Важной чертой хрущевского времени становится насаждение новых, а точнее реанимация прежних, свойственных еще 20-м гг. XX века подходов к церкви и правам верующих.

Антирелигиозные действия властей становятся важным компонентом «оттепели». Уже в 1954 г. под руководством Н. С. Хрущева были приняты два постановления ЦК КПСС, выделявшиеся своей антицерковной направленностью: «О крупнейших недостатках в

научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и «Об ошибках в поведении научно-атеистической пропаганды среди населения». По словам видного церковного деятеля митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна, они недвусмысленно знаменовали собой конец «золотого десятилетия» сотрудничества власти и церкви и возвращали страну на два десятилетия назад, во времена «безбожных пятилеток». Со своих постов изгоняются главные проводники политики сближения церкви и государства при Сталине митрополит Николай и Председатель Совета по делам Русской Православной церкви (СДРПЦ при СНК СССР) Г. Карпов. Идеологическая база под удущение Православия закладывалась и в новую программу КПСС – в коммунистическое завтра церковнослужителям дорога была закрыта, и Хрущев обещал народу, что пройдет всего несколько лет, и «последнего попа» будут показывать по телевизору.

Одним из наиболее показательных шагов хрущевского руководства в области национально-государственной политики становится передача в феврале 1954 года Крымской автономной республики из состава России в состав УССР. Пропагандой тех лет это мероприятие подавалось как своеобразный «подарок» украинскому народу со стороны русского народа в честь 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией. Принятие этого решения сопровождалось грубыми нарушениями существовавшего в то время союзного и республиканского законодательства. Выход Крыма из состава РСФСР обернулся для экономики полуострова тяжелыми последствиями, были разорваны налаженные хозяйственные и административные связи с остальной Россией. Передачи Крыма УССР с последующим отказом восстановить автономию крымских татар показывает придел хрущевского интернационализма и либерализма.

Непоследовательность и произвольный характер национальной политики Хрущева вызывали недовольство широких слоев населения, ситуация грозила обострением национальных противоречий. Столкновения на межнациональной почве отмечались в Русской Прибалтике, Средней Азии, Грузии.

На Северном Кавказе, особенно в районах, куда начался массовый приток ингушского и чеченского населения, органы правопорядка фиксировали резкое обострение криминогенной ситуации. Временами дело доходило до массовых выступлений и межнациональных столкновений. Так, 26–28 августа 1958 г. в столице Чечено-Ингушской АССР городе Грозном имели место крупные волнения русских, чьи права ущемлялись. В результате беспорядков несколько десятков человек разной национальности подверглось насилию. Среди пострадавших оказались заместитель министра внутренних дел республики, секретарь обкома КПСС, работники милиции и другие официальные лица. Массовые беспорядки на почве обострения межнациональных отношений в тот период возникали в Грузии, Прибалтике, некоторых других регионах страны.

Одной из забытых страниц истории страны тех лет, о которой историки начинают говорить только в последнее время, была попытка принятия новой советской Конституции. Никаких серьезных причин к изменениям в основном законе государства не было. Как и многое другое, создание новой Конституции обуславливалось идеологическими мотивами. Проходивший в январе – феврале 1959 г. XXI съезд КПСС сделал вывод о полной и окончательной победе социализма в СССР и начале развернутого строительства коммунизма. Еще более определенно новые аспекты советской доктрины прозвучали на проходившем в октябре 1961 г. XXII съезде КПСС. Этот съезд вошел в историю двумя своими решениями. Во-первых, было постановлено вынести из Мавзолея тело Сталина. Во-вторых, на нем была принята новая Программа партии. В ней провозглашался широко известный тезис о построении к 1980 г. в СССР коммунизма.

Громадные людские и материальные ресурсы нации бросались на удовлетворение амбиций новоявленного лидера. К этому этапу исторического развития приурочивалась подготовка и новой Конституции. Работа над ней велась в 1962–1964 гг. под личным контролем Н. Хрущева. В окончательный вариант проекта, обсужденного летом 1964 г., вошло много идеологических положений, лежавших в основании хрущевской политики. В частности, в нем говорилось о предстоящем слиянии всех форм собственности в единую коммунистическую, о возрастании руководящей и направляющей роли партии, о марксизме-ленинизме как

идеологической основе советского строя. После смещения Хрущева его проект Конституции был отвергнут и работа по созданию новой Конституции велась уже на более прагматических и реалистических основах.

Завершающий виток хрущевских преобразований системы органов власти и управления приходится на 1962–1964 гг. Первоначально реформы этих лет были направлены исключительно на преодоление трудностей в развитии сельского хозяйства за счет усиления контроля над зерновым производством со стороны партийного аппарата. Однако очень скоро начатые реформы выйдут далеко за первоначально предполагавшиеся рамки и захватят в свою орбиту всю сферу социально-экономической жизни. Как указывает ряд современных исследователей, именно реформы 1962–1964 гг. выявили все те неустойчивые и спонтанные подходы, которые были столь свойственны хрущевскому стилю руководства. Сутью проводившихся в этот период изменений в сфере управления становится попытка перестройки советских, партийных, профсоюзных и комсомольских органов по производственному принципу.

Соответствующие решения были приняты Пленумом ЦК КПСС в ноябре 1962 г. Отмечалось, что предпринимаемые меры позволят партии сосредоточиться на главных направлениях развития экономики, повысить управляемость советского хозяйства, приблизить руководителей к жизни и повысить их компетентность. В соответствии с этим было постановлено разделить партийные органы на промышленные и сельские. Соответствующей реорганизации были подвергнуты советские, профсоюзные и комсомольские органы.

После реорганизации структуры управления Хрущев в своих выступлениях неоднократно пытался разъяснять ее преимущества. Однако на практике реформа дала резко отрицательные результаты. Прежде всего возникла неразбериха в системе управления. На одном и том же заводе или фабрике разные общественные организации могли подчиняться разным вышестоящим органам или, наоборот разные руководящие инстанции пытались руководить дирекцией одного и того же предприятия, направляя сверху противоречащие друг другу директивы. Другим пагубным следствием волюнтаристских нововведений становится разрыв взаимосвязей между промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, не случайно уже вскоре после начала реформы промышленные и сельские обкомы, в обход принимаемым в Москве решениям, начинают искать пути и формы координации своей деятельности. Сам факт существования в одной и той же области двух вертикалей власти вел к параллелизму в их деятельности, способствовал ослаблению их авторитета среди населения. Наконец, реформа 1962–1964 гг. привела к резкому росту чиновничества, бюрократизма, волокиты, фактически вдвое увеличились и расходы на аппарат управления, хотя эффективность работы последнего заметно упала.

Что же все-таки во всей этой реформаторской пестроте было наиболее важным и постоянным? Куда вели основные тенденции реформирования политической системы СССР при Хрущеве? Что еще, помимо установления режима собственной единоличной власти было для него приоритетным? Ответ на этот вопрос может показаться парадоксальным, но только на первый взгляд.

Борьба с «культом личности» велась под единственно возможным в стране флагом восстановления ленинских принципов, возвращения к идеям Октября. Для современников тех событий эти слова казались данью официальному ритуалу. Для людей, живущих в наши дни, они вообще кажутся бессмыслицей. Но эти суждения являются поверхностными. На практике вслед за реабилитацией видных партийных деятелей шла реанимация уже полузабытых левацких ультрареволюционных традиций, языка, символов. Вместе с «возвращением к принципам Октября», шло возвращение к рожденным им политическим институтам и методам, реваншу партаппарата, отеснению от власти прагматиков и технократов.

Последние годы пребывания у руководства СССР Н. С. Хрущева отмечены падением поддержки его политики со стороны самых широких слоев советского общества. Партийные и хозяйственные руководители критически относились к шараханьям Хрущева при проведении экономических реформ, неоправданным нововведениями. Негативно оценивались его внешнеполитические шаги, особенно разрыв с Китаем и неспособность отстоять интересы СССР в период Карибского кризиса. Военные понимали непродуманность и популистский

характер предпринятого Хрущевым сокращения армии. Рядовые граждане были недовольны ростом цен. Горожане возмущались пустыми прилавками, а крестьяне – уничтожением приусадебных участков и личного скота. Даже вернейший союзник Хрущева – интеллигенция – после ужесточения культурной политики начала разочаровываться в нем. Вокруг советского лидера образовался опасный вакуум. При внешнем благополучии положение Хрущева становилось шатким как никогда. Слабостью Хрущева не преминули воспользоваться члены его ближайшего окружения, давно опасавшиеся, что субъективизм и метания реформатора подорвут основы советской политической системы. В партийном руководстве сложилось ядро в составе Л. И. Брежнева, А. Н. Шелепина и др. Входившие в него партийные руководители своей целью ставили смещение Хрущева. Лидерство в этой группе многие историки приписывают главному теоретику партии тех лет М. А. Сулову. Активное содействие планам смещения Хрущева оказал председатель КГБ В. Е. Семичастный.

Внешне смещение Хрущева во многом напоминало неудавшуюся попытку отстранения его от власти, предпринятую в 1957 г. членами т. н. «антипартийной группы». Но в отличие от 1957 г., теперь Хрущев не смог опереться на поддержку рядовых членов ЦК КПСС – разочарованные его правлением, они также ждали перемен. Сторонники смещения Хрущева провели с ними широкие предварительные переговоры, заручившись поддержкой. Тот факт, что об этих переговорах не стало известно советскому лидеру, свидетельствует о его полной непопулярности среди партийного руководства высшего и среднего звена.

Полностью уверенный в своей безопасности, осенью 1964 г. Н. С. Хрущев отправился на отдых в Пицунду. Воспользовавшись этим обстоятельством, его противники активизировали свою деятельность. Во время отдыха Хрущева на юге, большинство членов Президиума ЦК КПСС собрались 12 октября 1964 г. на свое совещание. На нем председательствовал Л. И. Брежнев. На следующий день под предлогом неотложной необходимости решения некоторых вопросов сельскохозяйственной политики в Москву был вызван Хрущев. В тот же день состоялось еще одно заседание Президиума, на котором был поставлен вопрос об отставке Хрущева.

Заседание, по воспоминаниям его участников, проходило бурно. Первоначально противники Хрущева предполагали развитие событий по мягкому варианту, по которому Хрущев сохранялся бы на второстепенных руководящих постах. Но Хрущев категорически отказался добровольно подать в отставку. Против отстранения Хрущева высказался так же А. И. Микоян. Возможно, Хрущев рассчитывал на поддержку украинских товарищей и командования Киевского военного округа, а так же на прочность своих позиций в ЦК. Только к утру 14 октября он согласился подписать заранее заготовленный текст заявления о своем добровольном уходе. Заседание Президиума ЦК КПСС завершилось принятием специального постановления, в котором была санкционирована отставка Хрущева со всех постов.

В тот же день, 14 октября 1964 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. Со вступительным словом на нем выступил Л. И. Брежнев. Он рассказал о состоявшемся заседании Президиума ЦК КПСС и о той критике, которой на нем подвергся Хрущев. Далее с конкретизацией обвинений в адрес прежнего лидера выступил М. А. Сулов. На Пленуме состоялось краткое обсуждение проекта постановления с осуждением деятельности Хрущева, которое было единогласно одобрено после внесения в него некоторых дополнений с мест. Полностью принятое Пленумом постановление решено было огласке не придавать. В прессе 16 октября 1964 г. сообщалось только об отставке Хрущева со всех постов по состоянию здоровья. Произошедшие перемены в руководстве не вызвали в обществе каких-либо протестов. Наоборот, многие связывали с отставкой Хрущева и приходом к власти молодых, энергичных лидеров надежды на перемены к лучшему. Опасения высказывали только некоторые представители либеральной интеллигенции. Но и они в целом относились к Хрущеву настороженно. Общество, уставшее от войны и длительной череды частых бессмысленных реорганизаций послевоенного времени, верило в скорую стабилизацию и преодоление внутренних противоречий.

§ 2. Идеология эпохи «консервативного реформирования»

В «хрущевское» десятилетие, из-за нескончаемых сомнительных реорганизаций во всех областях жизни страны, Советский Союз потерял былые высокие темпы своего развития, оказалось растрчено неоправданно много исторического времени. Советская цивилизация, отдававшая все свои ресурсы на алтарь Победы в Великой Отечественной войне, вместо того, чтобы, наконец, получить долгожданную передышку, на рубеже 1950–1960-х гг. вновь оказалась на грани опасного перенапряжения сил. Результатом допущенных системных просчетов становится отставание СССР от стран Запада в геостратегическом соперничестве. Отставание, которое при Хрущеве во многом стало носить качественный, стадийный характер. Обострившиеся проблемы требовали немедленных решений, но инерция предшествующего десятилетия постоянно давала о себе знать...

Накопившаяся усталость советского общества стала серьезнейшим препятствием на пути назревших преобразований, что вело к выработке особого, консервативного типа реформирования, когда новое вводилось с оглядкой на старое, нередко носило лишь косметический характер.

Негласно взятый брежневским руководством курс на поддержание стабильности существующих в СССР экономических, социальных и политических отношений отвечал интересам не только высшего слоя партийной номенклатуры. Он встречал понимание многих ответственных руководителей среднего и низшего звена, соответствовал чаяниям подавляющего большинства населения, уставшего от непродуманных метаний прошлого десятилетия. Общество осознавало невозможность решить стоящие перед ним проблемы путем проведения в «пожарном порядке» всевозможных реорганизаций, резких шараханий из стороны в сторону. Как справедливо показывают некоторые современные авторы, новый стиль управления должен был благотворно сказаться не только на экономике, но и на политическом климате в целом.

Основное содержание взятого курса на стабилизацию советского общества и умеренное «консервативное реформирование» может быть охарактеризовано высказыванием Брежнева: «Мы идем к прогрессу без потрясений». Там, где это удавалось, советские лидеры строго придерживались избранной стратегии.

Другое дело, что сама жизнь подчас требовала от них большей гибкости и решительности в осуществлении задуманного. Кроме того, курс на стабильность не был дополнен развитием демократических механизмов общественной саморегуляции, что никоим образом не способствовало преодолению существовавших противоречий, зато было чревато появлением новых.

Все действия и проекты, которые слишком явно выходили за рамки привычного размеренного уклада жизни, даже если они исходили от высокопоставленных партийно-государственных деятелей, блокировались. Примером может служить реакция на предложения, сформулированные одним из тогдашних секретарей ЦК КПСС Ю. В. Андроповым. Частично они были озвучены в редакционной статье главной партийной газеты «Правда» 6 декабря 1964 г., а так же некоторых других документах, вышедших из-под пера Юрия Владимировича.

По мнению Андропова, следовало смелее внедрять современные методы руководства экономикой, поощрять демократию и самоуправление в общественной жизни. Помимо этого, в сдержанной форме прозвучало предложение об ограничении властных полномочий партии. По его мнению, партийные комитеты должны были заниматься общим политическим руководством, не вмешиваясь в принятие текущих управленческих решений. Некоторые далеко идущие предложения касались внешней политики. В частности, предлагалось продумать пути прекращения ставшей обременительным грузом для советской экономики гонки вооружений, смелее продвигать советские товары на мировой рынок и т. д. В те годы подобная позиция могла восприниматься исключительно в качестве ереси, крамолы и все реформаторские затеи Андропова были зарублены на корню.

Раздражение вызвала также позиция деятеля совсем иного плана, а именно консервативно настроенного руководителя московских коммунистов Н. Г. Егорычева. В период

арабо-израильской войны в июне 1967 г. на Пленуме ЦК он нелестно отозвался о состоянии обороноспособности страны, в частности о системе противоздушной обороны столицы. Некоторыми это было воспринято как подготовка почвы для начала широкомасштабной кампании по критике всего брежневского курса. Так же как и Андропов, Егорычев вскоре был перемещен на «другую должность»...

Избранная политическая линия была особенно опасна в идеологической сфере. Советские лидеры после Сталина и так уделяли не слишком много внимания проблемам идеологии. Пример Хрущева, свысока относившегося ко всякому научному знанию, для его окружения оказался заразительным. Впрочем, Хрущев все же от своих преемников отличался в лучшую сторону. Хотя бы уже тем, что не боялся открыто обозначать идеологическую природу возникавших в руководстве противоречий. Разгром Берии, Маленкова, Молотова, Кагановича и других своих соперников он всегда сопровождал не только «оргвыводами», но и недвусмысленными идеологическими обвинениями. Когда же пришло время самого Хрущева покидать политический Олимп, новое советское руководство ограничилось туманными и неопределенными обвинениями своего прежнего вождя в волюнтаризме, причем обвинения эти касались фактически лишь хрущевского стиля руководства и ничего большего. Между тем политика и взгляды Хрущева должны были без промедления получить принципиальную идеологическую оценку.

Именно такой подход содержался в одном из вариантов доклада на октябрьском 1964 года Пленуме ЦК КПСС, авторство которого иногда приписывают Д. С. Полянскому, но в ходе подготовки пленума этот замысел был похоронен и больше к нему старались не возвращаться. Забыв о своей политико-идеологической функции, партия легко могла превратиться в профсоюз чиновников, главное для которых – не выносить сор из избы, блюсти тишину и собственный покой. Как справедливо отмечает один из наиболее ярких и авторитетных современных историков Ю. В. Емельянов, людям, пришедшим к власти, удобней и привычней было жить без глубокого теоретического осмысления проводившейся в стране политики.

К числу принципиальных ошибок, порожденных стилем «консервативного реформирования» в области идеологии, в первую очередь относятся невнятные попытки новых руководителей КПСС выкрутиться из того нелепого положения, в которое загнал партию Хрущев своими обещаниями скорого построения коммунизма. Заведомо ложные ориентиры больно ударили по социальной сфере, экономике, международному престижу СССР. Сохранение целей коммунистического строительства в тексте партийной программы сулило уже в самом недалеком будущем банкротство всей официальной идеологии, и это притом, что именно ее незыблемость являлась важнейшим условием легитимности существовавшего в стране коммунистического режима. Но и поспешный отказ от провозглашенных целей без объяснения причин столь крутого поворота также не обещал правящему слою ничего позитивного.

Результатом доктринальных поисков тех лет стала выдвинутая Л. И. Брежневым теория построения в СССР «развитого социалистического общества». Видно самого Брежнева или, что скорее, его помощников, вдохновила ленинская фраза 1920 года: выступая перед участниками VII съезда Советов, вождь мирового пролетариата употребил именно такую формулировку – «развитое социалистическое общество». С одной стороны, найденная пропагандистская конструкция позволяла властям отказаться от наиболее одиозных мифологем хрущевского времени, а с другой – стабилизировать положение господствующей идеологии, лишить ее конкретного наполнения, снять с власть предержащих какую-либо ответственность за провалы в экономике и социальной сфере. Но выбранное решение не устраняло болезнь, а загоняло ее вглубь. Предложенный Брежневым компромисс не мог не оказаться лишь временным. На практике теория «развитого социализма» стала удобным прикрытием безволия и безответственности тогдашнего советского руководства.

Самые характерные признаки нового «консервативного реформизма», пути его возвращения в официальной идеологии наиболее зримо проявились в шедшей в СССР всю вторую половину 60-х годов прошлого века борьбе вокруг вопроса: необходимо ли продолжить линию XX съезда либо настала пора восстановить, хотя бы частично, доброе имя Сталина? Советское руководство, как бы к нему не относиться, оказалось воистину в очень незавидном

положении.

Поскольку возможность научного поиска истины Хрущевым была свернута, а остановить начавшийся процесс осмысления прошлого ему было не под силу, то поиски очень скоро приобрели ярко выраженный квазирелигиозный характер. То есть XX съезд не «разоблачил» так называемый «культ личности», а, по сути, придал ему новый импульс. Суждения о Сталине и его времени из области знания сместились в область веры. Официальная советская идеология и прежде мало чем отличалась от некой монотеистической религии, теперь же различия затушевывались еще в большей степени. Именно это и превратило естественные для каждого общества расхождения в оценках прошлого в болезненный квазирелигиозный раскол.

Часто приходится слышать, что правление Брежнева – это время реабилитации Сталина и сталинизма, время мягкого сталинизма или неосталинизма, прочие аналогичные суждения. Но в реальности ситуация развивалась совершенно иначе и озвученные выше оценки являются либо следствием заблуждения, либо преднамеренной фальсификацией прошлого. Как же может быть оценена обстановка, царившая в те годы в верхах советского руководства?

Сам Брежнев, по единодушному мнению многих авторов, являлся человеком более или менее нейтральным, по крайней мере выступать в качестве своего рода «центриста» его обязывали занимаемые им высокие посты. Вместе с тем, в его окружении находились люди с самыми различными взглядами на Сталина и на результаты его правления. Среди них, действительно, было определенное число и таких людей, которых по современным меркам вполне можно считать сталинистами. Рой Медведев называет среди них С. П. Трапезникова, А. А. Епишева, П. Н. Поспелова. Многие другие авторы считают чуть ли ни «главным сталинистом» А. Н. Шелепина. Здесь же можно было бы упомянуть некоторых близких Шелепину членов «комсомольской группировки», ряд идеологических работников, отдельных руководителей ведомств, национальных республик (прежде всего Грузии) и регионов России. Но все равно большим объемом этот список не отличался бы. На прагматических позициях в оценках Сталина стоял патриарх советской внешней политики А. А. Громыко, некоторые другие политики старой формации.

Имелись в партийном руководстве и активные антисталинисты. Рой Медведев на первое место среди них выдвигает главного редактора центрального партийного печатного органа – газеты «Правда» А. М. Румянцева. Этот крупный партийный функционер, голосом которого партийное руководство общалось с советским народом и всем остальным миром, оставался ярким приверженцем углубления курса XX и XXII съездов. Помимо него в своей книге о Брежневе Р. Медведев приводит список относительно молодых партийных функционеров, журналистов и научных работников, стоявших на тех же антисталинских позициях. Это А. Е. Бовин, Л. А. Карпинский, Г. Х. Шахназаров, Г. А. Арбатов, А. С. Черняев, Л. П. Делюсин, Ф. М. Бурлацкий, Ю. А. Красин, Ю. Ф. Карякин, Г. Г. Водолазов, В. А. Ядов, В. П. Данилов, Я. С. Драбкин, М. Я. Гефтер, Е. Т. Плимак, Е. А. Амбарцумов, Ю. Д. Черниченко, И. В. Бестужев Лада, Э. А. Араб-Оглы, О. Р. Лацис и др. Историк поясняет, что перечислил их не просто так, а как людей «сохранивших свои прогрессивные убеждения» в дальнейшем, и без которых поэтому «не был бы возможен идеологический поворот 1985–1990 годов».

Подобного рода радикальных антисталинистов было, конечно, не слишком уж много. Но как бы там ни было, превалирующие настроения партаппарата были не просталинистскими. Множество чиновников вообще проявляло мещанское равнодушие к принципиальным вопросам, а большинство из тех, кто еще помнил, что КПСС является политической партией, стояли на позициях пусть мягкого, умеренного но все же антисталинизма. У этого явления были вполне очевидные, к тому же весьма разветвленные корни в советской действительности. Выделим наиболее значимые причины, по которым рядовой «слуга народа» не мог жаждать возвращения к сталинским порядкам. Во-первых, в годы правления Сталина действовал жесткий, даже жестокий контроль сверху за деятельностью чиновников. Никто из них не мог чувствовать себя спокойно, необходимо было доказывать верность не только вождю (как позже при Хрущеве), но и порученному делу. Для достижения цели Сталин не жалел ни себя, ни своих подчиненных. Главными качествами, которые он требовал от своего окружения, являлись работоспособность, компетентность, полная самоотдача. Кому же из привыкших к более спокойной жизни при Хрущеве и Брежневе могло бы захотеться назад?

Во-вторых, практически каждый, кто возглавил страну в 1964 г., был, что называется, «засвечен». Они все как один рукоплескали закрытому докладу Хрущева и дружно голосовали за осуждение «культы личности». Со всей прямотой на одном из заседаний Политбюро об этом высказался Н. В. Подгорный: «все присутствовавшие здесь, – заявил он, – или во всяком случае большая часть, – участники XX и XXII съездов партии. Большинство из нас выступали на этих съездах, говорили, критиковали ошибки Сталина». Подгорный знал, о чем говорил, ведь именно по его предложению XXII съезд КПСС принял резолюцию, признававшую «нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина». Для него и для многих других таких же как он отказаться от своих прежних публичных антисталинских высказываний означало бы потерять лицо.

Кроме того, немалое количество людей в аппарате (особенно в среднем его звене, но не только) являлись вполне искренними сторонниками курса XX съезда. Они верили официальной трактовке событий октября 1964 г., что смещение Хрущева было обусловлено как раз его отходом от этого курса, созданием собственного культа личности, волюнтаризмом. Перспективу развития страны они связали с антиавторитарными преобразованиями в политической сфере и масштабными хозяйственными реформами, которые делали бы упор на развитие рыночных механизмов.

Среди людей подобного склада могут быть названы, к примеру, председатель Президиума Верховного Совета А. И. Микоян и секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. Упомянутый выше в качестве «птенца XX съезда» академик Г. А. Арбатов в своих воспоминаниях свидетельствует о подобных настроениях своего тогдашнего шефа: «Помню, в первое же утро после октябрьского Пленума Ю. В. Андропов... собрал руководящий состав своего отдела, включая несколько консультантов, чтобы как-то сориентировать нас в ситуации. Рассказ о пленуме он заключил так: «Хрущева сняли не за критику культа личности Сталина и политику мирного сосуществования, а потому что он был непоследователен в этой критике и в этой политике».

Тем самым, высшее советское руководство не было едино не только по вопросам будущего, но и прошлого. Такая разобщенность руководящего слоя делала его более, нежели обычно, восприимчивым к настроениям в обществе. Поэтому новым лидерам оказалось сложно сразу разобраться и пресечь начавшийся в стране процесс девальвации ценностей XX съезда. Падение Хрущева означало одновременно падение негласных идеологических рамок в освещении деятельности Сталина, к примеру, в период Великой Отечественной войны. Воспользовавшись этим послаблением, многие полководцы, возмущенные лживыми утверждениями Хрущева на XX съезде партии, торопились донести до читателей хорошо известную им самим, но долго скрываемую правду.

В более или менее осторожной форме адмиралы, маршалы, генералы, ученые, политики и дипломаты, лично знавшие Сталина, спешили рассказать о своих с ним встречах, стиле принятия Сталиным решений и о многом другом. Советскому читателю стали доступны книги К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, О. М. Штеменко, А. Е. Голованова, К. Е. Ворошилова, О. М. Буденного, А. М. Василевского, И. Х. Баграмяна, Н. Г. Кузнецова, А. С. Яковлева, В. М. Бережкова и др. Крайнее недовольство поборников курса XX съезда вызвали мемуары маршала К. А. Мерецкова (к слову сказать, в свое время репрессированного и вернувшегося в строй лишь в самый канун войны), в которых он прямо обвинял Хрущева во лжи и некомпетентности.

Речь, в частности, идет о следующих строчках из его военных мемуаров: «Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать. За время войны, бывая в Ставке и в кабинете Верховного Главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела. К глобусу И. В. Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставляли задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил». Последнее мне казалось излишним... Но неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. Даже в стратегических военных вопросах И. В. Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно говорить это применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали, и немало». Особую значимость имели воспоминания К. Г. Жукова, который так же пострадал при Сталине (причем не единожды), но нашел в себе силы перешагнуть через личные обиды ради

исторической справедливости. Давая общую характеристику деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны, он отмечал: «Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну... В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию... И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина как Главнокомандующего особенно проявились начиная со Сталинграда... Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Мемуары знаменитых военачальников не только прорвали блокаду молчания, существовавшую вокруг имени Сталина. Они помогли воссоздать его живой облик взамен того безжизненного парадного глянца, который существовал во время правления самого Сталина и той злой карикатуры, которая возникла стараниями Хрущева. В новом портрете проступали узнаваемые человеческие черты, делали образ Генералиссимуса Победы более осязаемым и понятным. Это открывало дорогу к его художественному осмыслению.

И действительно, впервые за долгие годы молчания, Сталин возвращается на страницы литературных произведений и киноэкраны. К теме роли Сталина в отечественной истории обращались в те годы такие выдающиеся русские писатели, как Юрий Бондарев, отразивший в своем знаменитом романе «Горячий снег» стиль принятия Верховным главнокомандующим решений, его общения с людьми. Могут быть названы так же роман В. А. Закруткина «Сотворение мира», роман В. А. Кочетова «Угол падения» и другие произведения. Книги, в которых Сталин выступал в качестве одного из главных персонажей, выходили и потом. Так, дипломатическая деятельность Сталина стала темой написанного в конце семидесятых годов романа А. Б. Чаковского «Победа». В нем средствами художественной литературы раскрывались непростые взаимоотношения бывших союзников по антигитлеровской коалиции при переходе от войны к миру.

В поэзии сталинскую тему поднимали такие авторы, как В. И. Фирсов, поэма которого «Республика бессмертия», содержащая противоречащие хрущевским оценки Сталина, в 1968 году была отмечена премией Ленинского комсомола. Широкую популярность получали прославляющие Сталина стихотворения Феликса Чуева. Некоторые стихи Чуева так и не были опубликованы (такая участь постигла, например, его стихотворение «Зачем срубили памятники Сталину»). Тем не менее они стали известны благодаря многочисленным машинописным и рукописным копиям, которые распространяли из рук в руки, зачитывали до дыр.

Несмотря на свою молодость, Чуев не испугался поднятой против него в литературных журналах волны критики: помимо стихов, в 1969 г. он начал готовить документальную книгу об опальном тогда В. М. Молотове, исключенном из партии за то, что не поверил обещаниям Хрущева построить в 1980 году коммунизм. Особое негодование среди некоторой части интеллигенции, как отмечает Р. Медведев, вызывала поэма СВ. Смирнова «Свидетельствую сам», в которой Сталин был назван «человеком-глыбой».

В кинематографе за сталинскую тему взялся режиссер Юрий Озеров. Работая над киноэпопеей «Освобождение», он включил в нее несколько эпизодов с участием Сталина, роль которого сыграл Бахути Закардзе. Эти сцены были написаны Озеровым совместно с Юрием Бондаревым и Оскаром Кургановым на основе документальных материалов, содержащихся в мемуарах Жукова, Рокоссовского, Бережкова, а так же протоколах конференций лидеров СССР, США и Великобритании.

«В журнале «Ньюсуик» за 7 октября 1968 года, корреспонденты из Москвы писали, что съемки фильма – «это часть тихой кампании Кремля с целью реабилитировать Сталина, по крайней мере, как военачальника». Но дело обстояло совсем не так, как писали американские журналисты. Путь кинокартины к своему зрителю оказался очень не простым. Завершился 1968 год, а затем прошел 1969 год, но уже готовые фильмы Юрия Озерова упорно не пускали на экран. Препятствия чинились правительственными учреждениями из-за тех небольших сцен, в которых появлялся Сталин. Подавляющее большинство советских людей и не подозревали, что в верхах не было единства относительно того, как оценивать Сталина» – писал историк Юрий

Емельянов.

Наконец, в канун 25-летнего юбилея Победы в мае 1970 года первая серия киноэпопеи Озерова пробилась на экраны. Многие люди, кто с восторгом, кто с иронией, а кто и с горечью вспоминают дни премьеры: когда перед зрителями появлялся загримированный в Сталина Бахути Закаридзе, каждый раз зал взрывался аплодисментами, «хотя, – как особо выделяет Р. Медведев, – зрителями были здесь не работники партийного аппарата или высшие офицеры, а рядовые люди». Такие же горячие аплодисменты зрителей звучали, когда на экранах показывали кадры из кинохроники, запечатлевшие Сталина на Мавзолее на Параде Победы 1945 года в фильме «Посол Советского Союза». Позже эмоции несколько поулеглись, но эти киноленты и в последующие годы неизменно пользовались зрительской любовью.

Помимо маршальской и писательской фронды, свое отношение к прошлому выказывали и люди более будничных профессий. Многие, жившие в то время, хорошо помнят фотографии Сталина в форме генералиссимуса на ветровых стеклах грузовых машин. Такие же фотографии можно было встретить во многих домах на комодах или книжных полках. Карманного формата календары с различными парадными изображениями Сталина продавались на толкучках, в поездах дальнего следования и пригородных электричках. В Дни Победы и другие праздники многие ветераны надевали свои парадные мундиры, на которых красовались медали с профилем Сталина. С южных курортов привозили изготовленные кустарным способом значки, на которых изображался Сталин. Кое-где в домах сохранялись отдельные издания сталинских работ, их хранили и показывали знакомым как ценные раритеты.

Для объяснения этих явлений видный современный историк В. А. Козлов ввел специальный термин – «народный сталинизм». Важно подчеркнуть, что этот своеобразный сталинизм был вовсе не стремлением вернуться назад. Заслуживает, например, внимания оценка видного американского футуролога Эльвина Тоффлера, увидевшего в фотографиях Сталина на ветровых стеклах советских автомобилей «свидетельство недовольства правителями страны». Это недовольство он рассматривал «в контексте всемирного протеста против господства во всем мире коррупции и бюрократизма». Примерно о том же размышляет и хорошо известный своим антисталинизмом Р. Медведев: «Справедливости ради надо отметить, – пишет он в своем исследовании о брежневской эпохе, – что наступление сталинистов находило тогда поддержку не только среди генералов и маршалов или в пресловутом «среднем звене» партийного и государственного управления. Попытки реабилитации Сталина встречали поддержку и среди значительной части рядовых рабочих и служащих. Раздраженные растущими трудностями повседневной жизни, усилением власти местных бюрократов, многие люди идеализировали эпоху Сталина как время «порядка».

Вместе с тем не следует полагать, что перед нами всеобщее явление. Как уже было отмечено, XX съезд расколол все советское общество. Так же, как не было едино руководство, не был един по вопросу отношения к прошлому и весь народ. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда посеял семена, из которого произросла особая генерация советской интеллигенции, отличительной чертой которой было неприятие окружающей действительности. Позже это новообразование будет называться расплывчатым понятием «шестидесятники». Но не только будущее шестидесятники с радостью подхватили знамя, поднятое Хрущевым. В стране с гражданской войной и 1930-х гг. имелись категории людей, обиженных советской властью. И вот угасшие были эмоции вновь дали о себе знать.

Получалось что не только «народный сталинизм», но и антисталинизм интеллигенции, носил яркий протестный характер, был направлен против действующей власти.

Кратковременную растерянность властей перед «народным сталинизмом» радикальная интеллигенция восприняла как «возвращение к сталинизму» и начала энергично противостоять этому. Это создавало в стране еще один силовой и моральный вектор. Оппозиционность этой части общества не носила столь уж массового размаха, зато была более целенаправленной и организованной, одной из причин чего являлось участие в рядах активных антисталинистов людей, прошедших «школу» различных оппозиционных течений 1920–1930-х гг. и «университеты» ГУЛАГа. В стране разворачивается целая компания, основным содержанием которой было укоренение в обществе мифологии XX съезда. Сочувствующий этому порыву Р. Медведев сообщает:

«Различных выступлений против сталинизма и Сталина в 1966 году было много. Учебные заведения, университеты, научные институты, дома ученых приглашали для бесед или лекций известных писателей и публицистов, которые зарекомендовали себя антисталинистами. Стенограммы этих собраний расходились затем по Москве и другим городам. В некоторых аудиториях состоялись встречи с А. И. Солженицыным, с Э. Генри, с наиболее активными из старых большевиков. Только старый большевик и известный антисталинист А. В. Снегов за 1966–1967 годы выступил в 13 различных аудиториях, включая и военные академии, с большими докладами и воспоминаниями. Хотя формально речь шла о Ленине и Октябрьской революции, большую часть своих выступлений Снегов посвящал разоблачению преступлений Сталина».

Уровень звучавшей в тот период аргументации противников Сталина хорошо виден на примере письма публициста Эрнста Генри известному советскому писателю Илье Эренбургу. Генри жестко отчитывал автора знаменитого на весь мир романа «Оттепель» за недооценку «культы личности». В письме Сталин изображался главным виновником прихода к власти в Германии гитлеровской клики. Поражения Красной Армии 1941–1942 гг. объяснялись исключительно массовыми репрессиями. Звучали и другие обвинения, навеянные докладом Хрущеву на закрытом заседании XX съезда. По авторитетному свидетельству Ю. В. Емельянова, работавшего в те годы сотрудником ИМЭМО, это письмо нередко вызывало безоговорочное сочувствие и поддержку среди многих его коллег.

Вот такая обстановка складывалась в стране после смещения Хрущева, вот такие непростые тенденции развития общественного мнения должны были учитывать новые вожди Советского Союза, стремясь подольше удержаться у власти. Бюрократия, как всегда, пыталась лавировать по принципу «разделяй и властвуй». Разные группировки внутри правящего слоя пытались в своих интересах использовать те или иные настроения: сторонники линии XX съезда активно заигрывали с либералами; национал-коммунисты для отстранения от власти брежневского клана готовы были разыграть сталинскую карту.

Первые столкновения по вопросу о «смене вех» в оценках сталинского прошлого произошли уже вскоре после отставки Хрущева. Поводом послужили подготовительные мероприятия к празднованию 20-летнего юбилея Победы в Великой отечественной войне.

Юбилейные даты в СССР традиционно сопровождались выступлениями высокопоставленных особ на торжественных мероприятиях. Очередной круглый юбилей позволял Брежневу выгодно показать себя народу, подчеркнув свое лидирующее положение в партии. Поэтому юбилейный доклад по случаю 20-летия Победы Брежнев готовился произнести сам. Однако, не обладая способностью к теоретическим обобщениям, подготовить проект доклада он поручил аппарату ЦК. Пока ответственный за выполнение этого поручения Бурлацкий и другие аппаратчики готовили предварительные соображения, свой вариант доклада предложил Шелепин. Позже Бурлацкий вспоминал, что самым важным в альтернативном проекте было, пожалуй, восстановление доброго имени Сталина, отход от линии XX и XXII съездов. Однако обходной маневр Шелепина не удался. Его предложения были решительно отвергнуты.

Но совсем проигнорировать позицию одного из ключевых участников смещения Хрущева на тот момент было невозможно. На Президиуме ЦК, посвященном подготовке празднования Победы, состоялся обмен мнениями: как же следует осветить в докладе роль Сталина? Предсказуемо выступил Микоян и поддержавший его Пономарев. Они предложили включить в доклад критические оценки, прямо позаимствованные из постановления от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личностей и его последствий».

Но теперь, в отличие от недавнего прошлого, эта позиция уже не была единственной. Некоторые руководители выступили за то, чтобы смягчить критику Сталина, даже предлагали свои вставки в доклад, где напоминалась важная роль Сталина в разгроме оппозиции и осуществлении ленинских планов индустриализации, коллективизации и культурной революции, «что стало предпосылками для победы в войне и создания социалистического лагеря». Некоторые, по утверждению Бурлацкого, даже «посягнули» на то, чтобы исключить из доклада само понятие «культ личности», а уже тем более «период культа личности». Наиболее последовательно этой позиции придерживались М. А. Суслов, В. П. Мжаванадзе и, конечно же,

Шелепин.

Бурлацкий уверяет, что за усиление положительных оценок Сталина выступило большинство собравшихся, что совершенно исключено, поскольку в противном случае становится неясно, почему же большинство не смогло настоять на своем и было принято совершенно иное решение, озвученное Андроповым. Андропову казалось правильным, учитывая разброс мнений в руководстве, в юбилейном докладе вопрос о Сталине просто-напросто обойти молчанием. В результате, в качестве некоего компромисса, Брежнев, зачитывая доклад, не стал давать положительных оценок Сталину. Его имя прозвучало лишь раз в совершенно нейтральном плане. В частности, Брежневым было сказано всего лишь следующее: «Был образован Государственный Комитет Обороны во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) И. В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу».

Это, безусловно, не было победой антисталинистов, но это было безусловным поражением сталинитов в Политбюро: позиция партии по отношению к Сталину, отраженная в ее официальных документах, принятых еще при Хрущеве, осталась неизменной. Однако даже одно единственное нейтральное упоминание Сталина привело к последствиям, явно неожиданным и для партноменклатуры, и для самого Брежнева. В своей биографической книге о Брежневе историк О. Н. Семанов вспоминает:

«Речь эта передавалась по всем каналам радио и телевидения, в прямом эфире, я смотрел выступление, как и миллионы сограждан, очень внимательно. Не только кучку советников Брежнева, но и весь народ горячо интересовало, будет ли помянуто сталинское имя, ведь уже десять лет, с февраля 1956-го, его предавали только пошлым поношениям. И вот Брежнев зачитал упомянутый краткий текст. Что началось в зале! Неистовый шквал аплодисментов, казалось, сотрясет стены Кремлевского дворца, так много повидавшего. Кто-то стал уже вставать, прозвучали первые приветственные клики в честь Вождя. Брежнев, окруженный безмолвно застывшим президиумом, сперва оторопело смотрел в зал, потом быстро-быстро стал читать дальнейшие фразы текста. Зал постепенно и явно неохотно затих».

Не принес спокойствия и следующий, 1966 год – год очередного, XXIII съезда КПСС. Для Брежнева это был первый съезд, на котором он должен был предстать в качестве лидера «партии и народа». Не трудно представить его желание, чтобы этот съезд не стал для него последним. А ведь были люди, которым хотелось прямо противоположного. Шелепин и его окружение считали Брежнева фигурой временной, рассчитанной на переходный после смещения Хрущева период. И по их представлениям этот период заканчивался. Прямых данных о том, что группа Шелепина готовила смещение Брежнева на XXIII съезде нет, так же как нет прямых данных за то, что ими готовилась партийная реабилитация Сталина. Но некоторые их шаги могли свидетельствовать именно об этом.

Важнейшим политическим событием, переполюсовившим днепропетровцев, в особенности самого Брежнева, стала акция, совершенная КГБ, которым руководил близкий Шелепину Семичастный. В самом конце 1965 г., чекистами были арестованы двое ранее никому не известных мелких литературных работников – А. Д. Синявский и Ю. М. Даниэль. Вряд ли подвергшиеся репрессиям литераторы, проснувшись утром в своей камере, понимали, что проснулись они уже всемирно знаменитыми. По нынешним временам предъявленные им обвинения кажутся смехотворными, а в то время литераторам было не до смеха.

Как ни странно, тревожно было не только им, но и партийному лидеру Брежневу. Арест Синявского и Даниэля был беспрецедентным в советской истории, конечно же, не тем, что за решеткой оказались два практически невиновных человека, а тем, что задержание их не было согласовано с партийным руководством, и Брежнев был поставлен перед уже свершившимся фактом. Существовавшая со времени Ленина и Сталина практика предусматривала в делах подобного рода обязательную санкцию высших партийных органов, хотя бы формальную. На предстоящем съезде Брежнев планировал ощутимо укрепить свою власть, и такие «подарки», который ему преподнес Семичастный, явно не вписывались в сценарий предстоящего брежневского бенефиса. Брежнев сразу уразумел, что сталинисты создали опасный прецедент и теперь у любого мог возникнуть соблазн действовать в обход первого лица в партии. Поскольку все это происходило в период подготовки XXIII съезда, было совершенно очевидно, куда дует

ветер: дело Синявского и Даниэля можно было бы выгодно использовать для дискредитации Брежнева как слабого политика, неспособного навести в стране порядок и подавить антисоветскую интеллигенцию.

Вырисовывалась пугающая перспектива: отстранение Брежнева и замена его на «более молодого, энергичного и принципиального» руководителя, т. е. Шелепина. В эту политическую интригу вновь вплеталось имя Сталина. На предстоящем съезде, в целях укрепления личных позиций, Брежнев планировал повысить свой статус как руководителя правящей партии. Дело в том, что после смещения Хрущева, Брежнев возглавил партию в ранге первого секретаря ЦК КПСС. На съезде предполагалось восстановить пост генерального секретаря, которым должен был стать, естественно, «дорогой Леонид Ильич». Понятно, что восстановление поста генсека сразу бы заставило современников сравнивать Брежнева с человеком, который занимал этот пост в прошлом, и любые сравнения были бы явно не в пользу Брежнева, поэтому он как никто другой не был заинтересован в реабилитации на XXIII съезде имени Сталина, чтобы избежать неприятных сравнений.

Как уже отмечалось, против неосталинизма были настроены многие другие высокопоставленные партийные работники. Особую активность проявляла так же либеральная интеллигенция. В адрес предстоящего съезда направлялся целый поток писем «возмущенной общественности». Особую известность получило письмо от 14 февраля 1966 года, под которым были проставлены подписи 25 известных деятелей советского искусства и науки, в частности, его подписали О. Н. Ефремов, П. Л. Капица, В. П. Катаев, П. Д. Корин, К. Г. Паустовский, М. М. Плисецкая, М. И. Ромм, С. Н. Ростовский (Эрнст Генри), А. Д. Сахаров, И. М. Смоктуновский, Г. А. Товстоногов, М. М. Хуциев, К. И. Чуковский и др.

Уже сам перечень подписей, стоящих под «письмом двадцати пяти», дает определенную информацию для размышления. Складывается впечатление, что оно было вовсе не спонтанной, а хорошо срежиссированной акцией. Люди, поставившие под ним свою подпись, не только не принадлежали к числу близких друзей, которым можно доверять самые сокровенные мысли, но и стояли на принципиально разных творческих, идеологических и даже нравственных позициях. Что, например, могло быть общего у погруженного в прошлое Руси собирателя древних икон, фрондирующего русофила Павла Корина и отца водородной бомбы, гражданина всего мира академика Сахарова? В качестве гипотезы можно предположить, что некоторые «борцы с тоталитаризмом» согласились поставить свои подписи под письмом только на условиях гарантий своей безопасности.

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич! – начиналось письмо, – в последнее время в некоторых выступлениях и в статьях в нашей печати появляются тенденции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина». Подписанты высказывали «глубокое беспокойство», что отмеченные ими тенденции могут иметь прямую связь с приближающимся XXIII съездом КПСС. В письме звучит угроза, что любая попытка обелить Сталина «таит в себе опасность» раскола советского общества и мирового коммунистического движения. Внутри страны, по мнению подписантов, «реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно осложнила бы настроение в среде нашей молодежи». На международной арене ситуация изображалась еще более темными красками. Какой-либо шаг к реабилитации Сталина, утверждалось в письме, «был бы расценен прежде всего как наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут». «В дни, когда нам, с одной стороны, грозят активизирующиеся американцы и западногерманские реваншисты, а с другой – руководители КПК, идти на риск разрыва или хотя бы осложнений с братскими партиями на Западе было бы предельно неразумно», – поясняли авторы обращения к Брежневу.

По-своему в канун съезда поставил вопрос о Сталине еще один видный деятель советского искусства К. М. Симонов. Его послание Брежневу сохранилось в Архиве Президента РФ и в наши дни опубликовано. Интересно сравнить два документа. Среди подписантов «письма двадцати пяти» примерно половина в прошлом являлась лауреатами Сталинской премии, но никто из них в собственных грехах в своем письме каяться не захотел. Иначе повел себя Симонов. Он честно признался: «В своем отношении к Сталину я многие годы был тем, кого называют сейчас «сталинистами», и как писатель-коммунист несу за это свою долю

ответственности». «Но тем большую ответственность несу я теперь за то, – продолжал писатель, – чтобы о Сталине и о его культе непогрешимости, к созданию которого мы сами были причастны, говорилась полная историческая правда».

Симонов стремился писать только о том, что он сам изучал и хорошо знал лично. Вот как он обозначает свою позицию: «Возьму только одну сферу исторических событий, над которой я уже десять лет работаю как писатель, – минувшую войну. Я убежден, что в ходе войны Сталин делал все, что он считал необходимым для победы, но это не может заставить меня забыть, что он же несет прямую ответственность за наши поражения в начале войны и все связанные с этим лишние жертвы. В ходе войны Сталин проявил крупный государственный ум, большую твердость и волю и внес этим значительный личный вклад в победу нашей страны над врагом. Об этом не следует ни забывать, ни умалчивать при одном неременном условии, – чтобы наряду с этим никогда и ни при каких обстоятельствах не забывать и не умалчивать о предвоенных преступлениях Сталина».

В своем послании Симонов предстает как последовательный сторонник XX и XXII партсъездов, о чем не забывает упомянуть в тексте. В то же время он видел явные перегибы, допущенные Хрущевым. «Мне кажется, – отмечал Симонов, – что нам необходимо сейчас четко и публично отделить в сознании людей те глубоко верные общие выводы, к которым в отношении И. В. Сталина пришли XX и XXII съезды, от ряда явных передержек и несправедливостей, вроде «руководства войной по глобусу», сказанных персонально Н. С. Хрущевым».

Главное в позиции Симонова – это его готовность к диалогу. «Мне кажется, – излагал он существо своей идеи, – что было бы правильным выделить на XXIII съезде партии комиссию из партийных деятелей и коммунистов-историков, которая последовательно и объективно изучила бы все основные факты деятельности Сталина во все ее периоды и в определенный срок представила бы на рассмотрение Пленума ЦК свои предварительные выводы... Основные выводы такой комиссии, исходящие из объективного изучения всех фактов, как мне кажется, будет правильным в той или иной форме довести до всеобщего сведения».

Стоит ли пояснять, что здравый и ответственный подход к прошлому, предложенный Симоновым, не встретил понимания у Брежнева? На XXIII съезде имя Сталина почти не упоминалось. Исключение составляло лишь выступление Егорычева. Он выразил неудовольствие по поводу антисоветской пропаганды, которая продвигалась под прикрытием критики «мнимых ужасов сталинизма». Зал аплодировал Егорычеву стоя, но партийное руководство предпочло этого не заметить, а Егорычев вскоре оказался в опале, за бортом большой политики.

Критики Сталина праздновали свою победу – официальная позиция партии вновь осталась неизменной. Вот что вспоминает по этому поводу Арбатов: «На XXIII съезде вопреки требованиям сталинистов решения предыдущих съездов отменены не были. Хотя по духу своему съезд был не только бесцветным, а и консервативным, и уж, во всяком случае, не сделал ни одного шага вперед, но реставрации сталинизма не произошло. Тогда и это многие считали победой. Сейчас это может казаться невероятным, но само упоминание в официальных документах и речах XX и XXII съездов партии воспринималось как свидетельство того, что «крепость» еще не сдавалась, обрело важное символическое значение».

Следующий, 1967 год вновь стал для страны юбилейным. На этот раз отмечалась пятидесятилетняя годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на вклад Сталина в революцию и становление СССР, его имя не упоминалось ни в Тезисах ЦК КПСС о подготовке к празднованиям, ни в других официальных документах. Ни словом не обмолвился о нем и в своем юбилейном докладе Брежнев. Зато среди интеллигенции получил широкое хождение документ, озаглавленный «От оставшихся в живых детей коммунистов, необоснованно репрессированных Сталиным». Документ был датирован 24 сентября 1967 г., под ним поставили подписи П. Якир, А. Антонова-Овсеенко, Ю. Ларин-Бухарин, А. Бокий, С. Радек, З. Серебрякова, Ю. Ким, – всего примерно четыре десятка человек. Помимо прочего, в нем говорилось: «В настоящее время с трибун, в печати, по радио и телевидению пропагандируются «заслуги» Сталина. Фактически это является политическим пересмотром постановлений XX и XXII съездов КПСС... Как можно после всего пережитого нашим народом

и всем международным коммунистическим движением восхвалять Сталина? Это мешает нашему движению вперед, ослабляет наши ряды, подрывает наши силы, делает невозможным достижение коммунизма».

Арьергардные бои по сталинской проблематике развернулись в 1969 году. В декабре этого года исполнялось 90 лет со дня рождения Сталина, и сторонники его реабилитации полагали, что на этот раз партийному руководству от молчаться уже не удастся и придется высказать свою позицию публично. Ожившие было надежды отразились в масштабных планах праздничных мероприятий. Так, предлагалось, наконец, установить на могиле Сталина вместо простой мраморной плиты памятник. Поступали предложения превратить открытие памятника на Красной площади в настоящее торжество, провести митинг ветеранов войны и трудящихся столицы. Намечалось организовать в Институте марксизма-ленинизма научную конференцию, посвященную сталинскому юбилею.

Дальше всех ради своего земляка готовы были идти грузины, которые, помимо научных мероприятий, желали устроить большое торжественное заседание представителей общественности республики. По случаю предстоящих торжеств в продажу должны были поступить портреты и бюсты Сталина, – соответствующие заказы были сделаны одной из московских типографий и несколькими художественным мастерским. Чуть более сдержанным стал тон главного теоретического органа партии журнала «Коммунист», который в № 2 и № 3 за 1969 год опубликовал статьи по истории Великой Отечественной войны.

Стоит ли объяснять, что все расчеты на тихую реабилитацию Сталина громко провалились? Свое веское слово сказал нерушимый блок «прогрессивной общественности» и «мудрого ленинского руководства КПСС». Большая часть мероприятий так и остались несбывшимися мечтаниями. Никаких научных конференций ни в Москве, ни в Тбилиси не состоялось, тем более были пресечены всяческие инициативы по организации массовых торжеств по случаю круглой даты. Бюст Сталина, правда, установили, но его открытие было проведено без какой-либо помпы. Ни в тот год, ни когда-нибудь потом в Советском Союзе так и не вышла памятная монета с изображением Сталина (хотя он изображен, к примеру, на монетах таких экзотических Британских колоний, как Гибралтар). За исключением нескольких публикаций, в целом неизменным остался и тон официальной прессы.

Но от молчаться советскому руководству, действительно, не удалось. Полностью проигнорировать сталинский юбилей означало бы окончательно потерять лицо. Чтобы не подрывать общественного спокойствия, решено было ограничиться публикацией юбилейной статьи в «Правде». Ее проект был подготовлен специальной группой и разослан членам Политбюро 13 декабря 1969 года. В Архиве Президента РФ сохранилась стенограмма заседания Политбюро, посвященного ее обсуждению. Оно состоялось во время перерыва на сессии Верховного совета СССР 17 декабря.

Текст документа был недавно опубликован. Его непредвзятый анализ показывает, что ни о какой, даже частичной реабилитации Сталина речи на заседании не шло. С самого начала большинство высказывалось за публикацию статьи, выдержанной в духе решений XX и XXII съездов. Сама по себе польза от статьи многими участниками обсуждения объяснялась появлением в последние годы позитивных оценок Сталина в мемуарах и литературе и необходимости публично отмежеваться от них. Хотя некоторые разногласия среди членов Политбюро имелись, они мало влияли на выработку «генеральной линии».

Тон обсуждению задал Сулов. Он выступил против широких мероприятий в ознаменование сталинского юбилея, но публикацию статьи посчитал важным, поскольку «такую статью ждут в стране». «Мне кажется, – объяснял он свою точку зрения, – молчать совершенно сейчас нельзя. Будет расценено неправильно, скажут, что ЦК боится высказать открыто свое мнение по этому вопросу». Сулова поддержал, например, Капитонов. «Разумеется, – подчеркнул он, – что статья должна быть написана в духе решения ЦК от 1956 года». Выступавший в прениях последним Кулаков был совсем краток: «Я за статью. Если в 90-летие не опубликовать статьи, то это вызовет очень много кривотолков».

Однозначно за публикацию статьи ратовал Шелест. «Надо учитывать, – подчеркнул он, – что за последние годы в мемуарах наших маршалов, генералов много написано о Сталине с разных точек зрения, кое в чем расходящихся с решениями ЦК, принятыми ранее». По мнению

Шелеста, ситуацию следовало взять под контроль. С таких же позиций за статью выступил Гришин: «Это бы как-то сбалансировало вопрос, – подчеркивал он, – Действительно, за последние годы очень много было написано мемуаров в отличие от решений, которые ранее принимались ЦК. Недавно написали Буденный статью, Захаров и другие. Поэтому, если бы была такая статья, она бы уравнивала эти факты. Статью надо, конечно, дать в соответствии с решениями ЦК КПСС и съездов партии».

Шелеста и Гришина поддержал такой «тяжеловес», как Косыгин: «Конечно, ничего не случится, если мы и не будем опубликовывать статью. Но я думаю, что будет больше пользы, если мы опубликуем правильную статью, тем более что действительно правильно, как отмечали здесь товарищи, многое у нас написано за последние годы – и Жуковым, и другими о Сталине. Вот читают люди, сравнивают с решением ЦК, а никаких официальных материалов в печати у нас нет. И по-разному думают, по-разному разговаривают, по-разному делают выводы. А статья эта позволила бы все поставить сейчас на свои места».

Итоги обсуждения взялся подводить сам Брежнев. Он откровенно признался, что поначалу не хотел связываться с публикацией статьи, «причем исходил при этом из того, что у нас сейчас все спокойно, все успокоилось, вопросов нет». Но выслушав мнение товарищей, согласился, что публиковать следует, «и тогда не будет двух или нескольких мнений по этому вопросу, которые, в частности, вызвали некоторые мемуары и иная литература за последний период времени». «Если мы дадим статью, то будет каждому ясно, – подчеркнул генсек, – что мы не боимся прямо и ясно сказать правду о Сталине, указать то место, какое он занимал в истории, чтобы не думали люди, что освещение этого вопроса в мемуарах отдельных маршалов, генералов меняет линию Центрального Комитета партии. Вот эта линия и будет высказана в этой статье».

Суслову, Андропову, Демичеву, Катушеву и Пономареву было поручено доработать текст статьи. Они потрудились, и вместо 12 первоначальных страниц в ней осталось не более пяти. Во многом она напоминала юбилейную статью десятилетней давности, опубликованную еще при Хрущеве. Но была еще более бессодержательной и пустой, не включала в себя ничего нового. Анализируя развернувшуюся в те дни борьбу в партийном руководстве, Рой Медведев приходит к заключению, что «при всех недостатках, умолчаниях, двусмысленных формулировках» статья о Сталине в номере «Правды» за 21 декабря 1969 г. «подтверждала линию XX и XXII съездов партии». «Для всех тех, – делает историк принципиально важный вывод, – кто настойчиво добивался в течение ряда лет реабилитации Сталина, события, происходившие в аппарате ЦК КПСС в декабре 1969 года, были большим поражением, от которого фракция сталинистов позднее так и не смогла оправиться».

Таким образом, как можно убедиться, в вопросе о Сталине стиль «консервативного реформирования» проявился в нежелании прислуживаться к общественному мнению, к голосам, раздававшимся и слева, и справа. Открытый разговор о Сталине, даже в таких ограниченных масштабах, как предлагал К. Симонов, не состоялся. Царившее молчание фактически лишало народ его истории: трагической ли, героической ли – любой. Как совершенно точно отмечает Ю. В. Емельянов, «история СССР превратилась в собрание шаблонизированных оценок, скрывавших правду, а нередко искажавших ее». Отсутствие гласности и самокритики позволяло превратить в действенное оружие такие невинные на первый взгляд формы подачи информации, как анекдоты, слухи, намеки и недомолвки, виртуозно формировавшие общественное мнение в нужном русле неприятия всего советского.

Той же самой тактикой самоуспокоения оказалась подмена лозунга о построении к 1980 году коммунизма дымовой завесой о «развитом социализме». Как ни удобна была эта теоретическая конструкция для власть предержащих, но абсолютно никакой мобилизующей силой и привлекательностью для общества она не обладала. Аналогичным образом дела обстояли со многими другими компонентами советской доктрины. Из идеологии стиль «консервативного реформирования» неотвратимо начнет проникать во все остальные сферы жизни советского общества, а отказаться от него брежневскому руководству представлялось уже невозможным.

§ 3. Политическое развитие Советского Союза в 1964–1982 годах

В прежние годы отечественные историки в рамках закрепленного тогда официально формационного подхода определяющей сферой общественной жизни называли экономику. В научных трудах и пропагандистских материалах так и говорилось о базисе и надстройке. Базисом (естественно с «материалистических позиций») объявлялась экономика. А все прочее, что существует в обществе (от политики до культуры) принято было относить к разным этажам надстройки. В наше время можно встретить другой перекосяк, вообще ставящий вещи с ног на голову. Основное значение отводится теперь уже политике. А вот экономика для многих современных российских и зарубежных историков кажется чем-то второстепенным, приземленным, не заслуживающим внимания. Согласно такому подходу, в СССР все определялось той политикой, которую проводил существовавший в стране тоталитарный режим. Тем самым экономика существовала не по своим собственным законам, а исключительно по воле спускаемых из Кремля директив.

В реальности устройство общественного организма выглядит куда менее прямолинейно. Не признавать важнейшую роль экономики в структуре общества, как это делают некоторые нынешние авторы, конечно, неправильно. Оценивать экономику в жизни общественного организма следует и без преуменьшений, и без преувеличений. В этом ключе приходится признать, что, с одной стороны, экономика воздействует абсолютно на все стороны жизни общества, но при этом, она и сама ощущает воздействие отовсюду. Некоторые социологи, к примеру, очень убедительно показали роль протестантской этики на развитие западного капиталистического общества с его ветхозаветным духом наживы. Столь же ошутимо было воздействие первоначально нашего ведического язычества, а затем уже и православия на хозяйственный уклад Руси, для которого стяжательство служит объектом нравственного порицания.

Таким образом, признавая важную роль экономики, методологически неверно недооценивать воздействия, которые оказывают на нее все прочие подсистемы общественного организма. При этом в первую очередь на экономику ощущается воздействие со стороны политики. Современные приверженцы концепций советского тоталитаризма, конечно, искажают прошлое «реального социализма», изображают его слишком прямолинейно и вульгарно. В то же время невозможно спорить с тем, что, при более правильной государственной линии в народном хозяйстве, советское общество развивалось бы гораздо успешнее. Все это делает для нас актуальной задачей пристальнее приглядеться к политическому развитию СССР. Если не в экономике, то, может быть, именно здесь мы сможем распознать некие хронические болезни, которые в конечном итоге погубили нашу страну?

Сегодня хватает критиков политических порядков, существовавших в Советском Союзе на последнем этапе его существования. Только ленивый не бросает камень в адрес советской геронтократии, не сокрушается по поводу безальтернативности советской избирательной системы, не ужасается положением в СССР «прав человека»... Попробуем со всем этим разобраться. В первую очередь нам надо категорически отвергнуть один из самых черных исторических мифов, согласно которому советское общество конца 1960-х – начала 1980-х годов являлось «мертвым обществом». Творцы и приверженцы этого мифа ссылаются на рутину партийного официоза, который, словно ряска на застойном пруду, обволакивал все советское общество. Но даже если рассматривать только официальную сторону политической жизни в СССР, то и тогда мы увидим живое многоцветие, удивляющее своими тонами и полутонами! А ведь политическая жизнь страны не может быть сведена исключительно к парадному глянцу!

В отечественной и зарубежной исторической науке именно эта официальная сторона политической жизни в СССР изучена наиболее полно. Да и в памяти людей именно она отпечаталась наиболее ярко. Имеющиеся на этот счет многочисленные данные позволяют сделать однозначный вывод: несмотря на культивируемые нынче предрассудки на этот счет, в действительности политическая система СССР брежневского времени вполне соответствовала мировому опыту. Как и в любом другом современном развитом обществе, она имела сложную, многоуровневую структуру. Эта структура сложилась исторически. Многие в советской

политической системе и особенно политической культуре восходит еще к дореволюционным временам, но, конечно же, особенно много в политической системе нашей страны конца 1960-х – начала 1980-х годов сохранялось от тех политических институтов и отношений, которые развивались после Великой октябрьской социалистической революции. Но и здесь не все периоды отразились в равной мере.

Особенно сильным было наследие 1920-х – начала 1930-х годов, когда в советском обществе безраздельно господствовала единственная правящая партия. Попытки Сталина в конце 1930-х – начале 1950-х годов отделить партию от государства и повысить роль государственной вертикали власти были отвергнуты. После смерти вождя некоторые его последователи, такие как Л. П. Берия и Г. М. Маленков, еще пытались следовать сталинским курсом в этом вопросе. Но победа в борьбе за сталинское наследие Хрущева прервало эту линию развития советского общества. Наоборот, с 1955 и особенно с 1956 года не только на словах, но и на деле проводилась политика возврата «к ленинскому» стилю работы и «принципам Октября», причем, как и следовало ожидать от людей, подобных Хрущеву, к самым ошибочным, давно доказавшим свою непригодность в российских условиях. Хрущев возвратил диктатуру партии, к которой призывал еще один из его прежних кумиров – лидер левой оппозиции Г. Е. Зиновьев. Как писали классики марксизма, все в истории повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз – в виде фарса.

Важнейшим, доминирующим компонентом советской политической системы являлась КПСС. Происходит процесс ее перелицовки из политической партии авангардного типа в массовое народное движение. За отмеченный период ее численность возросла почти вдвое – с 11,5 млн до 19 млн членов! Партия, как и все общество, тоже имела весьма сложную, разветвленную структуру, которая регламентировалась партийным уставом. Теоретически главным партийным органом выступал съезд партии. В промежутках между съездами за положением и в самой партии, и в стране должен был наблюдать и принимать свои «судьбоносные решения» ее Центральный Комитет. Однако очень часто ключевые управленческие решения принимались не партсъездами и даже не пленумами ЦК, а Политбюро. Иногда еще проще – лично генеральным секретарем с наиболее влиятельными членами его ближайшего окружения. Так, например, было принято решение о вводе советских войск в Афганистан.

Несмотря на важность тех позиций, которые занимали сам генсек и Политбюро, их власть не являлась неограниченной. Центральный Комитет КПСС и партсъезды играли весьма существенную роль. Можно сказать, что они выполняли функцию своеобразных представительных органов власти. ЦК КПСС и партсъезды представляли мнения практически всех социальных групп населения и регионов СССР. В определенном смысле можно сказать, что они формировались на коалиционной основе. Участниками коалиции при этом выступали не политические партии, а значимые центры силы, отражавшие весь спектр советского общества: молодежь, рабочие, женщины, крестьяне, военные, регионы, разные национальности, министерства. Все они в той или иной мере были представлены на партсъездах и в ЦК партии. С этим делегированным наверх общественным мнением в СССР привыкли считаться, по крайней мере, его учитывали при определении ключевых направлений развития страны. Преувеличивать коммуникативные функции партийных органов не приходится, но и недооценивать их было бы глубоко ошибочно.

В годы стабилизации советской системы состоялось четыре партсъезда. На каждом из них принимались достаточно важные для страны, а иногда и для всего мира решения. Так, на XXIII съезде КПСС, который проходил весной 1966 года, было принято решение о восстановлении прежних наименований: Политбюро ЦК КПСС вместо президиума и Генерального секретаря вместо первого. Акт сугубо символический, мало что менявший не только в институциональном, но даже и в персональном плане. Окончательного разрыва с хрущевским наследием в партийном строительстве и восприятии облика партии не произошло. Помимо этого в уставе партии был восстановлен параграф о возможности созыва партконференций – шаг к демократизации партийного режима (свою роль он выполнит в годы «перестройки»). Среди хозяйственных решений XXIII съезда следует отметить не только принятие директив по VIII пятилетнему плану, но и меры в социальной сфере. Это, прежде всего, снижение налогов

на зарплату и увеличение пенсий. Эти меры коснулись практически всех жителей СССР.

Следующий, XXIV съезд правящей партии состоялся весной 1971 года. Именно на этом съезде была выдвинута и обоснована громко прозвучавшая за рубежом Программа мира. Ее последовательная реализация Советским Союзом способствовала серьезному потеплению атмосферы международных отношений. Тогда же в качестве основного вектора внутренней политики провозглашается курс на повышение благосостояния советских граждан, который теперь определял не только базовые показатели IX пятилетки, но и «общую ориентацию хозяйственного развития страны на длительную перспективу». Кроме того, на съезде было принято решение об обмене партийных билетов. Делегаты одобрили новый вид партбилета. На красной книжице изображался портрет В. И. Ленина, который дополняла его знаменитая фраза «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». С этого времени появляется целая серия анекдотов и скабрёзностей, в которых обыгрывалось это утверждение вождя...

В начале 1976 года Москва принимала делегатов XXV – в своем роде юбилейного – съезда КПСС. В советских СМИ он освещался с особым размахом. Благо к тому времени телевизоры были уже почти в каждой советской семье, а некоторые семьи начали обзаводиться вторым телевизором, причем некоторые – цветным. Впрочем, трансляции и репортажи со съезда далеко не во всех случаях могли рассчитывать на тот эффект, который от них ждали. К тому времени стоящие во главе государства старцы начали восприниматься все более критически. Так что на съезде было бы важно придать динамизм и большую осмысленность поступательному развитию страны. Однако вместо этого съезд пошел по пути самовосхваления: в его документах было отмечено «возрастание руководящей роли Коммунистической партии в развитии социалистического общества». В контексте такого-рода «теоретических новаций» конкретные планы роста материального производства и благополучия граждан (притом весьма внушительные) отдавали формализмом и мало кого вдохновляли.

Последний «застойный» съезд пришелся на начало 1981 года. На нем шла речь о том, что в том момент волновало в нашей стране многих, а именно о готовой взбунтоваться Польша. Партийные делегаты вполне отражали настроения пассионарной части молодежи, когда записывали в своей резолюции: «братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим!». XXVI съезд проходил в самой сложной хозяйственной ситуации за весь брежневский период. Поэтому на нем прозвучали слова о недостатках в управлении экономикой, планировании и реализации своих же планов. Но что это было: ритуальное самобичевание или предвестие действительных перемен?

На уровне республик краев и областей существовали свои партийные организации. Они проводили собственные съезды и конференции, готовились к проведению всесоюзных съездов и потом выполняли принятые наверху решения. Партийная вертикаль доходила до самого низа. Поскольку первичную партийную организацию могли создавать уже три человека, партийные организации действовали практически на всех предприятиях и в учреждениях. Рядовые коммунисты чаще всего никогда в жизни не попадали ни на проходившие в Москве партийные съезды, ни в саму Москву. Но жить им это не мешало. Иногда обременительными казались посещение заводских, вузовских и других партийных мероприятий. Многие предпочли бы их посещению времяпрепровождение с семьей или друзьями. Но большинство понимало важность соблюдения ритуалов и не роптало.

Очень часто покладистость рядовых коммунистов оказывалась вознаграждена, и, казалось бы, напрочь заформализованные, официальные мероприятия живо расцветались по-настоящему бурными обсуждениями вопросов, волновавших в те годы население страны более всего. Особенно часто это случалось в тех коллективах, в которых трудились неравнодушные люди. Для них партсобрания всегда давали шанс решить какую-нибудь наиболее острую проблему, касающуюся лично их или всего предприятия. А вот начальники разных рангов партсобраний, случалось, побаивались и не любили. И неслучайно – любой коммунист на них мог встать и, что называется, «ударить по штабам» «критикой снизу» – доходило и до потери кресел. В семидесятые годы главным было желать что-то сделать, чего-то достичь. А уж пути к успеху рано или поздно находились.

Свою важную роль в советской политической системе, помимо КПСС, играли также комсомол и профсоюзы. В их работе также переплетались формализм и самая неподдельная

заинтересованность, энтузиазм. Сегодня существует мнение, что формализма было больше: раз ВЛКСМ объединял всю молодежь, а профсоюзы – всех работавших (т. е. всю взрослую часть населения страны), то это автоматически превращало их в неповоротливых мастодонтов. Уверен, что эти оценки – плод собственного неудачного жизненного опыта критикующих. Конечно, многим в те годы хотелось чего-то более динамичного, нового. Но это желание у большинства из них не входило ни в какой диссонанс с живущим в молодежи чувством сопричастности со страной и со своим временем. А еще каждый юноша и каждая девушка могли спокойно смотреть в будущее: уверенность в завтрашнем дне являлась ключевой частью самооценки почти что каждого молодого человека в СССР.

Официальная политическая структура советского общества (о «неофициальной» мы еще поговорим) была прописана в главном законе страны. В 1977 году принимается очередная Конституция СССР, ее уже в те годы некоторые острословы называли Брежневской. Брежнев действительно приложил руку к ее созданию. Однако впервые о необходимости серьезной конституционной реформы заговорили еще после окончания Великой Отечественной войны при Сталине, а потом при Хрущеве. Хрущев предполагал законодательно обозначить курс на строительство коммунизма. Поэтому в окончательный вариант проекта, обсужденный летом 1964 г., вошло много идеологических положений, лежавших в основе хрущевской политики. В частности, в ней говорилось о предстоящем слиянии всех форм собственности в единую коммунистическую, о возрастании руководящей и направляющей роли партии, о марксизме-ленинизме как идеологической основе советского строя. Кроме того, в новой Конституции необходимо было решить и некоторые «технические» вопросы. Например, потребовалось создать новый гимн – прежний не только слишком прямо ассоциировался со сталинским временем, но и содержал слова о Сталине. После выноса тела Сталина из Мавзолея, гимн стали исполнять без текста. Шутники сразу же прозвали советский гимн песней без слов. А еще шутили, что слово из песни все же выкинуть можно, при условии, что это слово – «Сталин».

Политическая смерть Хрущева временно прервала работу над Конституцией. Но идея осталась. Теперь уже новый партийный лидер стремился закрепить свое место в истории. Так Конституция 1977 года стала Брежневской. Главным ее отличием от так и не родившейся «хрущевской» Конституции становится смена идеологических ориентиров. Вместо хрущевского «коммунизма в 1980 году» в ней позиционируется брежневский «развитой социализм». Работа над новым вариантом Основного закона оживает в 1976 г. по решению проходившего тогда XXV съезда КПСС. В мае 1977 г. Пленум ЦК КПСС одобрил подготовленный Конституционной комиссией проект Основного закона. Опираясь на решения пленума. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о вынесении проекта на всенародное обсуждение. Во всенародном обсуждении проекта Конституции приняло свыше 140 млн человек, т. е. 80 % взрослого населения страны. Обсуждение велось на предприятиях, в институтах, органах управления, по месту жительства. Несмотря на элементы формализма, обсуждение проекта Конституции вызвало оживление политической активности населения, о чем свидетельствует поток писем от граждан, направлявшихся в самые разные партийные и государственные инстанции с предложениями и оценками проекта. В общей сложности в ходе обсуждения было получено около 400 тыс. предложений, многие из них были учтены при доработке Конституции.

Новый Основной закон 1977 г. провозглашал основой социального строя, существующего в стране, общенародную собственность. Соответственно государство, существовавшее в СССР, определялось как социалистическое, общенародное, призванное выражать волю и интересы рабочих, крестьян, интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны. Так же как и во всех предшествующих советских конституциях. Конституция 1977 г. в качестве политической основы государства закрепляла Советы, но теперь они получали название Советов народных депутатов. По мысли авторов новой Конституции, это название должно было символизировать построение в СССР общенародного государства. В отличие от предшествующей конституционной практики, новая Конституция более подробно раскрывала устройство политической системы советского общества, включавшей в себя теперь не только государственные органы и общественные организации, но и трудовые коллективы. Ядром

советской политической системы 6 статья «брежневской» Конституции провозглашала КПСС, что вызвало критику уже со стороны современников.

В новом Основном законе продолжалась прежняя линия развития советского конституционного права на последовательное расширение прав граждан. К прежним правам были добавлены право на бесплатное медицинское обслуживание всех без исключения граждан СССР, право на предоставление бесплатного жилища, право на свободное пользование достижениями культуры и др. С одной стороны, это позволяло человеку чувствовать свою защищенность, вселяло уверенность в завтрашнем дне. Но с другой стороны, у многих возникали иждивенческие настроения по отношению к государству. Социальные блага, которые гарантировал советский строй, такие как охрана материнства и детства, бесплатное образование и медицина, труд по избранной специальности, пенсионное обеспечение, и многие другие воспринимались уже не как следствие сознательного исторического выбора прежних поколений и социального устройства, а как нечто само собой разумеющееся, естественное, данное человеку от рождения и неотчуждаемое ни при каких условиях. Подобные настроения были чреватые ростом общественной пассивности, сыграли усыпляющую роль в период т. н. «перестройки».

Расширяла Конституция 1977 г. также политические права советских граждан, среди которых могут быть названы право участвовать в управлении государственными и общественными делами, вносить предложения в государственные органы, свободно критиковать недостатки в их деятельности. Впервые в практике советского конституционного законодательства в Конституции 1977 г. непосредственно закреплялся принцип социалистической законности в качестве одного из основных принципов деятельности не только самого государства и его органов, но и всех должностных лиц. В связи с этим, также впервые, новая Конституция предусматривала право граждан обжаловать действия любых чиновников, повинных в нарушении гражданских прав, через суд.

Как видим, даже на официальном уровне политическая жизнь в Советском Союзе была бурной и многоцветной. Люди разных социальных статусов и жизненных позиций участвовали в работе многочисленных общественных организаций, оказывали давление или просили помощи у партийных, государственных и хозяйственных органов. Чрезвычайно красноречив факт заинтересованного обсуждения гражданским обществом проекта Конституции страны. При этом в СССР политическая жизнь выходила далеко за пределы тех рамок, которые регулировались государством и уставами общественных организаций. Многие формы политического активизма в нашей стране были непривычны и непонятны западным специалистам, поэтому просто не замечались и не фиксировались ими. Однако за парадным фасадом советской политической системы кипели нешуточные страсти, велась ожесточенная политическая борьба.

Многое из того, что происходило за кулисами видимой власти в СССР сегодня стало доступно историкам. В частности, в наши дни можно в общих чертах изучить процессы распределения и перераспределения высшей власти после отставки Хрущева. На этой, прежде невидимой, но от того не менее значимой стороне советской действительности 1964–1982 годов стоит остановиться подробнее, поскольку само по себе устранение от власти непопулярного в стране лидера автоматически еще не вело к стабилизации в верхах. Прежде, чем советская верхушка вновь смогла консолидироваться вокруг единого руководителя, которым в дальнейшем станет Брежнев, ей вновь пришлось пережить несколько продолжительных этапов острой борьбы за власть, поскольку среди участников смещения Хрущева не было единства по многим ключевым вопросам внутренней и внешней политики. И хотя сразу же после отставки Хрущева принцип «стабильности» был провозглашен важнейшим и в кадровой политике, существовавшие противоречия привели к острому соперничеству в высших эшелонах партийной и государственной власти.

Сторонники прежнего советского лидера в развернувшихся баталиях на равных участвовать не могли. Видимо поэтому еще продолжительное время многие из них, что называется, «оставались на плаву». Например, ближайший соратник Хрущева Микоян на высшем государственном посту страны Советов (на посту Председателя Верховного Совета СССР) продержался до 1965 года, когда его, наконец, заменил один из ключевых деятелей

антихрущевской оппозиции Н. Подгорный. Личная выдвиженка и любимица Хрущева Е. Фурцева сохранит пост министра культуры до самой своей смерти в 1974 году. По-настоящему упорная борьба велась исключительно в стане победителей. Речь шла о том, кто и как будет определять генеральную линию партии и политический курс всей страны.

Формально высшая власть октябрьским Пленумом ЦК КПСС 1964 года была передана Брежневу и Косыгину. Брежнев получил пост первого секретаря ЦК КПСС, а Косыгин возглавил союзное правительство. Однако наиболее сильные позиции в новом руководстве первоначально занимала сплоченная группа руководителей, сделавших в 1940–1950-е гг. карьеру в комсомоле. Центральной фигурой в этой группе являлся А. Шелепин, возглавлявший Комитет партийно-государственного контроля. Шелепин считался сторонником русской линии в руководстве партии и крутых мер по оживлению социально-экономического развития страны. Сегодня его роль в становлении «русской партии» в советском руководстве оспаривается, вместе с тем, как раз его усиление самым прямым образом сказалось на оживлении деятельности «группы Павлова», которую возглавлял новый первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов. В своей борьбе с позиций патриотизма и державности против либеральных «Нового мира» и «Юности» «павловцы» получали поддержку как раз от Шелепина и его сторонников.

Часто приходится слышать, что именно А. Шелепин, занимая ответственные посты в структуре власти начала 1960-х гг. и опираясь на поддержку своего товарища по комсомолу Председателя КГБ В. Семичастного, а также других высокопоставленных единомышленников, оказался центральной фигурой антихрущевской команды. Решая первостепенную для них задачу смещения Хрущева, члены «комсомольской группировки» (как их нередко называют в исторической литературе) согласились на фигуру Брежнева в качестве преемника Хрущева на посту руководителя партии лишь ради достижения компромисса, ибо Брежнева они рассматривали как фигуру промежуточную. «Слишком торопились», – объяснит потом их выбор Косыгин. Вместе с тем, недооценив важность контроля над партаппаратом, Шелепин и Семичастный совершили ту же ошибку, что и Маленков и Берия в период борьбы за власть с Хрущевым. В свою очередь, Брежнев, опираясь именно на партийный аппарат, начал активно укреплять собственные позиции и в конце концов оказался сильнее своих соперников.

Осторожно маневрируя, Брежнев, слывший умеренным либералом, сумел поставить дело таким образом, что конфликты в Политбюро в те годы не приобретали выраженный политический оттенок. Своих соперников он вытеснял постепенно, под различными сугубо рабочими предложениями, без выдвижения каких-либо политических формулировок. Так, сторонник А. Шелепина, секретарь Московской партийной организации Н. Егорычев был удален со своей должности в 1967 г. за неосторожные критические замечания в адрес организации противовоздушной обороны столицы. Семичастного убрали с высокого поста в том же 1967 г., под тем предлогом, что он не сумел воспрепятствовать бегству за границу дочери Сталина С. Аллилуевой. На посту председателя КГБ его заменил «лояльным» по отношению к Брежневу Ю. Андроповым. Сам Семичастный по этому поводу писал: «Как я узнал позже, Брежнев решил использовать этот момент (бегство Светланы Аллилуевой. – *Ред.*) для осуществления своих давних планов – освободить меня от должности председателя КГБ (а вместе со мною убрать и других неугодных ему бывших комсомольских вожаков). Вначале он обработал Подгорного и получил его согласие, затем вдвоем они стали «давить» на Косыгина.

Тот долго сопротивлялся. Чем только не пугали Косыгина: и «теневым кабинетом», и возможным переворотом. Наконец уломали и его. Суслов, как всегда, присоединился к «тройке»: у нас с ним всегда были натянутые отношения...».

Дольше всего Брежнев избегал открытого столкновения с Шелепиным, вследствие чего тот был выведен из состава Политбюро лишь в середине 1970-х гг. Однако отстранение Шелепина от реальных рычагов власти Брежнев начал готовить заранее. Так, уже в 1965 г. А. Шелепин лишился своего главного козыря – поста председателя Комитета партийно-государственного контроля. Одновременно с этим Шелепин потерял пост заместителя Предсовмина, который прежде он занимал по должности, как руководитель КПК. При этом Брежневу удалось обставить смещение Шелепина так, что это не вызвало ни у кого никаких подозрений и активного сопротивления: 6 декабря 1965 г. Пленумом ЦК КПСС (конечно же в целях повышения демократии и «привлечения к делу контроля широких масс

коммунистов и беспартийных»)!) органы партийно-государственного контроля были преобразованы в органы народного контроля с существенно меньшими полномочиями. Новую структуру должен был возглавить другой человек. Поражение «группы Шелепина» в партийном руководстве привел сперва к ослаблению, а затем и разгрому «группы Павлова» в руководстве комсомола (С. Павлов покинул свой пост в 1968 г., вместо него первым секретарем ЦК ВЛКСМ стал Е. Тяжельников).

Поражение «группы Шелепина» имело два серьезных последствия для политического развития страны. Во-первых, оно означало отказ руководства страны от продолжения национал-большевистской политики первых послевоенных лет. Власть отныне сосредотачивалась в руках центристов. Во-вторых, и это было куда опаснее, разгром «шелепинцев» и близких к ним молодежных лидеров означал отстранение от выработки политических решений молодых, опытных руководителей. В итоге в политическое небытие ушло целое поколение перспективных лидеров, а разрыв между «старой гвардией» и «новой порослью», возникший после победы триумvirата Берии – Маленкова – Хрущева, стал еще глубже. Стабильность в настоящем покупалась за счет возможности динамично развиваться в будущем.

На проходившем весной 1966 г. XXIII съезде КПСС вместо поста первого секретаря вводится пост Генерального секретаря ЦК КПСС, на который был избран Л. Брежнев. Но хотя статус занимаемого Брежневым поста существенно повышался, о единоличном его лидерстве речи еще не шло. Из 11 членов Политбюро, избранного XXIII съезде, новый генсек мог рассчитывать на безусловную поддержку только троих: А. Кириленко, А. Пельше и Д. Полянского. В некоторых вопросах с Брежневым могли блокироваться М. Сулов, Ю. Андропов, а также потерявший свое влияние и поэтому нуждающийся в союзниках А. Шелепин. Кроме того, опорой Брежнева становится его старый товарищ по работе в Молдавии К. Черненко, который в 1965 г. был назначен заведующим общим отделом ЦК КПСС. Опытный аппаратчик, он готовил материалы к заседаниям Политбюро с таким расчетом, чтобы максимально способствовать прохождению вопросов в ключе, выгодном Генеральному секретарю. В то же время в борьбе за лидерство в партии Брежневу противостояли такие сильные самостоятельные фигуры, как А. Косыгин и Н. Подгорный. Особенно большим авторитетом пользовался глава правительства Косыгин. Его экономические начинания снискали ему славу сильного хозяйственника и решительного реформатора.

До определенного момента Брежнев внешне не стремился к лидерству в определении экономического курса страны, признавая в этой сфере авторитет Косыгина. Поэтому когда в 1969 г. он начинает открыто критиковать положение дел в народном хозяйстве, это вызвало протест со стороны некоторых старых членов Политбюро. Однако к этому времени Брежневу удалось, как в свое время Хрущеву, упрочить свои отношения с военными. Тем самым, трения, обозначившиеся между Брежневым и его соперниками, оказались урегулированы в интересах генсека. К началу 1970-х гг. позиции Брежнева становятся самыми крепкими в Политбюро. На вершину власти Брежнев поднимает таких функционеров, как Ф. Кулакова, М. Соломенцева и др. На должность заведующего отделом науки ЦК КПСС назначается С. Трапезников. С. Цвигун получает назначение на пост заместителя председателя КГБ. МВД возглавит близкий Брежневу Н. Щелоков. Поскольку многие новые выдвиженцы работали с Брежневым еще в бытность руководства им Днепропетровской и Молдавской партийными организациями, его команда получит название «днепропетровской группировки».

Очередной шаг по усилению своей власти Брежнев делает в 1971 г. на XXIV съезде КПСС, на котором состав Политбюро был расширен с 11 до 15 человек. В 1973 г. в него вошли явные сторонники Брежнева либо деятели, не принадлежащие ни к каким группировкам: министр обороны А. Гречко, министр иностранных дел А. Громыко, председатель КГБ Ю. Андропов. Из состава Политбюро удаляются реальные или мнимые противники Брежнева: в 1971 г. по обвинению в коррупции был выведен глава грузинских коммунистов В. Мжаванадзе, в 1973 г. – Шелест, который обвинялся в национализме, в 1975 г. – А. Шелепин, а в 1976 г. – Д. Полянский. В 1977 г. из Политбюро вывели Н. Подгорного, лишившегося так же поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Этот высший государственный пост переходит к самому Брежневу. Наконец, в 1978 г. из Политбюро был выведен последний

сторонник Косыгина К. Мазуров, а в октябре 1980 г. с постов члена Политбюро и Председателя Совета министров удаляется сам А. Косыгин. Вместо него главой правительства СССР назначается сторонник Брежнева Н. Тихонов.

Внешне рубеж 1970–1980-х гг. становится временем наивысшего усиления Л. Брежнева как лидера СССР. Советская пресса усиленно создавала ему имидж «выдающегося политика», «деятеля ленинского типа». За годы пребывания у власти Брежнев 114 раз награждался высшими государственными наградами СССР. Среди его наград 4 Золотые звезды Героя Советского Союза, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, Орден Победы, многие другие ордена и медали. Кроме того, Брежнев награждался высшими наградами Польши, Венгрии, ГДР и других государств. Его огромные портреты украшали улицы городов и поселков Советского Союза, страницы центральных и местных газет. Однако, в действительности, начиная с 1976 г. власть Брежнева начинает ослабевать, что было связано с резким ухудшением здоровья советского лидера.

Рост недееспособности лидера провоцировала переход борьбы за власть в новую фазу. Основная линия ее развития становится все более определенной. Удаление из советского истеблишмента национально мыслящих лидеров неизбежно вело к дрейфу советской верхушки к западничеству и либерализму безотносительно к тому, в чем это конкретно выражалось: в косыгинской экономической реформе, уступках в идеологической сфере или конформизме на международной арене. Пораженческие настроения, проникшие в высшие эшелоны власти в СССР, рано или поздно должны были привести к появлению политиков, спекулирующих на них ради удовлетворения собственных интересов, идущих в разрез с интересами общества.

Не только правящая партия, но и само советское общество было ареной политической борьбы, которая нарастала по мере ослабления государства. Неудовлетворенность части советского общества происходящим в стране способствовала развитию диссидентского движения. Большую роль в развитии движения инакомыслящих сыграли реабилитированные после XX съезда, а так же потомки репрессированных при Сталине видных партийных деятелей – неширокая, но политические опытная прослойка советского общества. Среди наиболее значимых диссидентских организаций в эти годы действовали Инициативная группа защиты прав человека в СССР, Комитет прав человека в СССР, Революционная партия интеллектуалистов Советского Союза, Союз борьбы за возрождение ленинизма, Союз борьбы за демократические права, Московская Хельсинская группа и другие. В их деятельности в первую очередь участвовали деятели науки, искусства, литературы, а так же студенческая молодежь, рабочие, отдельные представители номенклатуры и офицерства. Вместе с тем, общая численность диссидентского движения была крайне невелика: по оценкам, принадлежащим самим диссидентским авторам – не более 10 тыс., в то время как по подсчетам современных историков – менее тысячи человек. К числу знаковых фигур в диссидентстве могут быть отнесены академик А. Сахаров и писатель А. Солженицын, в работах которых идеология диссидентства получила свое наиболее полное и комплексное отражение.

Преимущественно диссидентское движение развивалось в мирных формах, но случались и отдельные вооруженные выступления, террористические акты. Так, 22 января 1969 г. было совершено покушение на Брежнева. Как выяснилось позднее, покушавшимся оказался офицер Советской Армии. Переодевшись в милиционерскую форму брата, он встал в оцепление у Боровицких ворот Московского Кремля, через которые в тот день должен был проезжать Брежнев. Когда машина поравнялась с ним, покушавшийся выхватил два пистолета и открыл стрельбу по сидевшим в правительственной «чайке». Прежде, чем его схватили, он успел выпустить все патроны, смертельно ранив водителя. По чистой случайности Брежнев изменил свой маршрут и въехал в Кремль через Спасские ворота, что и спасло ему жизнь. Покушавшийся не был привлечен к ответственности, пройдя курс лечения в психиатрической больнице, через несколько лет он был отпущен.

Летом 1970 г. группа в 12 человек совершила попытку захвата самолета для вылета в Израиль. 8 января 1977 г. группой армянских националистов был организован взрыв в московском метро. Самым известным инцидентом стал мятеж, поднятый в 1975 г. в дни празднования 58 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции заместителем командира по политической части (замполитом) одного из новейших на Балтике

противолодочных кораблей «Сторожевой». Долго вынашиваемый план состоял в следующем: привести боевой корабль в Ленинград, колыбель революции, встать рядом с легендарной «Авророй» и потребовать предоставить телеэфир для обращения к народу. Как альтернатива рассматривалась возможность вывести корабль за пределы территориальных вод СССР, и оттуда обратиться к народу, раскрыть ему глаза на происходящее в стране. Попытка уйти в нейтральные воды успехом не увенчалась – корабль был возвращен в советские территориальные воды, команду корабля арестовали. После следствия и суда, инициатор мятежа был лишен воинского звания и наград, и приговорен к расстрелу. Однако все остальные 6 офицеров и 11 мичманов, принимавших участие в захвате корабля, никакого наказания не понесли. Заведенные против них дела очень скоро были прекращены.

Диссидентское движение в те годы было неоднородным. Современная историография выделяет в нем несколько течений. Прежде всего, это правозащитное движение, начало которому было положено в 1968 г., когда в Москве 7 представителей столичной интеллигенции вышли на Красную площадь в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию. Далее в литературе называются различные религиозные группировки (в которые входили приверженцы всякого рода тоталитарных сект и нетрадиционных для народов России религиозных сект таких, как евангелисты, адвентисты, баптисты и проч.). Особенно массовым течением диссидентства являлись разного рода сепаратистские движения, которые ставили своей целью разделение народов СССР по национальным квартирам. Свообразным явлением в диссидентстве становится возникновение объединений, декларирующих необходимость возвращения к подлинным социалистическим или даже коммунистическим ценностям.

Кроме того, некоторые авторы отдельным направлением диссидентства называют так называемое русское освободительное движение, в которое объединяют деятелей от национал-большевистской до православно-монархической ориентации. Такой подход разделяется далеко не всеми, поскольку диссидентское движение, несмотря на некоторые нюансы в идеологии отдельных входивших в него групп, ориентировалось, прежде всего, на ценности «свободного мира» и было направлено на слом советского образа жизни. В этом контексте движение русского возрождения не только не правомерно относить к диссидентству, его следует квалифицировать как прямо противоположное ему, а именно как охранительное движение. Неслучайно основными формами деятельности представителей патриотического лагеря были сугубо охранительные: охрана и реставрация памятников старины, борьба за чистоту русского языка, воспитание молодежи в духе гордости за свое национальное историческое наследие и т. д. Тем самым, объективно рост национального самосознания в широких кругах русской интеллигенции способствовал укреплению советского государства, хотя и предполагал ревизию многих отживших свой век пропагандистских клише и стереотипов.

Таким образом, мы убедились, что политическая жизнь СССР в 1964–1982 годах ни в коей мере не может быть описана в терминах застоя и тоталитаризма. Это, конечно, не отменяет того факта, что отдельные политические изменения в стране запаздывали, рост гражданской активности не всегда дополнялся, а иногда искусственно сдерживался костными политическими институтами. Постепенно разрастался опасный разрыв между официальной псевдореволюционной риторикой и направленностью реальных шагов тех, кто оказался во главе партии и государства. В этом, как представляется, крылась одна из важнейших предпосылок поражения Советского Союза в холодной войне и его упразднения победившей стороной. Кроме того, к концу изучаемого периода явно наметилась пагубная тенденция перерождения высшего руководства страны в своеобразную «геронтократию» – средний возраст членов Политбюро к началу 80-х составлял 70 лет. Однако эти и другие проблемы, стоявшие перед СССР, не носили антагонистического характера и могли быть преодолены с опорой на собственные силы. Удастся ли это сделать, зависело и от позиции всего общества, и от выбора, который предстояло сделать советскому руководству в середине 1980-х годов.

Документальное приложение № 2

Документ № 1. «Записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС о реабилитации лиц, привлеченных по так называемому делу о врачах-вредителях»

1 апреля 1953 г.

Совершенно секретно т. Маленкову Г.М.

В 1952 году в Министерстве государственной безопасности СССР возникло дело о так называемой шпионско-террористической группе врачей, якобы ставившей своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям советского государства. Делу этому, как известно, было придано сенсационное значение и еще до окончания следствия было опубликовано специальное сообщение ТАСС, сопровождаемое редакционными статьями «Правды», «Известий» и других центральных газет.

Ввиду особой важности этого дела Министерство внутренних дел СССР решило провести тщательную проверку всех следственных материалов. В результате проверки выяснилось, что все это дело от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя Министра государственной безопасности СССР РЮМИНА. В своих преступных карьеристских целях РЮМИН, будучи еще старшим следователем МГБ, в июне 1951 года под видом незаписанных показаний уже умершего к тому времени в тюрьме арестованного профессора ЭТИНГЕРА сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей. Это и положило начало провокационному «делу о врачах-вредителях».

Для придания правдоподобности своим измышлениям РЮМИН использовал заявление врача ТИМАШУК, поданное ею еще в 1948 году в связи с лечением А. А. ЖДАНОВА, которое было доложено И. В. СТАЛИНУ и тогда же направлено им в архив ЦК ВКП(б).

Встав на преступный путь обмана ЦК ВКП(б) и таким путем продвинувшись на пост заместителя Министра и начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, РЮМИН принял все меры к тому, чтобы как можно больше раздуть это дело. Нужно отметить, что в Министерстве государственной безопасности он нашел для этого благоприятную обстановку. Все внимание Министра и руководящих работников Министерства было поглощено «делом о врачах-вредителях». Заручившись на основе сфальсифицированных следственных материалов санкцией И. В. Сталина на применение мер физического воздействия к арестованным врачам, руководство МГБ ввело в практику следственной работы различные способы пытки, жестокие избиения, применение наручников, вызывающих мучительные боли, и длительное лишение сна арестованных.

Не брезгуя никакими средствами, грубо попирая советские законы и элементарные права советских граждан, руководство МГБ стремилось во что бы то ни стало представить шпионами и убийцами нив чем не повинных людей – крупнейших деятелей советской медицины. Только в результате применения подобных недопустимых мер удалось следствию принудить арестованных подписать продиктованные следователями измышления о якобы применяемых ими преступных методах лечения видных советских государственных деятелей и о несуществующих шпионских связях с границей.

Для того, чтобы придать доказательность полученным таким путем «признаниям» арестованных, следствию удалось сфальсифицировать заключение врачебной экспертизы по методам лечения, примененным в свое время к А. С. ЩЕРБАКОВУ и А. А. ЖДАНОВУ. В этих целях следствие включило в состав экспертной комиссии врачей-агентов МГБ и утаило от экспертов некоторые существенные стороны лечебной процедуры.

Бывший Министр государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВ не оказался на высоте своего положения, не обеспечил должного контроля за

следствием, шел на поводу у РЮМИНА и некоторых других работников МГБ, которые, пользуясь этим, разнузданно истязали арестованных и безнаказанно фальсифицировали следственные материалы.

Так было сфабриковано позорное «дело о врачах-вредителях», столь нашумевшее в нашей стране и за ее пределами и принесшее большой политический вред престижу Советского Союза.

Зачинщик этого дела РЮМИН и ряд других работников МГБ, принимавших активное участие в применении незаконных методов следствия и фальсификации следственных материалов, арестованы.

Постановление специальной следственной комиссии с подробным изложением результатов проверки материалов следствия по этому делу прилагается. Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

1) всех привлеченных по этому делу к ответственности и незаконно арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить:

2) привлечь к уголовной ответственности бывших работников МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов:

3) опубликовать в печати специальное сообщение:

4) рассмотреть вопрос об ответственности бывшего Министра государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВА С. Д.

Министерством внутренних дел СССР приняты меры, исключающие впредь возможность повторения подобных извращений советских законов в работе органов МВД.

Л. Берия

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 23.

Документ № 2. Постановление Президиума ЦК КПСС о фальсификации так называемого дела о врачах-вредителях

3 апреля 1953 г.

1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР:

а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях», в количестве 37 человек:

б) о привлечении к уголовной ответственности работников б[ывшего] МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов.

2. Утвердить прилагаемый текст сообщения для опубликования в центральной печати.

3. Предложить б[ывшему] Министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С. Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов.

4. Принять к сведению сообщение тов. Л. П. Берия о том, что Министерством внутренних дел СССР проводятся меры, исключаяющие возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД.

5. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л. Ф. как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами.

6. Внести на утверждение Пленума ЦК КПСС следующее предложение Президиума ЦК КПСС:

«Ввиду допущения т. Игнатьевым С. Д. серьезных ошибок в руководстве быв. Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление его на посту секретаря ЦК КПСС».

7. Настоящее постановление вместе с письмом тов. Берия Л. П. и постановлением специальной следственной комиссии МВД СССР разослать всем членам ЦК КПСС, первым секретарям ЦК Компартии союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС.

Президиум ЦК КПСС

Приложение

Сообщение Министерства внутренних дел СССР.

Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси М. С., профессор Виноградов В. Н., профессор Коган М. Б., профессор Коган Б. Б., профессор Егоров П. И., профессор Фельдман А. И., профессор Этингер Я. Г., профессор Василенко В. Х., профессор Гринштейн А. М., профессор Зеленин В. Ф., профессор Преображенский Б. С., профессор Попова Н. А., профессор Закусов В. В., профессор Шерешевский Н. А., врач Майоров Г. И. были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные

Вовси М. С., Виноградов В. Н., Коган Б. В., Егоров П. И., Фельдман А. И., Василенко В. Х., Гринштейн А. М., Зеленин В. Ф., Преображенский В. С., Попова Н. А., Закусов В. В., Шерешевский Н. А., Майоров Г. И. и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст.4 п.3 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 25.

Документ № 3. Решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики партии в западных областях Украины. Из постановления Президиума ЦК КПСС о политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР

26 мая 1953 г.

ЦК КПСС отмечает, что политическое положение в западных областях Украины продолжает оставаться неудовлетворительным.

Слабая работа местных партийных и советских органов, а также недостаточное руководство со стороны ЦК КП Украины привели к тому, что среди значительной части населения существует недовольство проводимыми на месте хозяйственными, политическими и культурными мероприятиями.

До сих пор не принимаются эффективные меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, которые получают низкие доходы, что в свою очередь снижает материальное благосостояние колхозников. При этом налоговая система в деревне осуществляется неправильно, без учета экономического состояния колхозов и сельского населения. О недовольстве среди местного населения свидетельствуют многочисленные письма жителей западных областей Украины. Только за три месяца 1953 года военной цензурой конфисковано около 195 тысяч писем, адресованных за границу из западных областей Украины, в которых содержатся отрицательные высказывания о действиях местных органов власти.

Серьезное недовольство населения западных областей Украины вызывают имеющиеся там факты грубого искривления ленинско-сталинской национальной политики. В руководящем партийно-советском активе кадры работников из западных украинцев составляют незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и из других республик Советского Союза. Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западно-украинского населения.

Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции. Например: из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западно-украинской интеллигенции принадлежат только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей директоров только один является западным украинцем.

Нужно признать ненормальным явлением преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке. Например, в Львовском торгово-экономическом институте все 56 дисциплин преподаются на русском языке, а в лесотехническом институте из 41 дисциплины на украинском языке преподаются только четыре. Аналогичное положение имеет место в сельскохозяйственном, педагогическом и полиграфическом институтах г. Львова. Это говорит о том, что ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей не понимают всей важности сохранения и использования кадров западно-украинской интеллигенции. Фактический перевод преподавания в западно-украинских вузах на русский язык широко используют враждебные элементы, называя это мероприятие политикой русификации.

Такое положение дел в западных областях Украины создает почву для подрывной работы врагов советской власти, особенно буржуазно-националистического подполья. Факты говорят о том, что это подполье несмотря на многолетнюю борьбу за его ликвидацию все еще продолжает существовать, а его банды продолжают терроризировать население.

ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей до сих пор не могут учесть, что борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, что беспорядочное применение репрессий

лишь вызывает недовольство населения и наносит вред делу борьбы с буржуазными националистами.

С 1944 по 1952 гг. в западных областях Украины подверглось разным видам репрессии до 500 тыс. человек, в том числе арестовано более 134 тыс. человек, убито более 153 тыс. человек, выслано навечно из пределов УССР более 203 тыс. человек. О явной неудовлетворительности проводимых мер борьбы с буржуазно-националистическим подпольем говорит тот факт, что около 8000 человек из молодежи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы ФЗО, перешло на нелегальное положение.

Все это говорит о явном неблагополучии дел в западных областях Украины, как результате недооценки ЦК КП Украины и Совмином Украинской ССР важного общегосударственного политического значения укрепления советской власти в этих областях.

ЦК КПСС постановляет:

1. Признать неудовлетворительным руководство ЦК КП Украины и Совета Министров УССР западными областями Украины.

2. Снять т. Мельникова Л. Г. с поста первого секретаря ЦК КП Украины как не обеспечившего руководства и отозвать его в распоряжение ЦК КПСС.

3. Рекомендовать первым секретарем ЦК КП Украины тов. Кириченко А. И., нынешнего второго секретаря ЦК КП Украины.

4. Внести на утверждение Пленума ЦК КПСС следующее предложение Президиума ЦК КПСС:

а) Вывести т. Мельникова Л. Г. из состава кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС.

б) Ввести в состав кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС т. Кириченко А. И.

5. Рекомендовать тов. Корнейчука А. Е. на пост первого заместителя Председателя Совета Министров Украинской ССР.

6. Считать одной из главных задач всей партийной организации Украины на ближайший период решительное оздоровление политического состояния западных областей Украины и обязать ЦК КП Украины и Львовский, Дрогобычский, Тернопольский, Станиславский, Волынский, Ровенский, Закарпатский, Измаильский и Черновицкий обкомы КП Украины провести коренную перестройку всей партийно-политической работы в западных областях Украины с тем, чтобы в ближайшее время добиться исправления отмеченных выше недостатков.

7. Обязать ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики нашей партии, с порочной практикой выдвижения на руководящую партийную и советскую работу в западных областях Украины преимущественно работников из других областей УССР и других республик Советского Союза, а также с недооценкой политического значения преподавания в вузах Западной Украины на украинском языке, серьезно улучшив дело подготовки и переподготовки кадров и смелее выдвигая работников из населения Западной Украины на руководящие посты в партийные, советские и хозяйственные органы. Потребовать от руководителей партийных и советских органов Украинской ССР добиться изжития огульного недоверия к западно-украинским кадрам.

8. Обязать ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей УССР бережно относиться к сохранению и использованию кадров западно-украинской интеллигенции, усилить среди нее воспитательную, идеологическую работу, смелее выдвигать ее лучших представителей на руководящие посты в учебных заведениях, а также в научных, культурных и других учреждениях.

9. Обеспечить наличие в руководящем составе ЦК КП Украины и в Правительстве Украинской ССР работников из западных украинцев.

10. Признать необходимым, в целях дальнейшего хозяйственного укрепления колхозов, развития их общественного хозяйства и повышения материального благосостояния колхозного крестьянства западных областей УССР, провести снижение норм по государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов и обязательным денежным платежам, прежде всего для колхозов горных и предгорных районов.

Обязать ЦК КП Украины и Совет Министров УССР представить на рассмотрение ЦК КПСС и Совета Министров СССР предложения по этому вопросу.

11. Обязать ЦК КП Украины, Совет Министров УССР и обкомы партии западных областей покончить с администрированием в работе, решительно пресекая произвол и беззакония, чинимые отдельными работниками в отношении населения, и широко развернуть массовую политическую и агитационно-разъяснительную работу.

12. Потребовать от ЦК КП Украины и Совета Министров Украинской ССР в ближайшее время добиться ликвидации в западных областях Украины буржуазно-националистического подполья. При осуществлении необходимых карательных мер в отношении действительных врагов советской власти не допускать перегибов, вызывающих справедливое недовольство широких слоев населения.

13. Поручить ЦК КП Украины в ближайшее время провести пленумы обкомов и горкомов КП Украины западных областей Украины, на которых обсудить данное Постановление ЦК КПСС и докладную записку тов. Л. П. БЕРИЯ, и разработать конкретные мероприятия по практическому осуществлению этого Постановления.

14. Учитывая общегосударственную важность вопроса о хозяйственном и политическом состоянии западных областей Украины, обязать ЦК КП Украины через шесть месяцев отчитаться перед Президиумом ЦК КПСС о выполнении данного Постановления ЦК КПСС.

15. Поручить тов. Кириченко А. И. на предстоящем пленуме ЦК КП Украины доложить о настоящем решении ЦК КПСС.

Президиум ЦК КПСС

Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 47–49.

Документ № 4. Из Постановления пленума ЦК КПСС о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия

7 июля 1953 г.

Заслушав и обсудив доклад тов. Маленкова Г. М. о преступных и антигосударственных действиях Берия, Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза устанавливает:

1. В связи со смертью И. В. Сталина весь буржуазный мир делал ставку на ослабление Советского государства, на раскол и разброд в руководстве нашей партии и государства, на ослабление связи партии с народом. Но эти расчеты врагов оказались опрокинутыми. Центральный Комитет партии за истекшие 4 месяца после кончины И. В. Сталина обеспечил бесперебойное и правильное руководство всей жизнью страны, проделал большую работу по сплочению партии и народа вокруг задач строительства коммунизма, укреплению экономической и оборонной мощи нашей Родины, по дальнейшему улучшению жизни рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей. [...]

4. Наша партия является организующей и вдохновляющей силой советского общества. В результате правильного руководства партии советский народ одержал всемирно-исторические победы в деле строительства коммунистического общества.

Однако и в деятельности нашей партии имеются существенные недостатки как на ряде участков хозяйственного строительства, так и в области коммунистического воспитания трудящихся.

Надо признать, что у нас имеются серьезные недостатки в деле соблюдения выработанных великим Лениным партийных норм, большевистских принципов партийного руководства. За многие годы у нас накопились значительные ненормальности в этой области. Ничем не оправданным является то, что только через 7 лет после окончания войны и через 13 лет после XVIII съезда был созван XIX съезд партии. По несколько лет не собирались пленумы Центрального Комитета партии. Длительное время Политбюро нормально не функционировало. Решения по важнейшим вопросам государственной работы и хозяйственного строительства нередко принимались без должного предварительного изучения и без коллективного обсуждения в руководящих партийных органах, как это предусмотрено Уставом партии. В результате таких ненормальностей не была обеспечена коллективность в работе, а также должная критика и самокритика. Наличие таких ненормальностей на деле приводило иногда к недостаточно обоснованным решениям и к понижению роли ЦК, как органа коллективного руководства партией.

В этой связи также следует признать ненормальным, что в нашей партийной пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. Это нашло свое выражение в том, что вместо правильного разъяснения роли Коммунистической партии, как действительной руководящей силы в строительстве коммунизма в нашей стране, партийная пропаганда сбивалась нередко на культ личности, что ведет к принижению роли партии и ее руководящего центра, к снижению творческой активности партийных масс и широких масс советского народа. [...]

5. Необходимо считаться с особенностью положения Коммунистической партии в системе Советского государства. Наша партия является единственной партией в стране, и притом ей безраздельно принадлежит руководящая роль в социалистическом государстве. Руководство партии является решающим условием крепости и незыблемости советского строя.

Вместе с тем необходимо понять, что монопольное положение партии имеет и свои теневые стороны, когда ослабляется революционная бдительность в наших рядах в отношении классового врага. Мы часто забываем, что враги, ловко маскируясь под коммунистов, пытались и будут пытаться проникать в ряды партии ради своих вражеских целей, ради карьеры и для проведения подрывной работы в качестве агентов империалистических держав и их разведок.

6. В этой связи Пленум ЦК считает необходимым обратить внимание партии на дело Берия, разоблаченного Президиумом ЦК, как агента международного империализма.

Как теперь видно, Берия, ловко маскируясь, различными карьеристскими махинациями втерся в доверие к И. В. Сталину. Преступная антипартийная и антигосударственная деятельность Берия, глубоко скрытая и замаскированная при жизни И. В. Сталина, после его кончины, когда враги Советского государства активизировали свою подрывную деятельность, начала раскрываться шаг за шагом. Обнаглев и распоясавшись, Берия в последнее время стал раскрывать свое подлинное лицо врага партии и советского народа.

В чем состояли преступные действия и вероломные замыслы Берия?

После смерти И. В. Сталина главной заботой Центрального Комитета и его Президиума была задача обеспечить единство в руководстве партии и правительства на основе марксистско-ленинских принципов для успешного решения коренных задач строительства коммунистического общества. Коварными интриганскими действиями Берия пытался разобщить и расколоть ленинско-сталинское руководящее ядро Нашей партии, дискредитировать руководящих деятелей партии и правительства каждого по отдельности, чтобы повысить свой собственный авторитет» и осуществить свои преступные антисоветские замыслы.

Добившись поста Министра внутренних дел СССР, Берия пытался использовать аппарат Министерства внутренних дел для того, чтобы развернуть свои преступные махинации по захвату власти. Как подлый провокатор и враг партии, он начал с того, что пытался поставить Министерство внутренних дел над партией и правительством, использовать органы МВД в центре и на местах против партии и ее руководства, против правительства СССР. Берия использовал охрану членов Президиума ЦК для шпионажа за руководителями партии и правительства. Им был установлен порядок обязательных докладов его агентов о том, где бывают руководители партии и правительства, с кем они встречаются; были организованы подслушивание и запись их [телефонных] разговоров и т. д.

Как теперь доказано, Берия восстанавливал работников МВД против партии, требовал от них, чтобы они считали себя независимыми от партии. [...]

Более того, Берия тайно от ЦК и правительства давал задания местным органам МВД, чтобы они контролировали партийные организации, фабриковали лживые материалы на партийных работников, а также на партийные и советские организации. Тех же честных коммунистов, работников МВД, которые считали неправильными эти антипартийные установки, Берия подвергал репрессиям. [...]

Преступно попирая требования Устава партии о подборе кадров по их политическим и деловым качествам, Берия выдвигал работников в Министерстве внутренних дел по признаку личной преданности ему, подбирая чуждых партии и подозрительных людей, в то же время изгонял из органов МВД работников, ранее посланных туда Центральным Комитетом и местными партийными организациями.

Как установлено фактами, Берия еще при жизни И. В. Сталина и в особенности после его кончины, под разными вымышленными предлогами всячески тормозил решение важнейших неотложных вопросов по укреплению и развитию сельского хозяйства. Теперь несомненно, что этот подлый враг народа ставил своей целью подрыв колхозов и создание трудностей в продовольственном снабжении страны.

Берия стремился различными коварными путями подорвать дружбу народов СССР – основу основ многонационального социалистического государства и главное условие всех успехов братских советских республик. Под фальшивым предлогом борьбы с нарушениями национальной политики партии, он пытался посеять рознь и вражду между народами СССР, активизировать буржуазно-националистические элементы в союзных республиках. [...]

7. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

а) Полностью одобрить своевременные и решительные меры, принятые Президиумом Центрального Комитета КПСС для ликвидации преступных антипартийных и антигосударственных действий Берия, как единственно правильные.

б) За предательские действия, направленные на подрыв Советского государства, исключить Л. П. Берия, как врага партии и советского народа, из членов

Коммунистической партии Советского Союза и предать суду.

[...] Наша партия должна извлечь из дела Берия политические уроки и сделать необходимые выводы для своей дальнейшей деятельности.

Первое. Необходимо укрепить партийное руководство во всех звеньях партии и государственного аппарата. Устранить сложившиеся за последние годы серьезные ненормальности в партийной жизни и методах партийного руководства. [...]

Второе. Необходимо исправить создавшееся за ряд лет неправильное положение когда Министерство внутренних дел фактически ушло из-под контроля партии. [...]

Третье. Необходимо во всей работе партийных и советских организаций всемерно повышать революционную бдительность коммунистов и всех трудящихся. [...]

Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 200–208.

Документ № 5. «Выселение народов – вопиющее попрание основных ленинских принципов национальной политики». Из доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС «О культе личности и его последствиях»

25 февраля 1956 г.

[...] Обратимся теперь к некоторым другим фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходне войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемых территорий всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то бы и их выселил. *(Смех, оживление в зале.)*

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение – как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям. [...]

Поучительным в этом отношении является также дело о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 года и в марте 1952 года решения ЦК КПСС. Эти решения принимались без обсуждения в Политбюро, Сталин сам диктовал эти решения. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов. На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств.

В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию.

Мы знаем, что в Грузии, как и в некоторых других республиках, в свое время были проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос, может быть, действительно в период, когда принимались упомянутые выше решения, националистические тенденции разрослись до таких размеров, что была угроза выхода Грузии из состава Советского Союза и перехода ее в состав турецкого государства? *(Оживление в зале, смех.)* [...]

Ясно, что в Грузии по мере развития экономики и культуры, роста социалистической сознательности трудящихся все больше исчезает почва, которой питается буржуазный национализм.

И как оказалось на самом деле, никакой националистической организации в Грузии не было. Тысячи ни в чем не повинных советских людей стали жертвами произвола и беззакония. И все это делалось под «гениальным» руководством Сталина – «великого сына грузинского народа», как любили называть грузины своего земляка. [...]

Следует также напомнить о «деле врачей-вредителей». (*Движение в зале.*) Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть, под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности) написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения. [...]

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М... 1991. С. 49–53.

Документ № 6. Из постановления Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.»

29 июня 1957 г.

Пленум Центрального Комитета; КПСС на заседаниях 22–29 июня 1957 года рассмотрел вопрос об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, образовавшейся внутри Президиума ЦК КПСС.

В то время, когда партия под руководством Центрального Комитета, опираясь на всенародную поддержку, ведет огромную работу по выполнению исторических решений XX съезда, направленных на дальнейшее развитие народного хозяйства и непрерывный подъем жизненного уровня советского народа, на восстановление ленинских норм внутрипартийной жизни, ликвидацию нарушений революционной законности, на расширение связи партии с народными массами, развитие советской социалистической демократии, на укрепление дружбы советских народов, проведение правильной национальной политики, а в области внешней политики – на разрядку международной напряженности в целях обеспечения прочного мира; и когда достигнуты уже во всех этих областях серьезные успехи, о которых знает каждый советский человек, – в это время антипартийная группа Маленкова, Кагановича и Молотова выступила против линии партии.

С целью изменения политической линии партии эта группа антипартийными, фракционными методами добивалась смены состава руководящих органов партии, избранных на Пленуме ЦК КПСС.

Это не стало случайностью.

В течение последних 3–4 лет, когда партия взяла решительный курс на исправление ошибок и недостатков, порожденных культом личности, и ведет успешную борьбу против ревизионистов марксизма-ленинизма как на международной арене, так и внутри страны, когда партией проведена большая работа по исправлению допущенных в прошлом извращений ленинской национальной политики, – участники раскрытой теперь и полностью разоблаченной антипартийной группы постоянно оказывали прямое или косвенное противодействие этому курсу, одобренному XX съездом КПСС. Эта группа по существу пыталась противодействовать ленинскому курсу на мирное сосуществование между государствами с различными социальными системами, ослаблению международной напряженности и установлению дружественных отношений СССР со всеми народами мира.

Они были против расширения прав союзных республик в области экономического и культурного строительства, в области законодательства, а также против усиления роли местных Советов в решении этих задач. Тем самым антипартийная группа противодействовала твердо проводимому курсу на более быстрое развитие экономики и культуры в национальных республиках, обеспечивающему дальнейшее укрепление ленинской дружбы между всеми народами нашей страны. Антипартийная группа не только не понимала, но и сопротивлялась мероприятиям партии по борьбе с бюрократизмом, по сокращению раздутого государственного аппарата. По всем этим вопросам они выступали против проводимого партией ленинского принципа демократического централизма.

Эта группа упорно сопротивлялась и пыталась сорвать такое важнейшее мероприятие, как реорганизация управления промышленностью, создание Совнархозов в экономических районах, одобренное всей партией и народом. Они не хотели понять, что на современном этапе, когда развитие социалистической промышленности достигло огромных масштабов и продолжает быстро расти при преимущественном развитии тяжелой индустрии, – необходимо было найти новые, более совершенные формы управления промышленностью, раскрывающие большие резервы и обеспечивающие еще более мощный подъем советской индустрии. Эта группа зашла настолько далеко, что даже после одобрения указанных мер в процессе всенародного обсуждения и последующего принятия Закона на сессии Верховного Совета СССР – она продолжала борьбу против реорганизации управления промышленностью.

По вопросам сельского хозяйства участники этой группы обнаружили непонимание новых назревших задач. Они не признавали необходимости усиления материальной заинтересованности колхозного крестьянства в расширении производства продуктов сельского хозяйства. Они возражали против отмены старого, бюрократического порядка планирования в колхозах и введения нового порядка планирования, развязывающего инициативу колхозов в ведении своего хозяйства, что дало уже свои положительные результаты. Они настолько оторвались от жизни, что не могут понять реальной возможности, позволяющей в конце этого года отменить обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с дворов колхозников. Проведение этой меры, имеющей жизненное значение для миллионов трудящихся Советской страны, стало возможным на основе большого подъема общественного животноводства в колхозах и развития совхозов. Участники антипартийной группы вместо поддержки этой назревшей меры выступили против нее. Они вели ничем не оправданную борьбу против активно поддержанного колхозами, областями, республиками «призыва партии – догнать в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения. Тем самым участники антипартийной группы продемонстрировали барски пренебрежительное отношение к насущным жизненным интересам широких масс и свое неверие в огромные возможности, заложенные в социалистическом хозяйстве, в развернувшееся всенародное движение за ускоренный подъем производства молока и мяса.

Нельзя считать случайным, что участник антипартийной группы т. Молотов, проявляя консерватизм и косность, не только не понял необходимости освоения целинных земель, но и сопротивлялся делу подъема 35 миллионов гектаров целины, которое приобрело такое огромное значение в экономике нашей страны.

Т. Маленков, Каганович и Молотов упорно сопротивлялись тем мероприятиям, которые проводил Центральный комитет и вся наша партия по ликвидации последствий культа личности, по устранению допущенных в свое время нарушений революционной законности и созданию таких условий, которые исключают возможность повторения их в дальнейшем.

В то время как рабочие, колхозники, наша славная молодежь, инженерно-технические и научные работники, писатели, вся интеллигенция единодушно поддержали мероприятия партии, проводимые на основе решений XX съезда КПСС, когда весь советский народ включился в активную борьбу за претворение в жизнь этих мероприятий, когда наша страна переживает мощный подъем народной активности и прилив новых творческих сил, – участники антипартийной группы остались глухими к этому творческому движению масс.

В области внешней политики эта группа, в особенности т. Молотов, проявляла косность и всячески мешала проведению назревших новых мероприятий, рассчитанных на укрепление мира во всем мире.

Тов. Молотов в течение длительного времени, будучи министром иностранных дел, не только не предпринимал никаких мер по линии МИДа для улучшения отношений СССР с Югославией, но и неоднократно выступал против тех мероприятий, которые осуществлялись Президиумом ЦК для улучшения отношений с Югославией.

Неправильная позиция т. Молотова по югославскому вопросу была единогласно осуждена Пленумом ЦК КПСС в июле 1955 г. – «как не соответствующая интересам Советского государства и социалистического лагеря и не отвечающая принципам ленинской политики».

Тов. Молотов тормозил заключение государственного договора с Австрией и дело улучшения отношений с этим государством, находящимся в центре Европы. Заключение договора с Австрией имело важное значение для разрядки общей международной напряженности. Он был также против нормализации отношений с Японией, в то время как эта нормализация сыграла большую роль в деле ослабления международной напряженности на Дальнем Востоке. Он выступал против разработанных партией принципиальных положений о возможности предотвращения войн в современных условиях, о возможности различных путей перехода к социализму в разных странах, о необходимости усиления контактов КПСС с прогрессивными партиями зарубежных стран.

Тов. Молотов неоднократно выступал против необходимых новых шагов Советского правительства в деле защиты мира и безопасности народов. В частности, он отрицал целесообразность установления личных контактов между руководящими деятелями СССР и государственными деятелями других стран, что необходимо в интересах достижения взаимопонимания и улучшения международных отношений. [...]

Убедившись в том, что их неправильные выступления и действия получают постоянный отпор в Президиуме ЦК, который последовательно проводит в жизнь линию XX съезда партии, тт. Молотов, Каганович, Маленков встали на путь групповой борьбы против руководства партии. Сговорившись между собой на антипартийной основе, они поставили перед собою цель изменить политику партии, вернуть партию к тем неправильным методам руководства, которые были осуждены XX съездом партии. Они прибегли к интриганским приемам и устроили тайный сговор против Центрального Комитета. Факты, вскрытые на Пленуме, ЦК, показывают, что тт. Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним т. Шепилов, став на путь фракционной борьбы, нарушили Устав партии и выработанное Лениным решение X съезда партии «О единстве партии»... [...]

Исходя из всего изложенного выше и руководствуясь интересами всемерного укрепления ленинского единства партии, Пленум ЦК КПСС постановляет:

1. Осудить, как несовместимую с ленинскими принципами нашей партии, фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова.

2. Вывести из состава членов Президиума ЦК и из состава ЦК тт. Маленкова, Кагановича и Молотова; снять с поста секретаря ЦК КПСС и вывести из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова. [...]

Справочник партийного работника. М., 1957. С. 121–26.

Документ № 7. Из Конституции СССР

7 октября 1977 г.

[...] В СССР построено развитое социалистическое общество. На этом этапе, когда социализм развивается на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний.

Это – общество, в котором созданы могучие производительные силы, передовая наука и культура, в котором постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности.

Это – общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ.

Это – общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся – патриотов и интернационалистов.

Это – общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех.

Это – общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни, сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом.

Развитое социалистическое общество – закономерный этап на пути к коммунизму.

Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление. Главные задачи социалистического общенародного государства; создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества. [...]

I. ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ И ПОЛИТИКИ СССР

Глава 1. Политическая система

Статья 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны.

Статья 2. Вся власть в СССР принадлежит народу.

Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР.

Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов. [...]

Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. [...]

Внеочередная Седьмая Сессия Верховного Совета СССР (девятый созыв): Стенограф, отчет. М., 1977. С. 472–475.

Список литературы

- Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века / Под ред. Шагина Э. М. Изд. 2-е, исправленное и дополненное – М., 2008. – Книга 1–2.
- Новейшая история России. 1914–2005. 2-е изд. / Под ред. Ходякова М. В. – М., 2007.
- Новейшая отечественная история. XX век. Кн. 1–2. / Под ред. Шагина Э. М., Лубкова А. В. – М., 2004.
- Хрестоматия по новейшей истории России. 1947–2004 гг. В 2-х частях / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. – М... 2005.–4.1.
- Хрестоматия по отечественной истории. 1914–1945 гг. / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. – М., 1996.
- Хрестоматия по истории СССР. 1917–1945. Под ред. Э. М. Шагина.-М., 1991.
- Шагин Э. М., Чураков Д. О., Цветков В. Ж. Становление советской политической системы: 1917–1941 годы / Под ред. Э. М. Шагина. – М., 2011.
- Антология Самиздата: Неподцензурная литература в СССР. 1950–1980 гг.: В 3 т. – М., 2005.
- Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. – М., 2001.
- Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы. М., 2010.
- Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. – М., 2002
- Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. – М., 2005.
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. – М., 2002.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. – М., 2003.
- СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Новое в исследовании и освещении в учебной литературе // Материалы Всероссийской научной конференции. М., Прометей, 2005.
- ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. – М., 2004.
- Андриянов В. И. Косыгин. – М., 2003.
- Бобков Ф. Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует... – М., 2011.
- Буровский А. Да здравствует «Застой»! – М., 2010.
- Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955). –М., 2007.
- Восленский М. С. Номенклатура. –М., 2005.
- Губарев В. С. Белый архипелаг Сталина. Документальное повествование о создании ядерной бомбы, основанное на рассекреченных материалах «Атомного проекта СССР». – М., 2004.
- Данилов А. А, Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. –М., 2001
- Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). – М., 2007
- Емельянов Ю. В. Сталин: На вершине власти. – М... 2006.
- Емельянов Ю. В. Хрущев: От пастуха до секретаря ЦК. – М., 2005.
- Жуков Ю. Н. Сталин: Тайны власти. – М., 2005, 2007.
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. –М., 2000.
- Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – М... 2008.
- Козырев М. Подпольные миллионеры: вся правда о частном бизнесе в СССР. – М., 2012.
- Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. –М., 2001.
- Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945. – М., 2005.
- Майсурян А. Другой Брежнев. – М., 2004.
- Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. -М.,2011.
- Митрохин НА. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–

1985 гг. – М., 2002.

- Наринский М. М. История международных отношений. 1945–1975. – М., 2004.
- Никонова С. И. Духовная жизнь советского общества в 1965–1985 гг.: Идеология и культура. – Казань, 2006.
- Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. – М., 2006.
- Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985. – М., 2006.
- Попов В. П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. – М., 2005.
- Семанов С. Н. Леонид Брежнев. Дораб. и дополн. изд. – М., 2005.
- Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма. 1961–1980. – М... 1982.
- Таубман У. Хрущев / Пер. с англ. – М., 2005.
- Трудовые конфликты в СССР. 1930–1991. Сб. ст. и док. – М., 2006.
- Удилов В. Теракты и диверсии в СССР: стопроцентная раскрываемость. – М., 2011
- Хинштейн А. Почему Брежнев не смог стать Путиным. – М., 2011.
- Черепанов В. Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. – М., 2006.
- Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). 3-е изд. – М., 2005.
- Шагин Э. М. Очерки истории России ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). – М., Владос, 2008.
- Шагин Э. М. Современная историография альтернатив «революции сверху» в советской деревне в свете новых документов о трудовом вкладе ее населения на алтарь Великой победы // Материалы Всероссийской научной конференции «Вторая мировая и Великая отечественная войны: исторические уроки и проблемы геополитики». – М., 2010